

Р. Симоненко, В. Берестенко

Тарас ШЕВЧЕНКО

та його доба

ТОМ

II

Віктор Берестенко

**Тарас Шевченко
та його доба. Том 2**

«Фолио»

2013

ББК 83.3(4УКР)5

Берестенко В. А.

Тарас Шевченко та його доба. Том 2 / В. А. Берестенко —
«Фолио», 2013

ISBN 978-966-03-6569-8

Тритомник «Тарас Григорович Шевченко та його доба» — це документально-хрестоматійне висвітлення життя й діяльності видатного сина України великого Кобзаря. В ньому зібранні ретельно перевірені документи, що збереглися, автентичні спогади сучасників — друзів і соратників Шевченка, які близько знали поета, а також наукові дослідження, що базуються на об'єктивному відборі фактів, ґрунтовному й неупередженому їх висвітленні. І том розповідає про становлення й розвиток Шевченкознавства, про дослідження творчої спадщини великого митця — поета, художника, революціонера, а також про його злиденні роки дитинства і юності а ж до визволення з кріпацтва і вступу до Петербурзької академії художеств.

ББК 83.3(4УКР)5

ISBN 978-966-03-6569-8

© Берестенко В. А., 2013

© Фолио, 2013

Содержание

Т. Г. ШЕВЧЕНКО І РЕВОЛЮЦІЙНИЙ РУХ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ XIX СТОЛІТТЯ	6
Повстання декабристів та його наслідки – головний підсумок революційного руху першої половини XIX століття	6
Шевченко та декабристи	6
Вимріяна Шевченкова мета	7
ІСТОРИЧНІ ТВОРИ СУЧАСНИКА, ДРУГА Й ОДНОДУМЦЯ ДЕКАБРИСТІВ О. С. ПУШКІНА	8
Під час заслання О. С. Пушкіна увиразнюються його передові погляди	8
Пушкінський план історичного нарису минулого України відходить від історії державника М. Карамзіна	9
Світоглядний вплив О. С. Пушкіна на Шевченка	11
Сучасники про Пушкіна	19
НАЙВАГОМІШИЙ ІСТОРИЧНИЙ ТВІР О. С. ПУШКІНА	33
Який шлях і яку методу обрав О. С. Пушкін для донесення історичної правди	34
ИСТОРИЯ ПУГАЧЁВА	34
Глава первая	34
Глава вторая	35
Глава третья	40
Глава четвертая	47
Глава пятая	55
Замечания о бунте	66
Записи устных рассказов, предания, песни	68
СПОГАДИ СУЧАСНИКІВ ПРО ПУШКІНА	81
Ф. Глинка. «Удаление А. С. Пушкина из С. – Петербурга в 1820 году» 164	81
Герцен – історик і наступник революційного декабристського руху	86
Місце знакової праці в творчості О. І. Герцена. Його історичні погляди	87
О. І. Герцен – фундатор вивчення декабристського руху	88
Герцен переконливо доводить велику роль провідних російських письменників у поширенні визвольних ідей у суспільстві	89
Загальна оцінка книжки «О развитии революционных идей в России»	90
Сила й слабкість історичних поглядів О. І. Герцена	90
Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года	100
Славнозвісний лист П. Я. Чаадаєва, його значення й вплив	110
Московский панславизм и русский европеизм	117
Декабристський рух в Україні	118

Військова служба П. І. Пестеля до арешту	118
Україна – найактивніше вогнище декабристського руху	119
Головні, за Пестелем, обов'язки держави щодо громадян	120
Громадянське суспільство має піклуватися про всіх людей і разом з тим – про кожну людину	121
Підсумок суджень П. І. Пестеля про «государственное благоденствие»	121
Кінець ознакомительного фрагмента.	122

Симоненко Р. Г., Берестенко В. А. Тарас Шевченко та його доба

Т. Г. ШЕВЧЕНКО І РЕВОЛЮЦІЙНИЙ РУХ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХІХ СТОЛІТТЯ

Повстання декабристів та його наслідки – головний підсумок революційного руху першої половини ХІХ століття

«Научная обработка истории декабристов, – стверджує один з провідних знавців історії ХІХ століття академік Микола Михайлович Дружинін, – получила своё развитие сравнительно недавно: только революция 1905 г. заострила внимание исследователей на истоках революционного движения, заставила пристальнее всмотреться в его социально-экономическую базу и сделала более доступными материалы государственных хранилищ. Почти одновременно появились, с одной стороны, крупные описательные работы, опирающиеся на подлинные материалы Следственного комитета (М. В. Довнар-Запольского, В. П. Семейского), с другой стороны – новая материалистическая концепция, которая разрушила либеральную легенду о декабристах (статьи К. Н. Левина и М. Н. Покровского)»¹.

Шевченко та декабристи

1825 року, коли відбулося найвідоміше повстання на Сенатській площі – Тарасу Шевченку було лише одинадцять років. Хлопчик, та ще й перебуваючи в кріпацькій неволі, зрозуміло, не міг дізнатись, тим більше – оцінити цю важливу історичну подію. Це сталося пізніше.

Спочатку – в художньому мистецтві, зрештою, на далекому засланні та по дорозі звідти. 3 листопада 1857 р. у Нижньому Новгороді Шевченко жадібно відшукував та знайомився зі змінами в політичному житті, що відбулися за час його десятирічного ув'язнення. Далеко не другорядну роль у цьому Тарас Григорович відводив освоєнню новітньої політичної літератури. Три дні тому він з гіркою іронією занотував у «Щоденнику»:

«После десятилетнего поста я разом бросился на книги, объелся и теперь страдаю несварением в желудке. Другой причины я не знаю этому томительному нравственному бездействию. Рисовать ничего порядочного не могу, не придумаю, да и помещение моё не позволяет»².

Але тоді, 3 листопада, Шевченко був уже в іншому настрої. На його думках і настроях виразно позначився, очевидно, тонус, яким жила Росія на початку другої половини ХІХ століття. Її революційні сили отримали твори Іскандера – Олександра Івановича Герцена, «Колокол» якого залунав у думках і прагненнях передових сил вітчизняного суспільства. Шевченко також вітав виразно інший напрям друкованих за кордоном видань, які відповідали його виношеним у нестерпних умовах царського заслання: «Сегодня воскресенье, и я, как порядочный человек, причепурился и вышел из дому с намерением навестить моих добрых знакомых. Зашёл я к первому мистеру Гранду, англичанину от волоска до ноготка. У него, у англича-

¹ Н. М. Дружинин. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С. 5.

² Тарас Шевченко. Зібрання творів: у 6 т. Т. 5. Щоденник... К., 1980 – 1984. С. 125.

нина, я в первый раз увидел сочинения Гоголя, изданные моим другом П. Кулишем. Друг мой немного подгулял.

У него же, у Гранда, и в первый же раз увидел я «Полярную звезду» Искандера за 1856 год, второй том. Обёртка, т. е. портреты наших первых апостолов-мучеников, меня так тяжело, грустно поразили, что я до сих пор ещё не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления.»

Вимріяна Шевченкова мета

Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события. С одной стороны – портреты этих великомучеников с надписью: “Первые русские великомученики свободы”, а на другой стороне медали – портрет неудобозабываемого Тормоза с надписью “Не первый русский коронованный палач”»³.

Та почалося це раніше. Зрозуміло, неабияка роль у цьому належить переломній події у житті Тараса Григоровича Шевченка – звільненню його з кріпацтва.

Недавній учасник декабристського руху граф Федір Петрович Толстой відіграв значущу роль у звільненні Т. Г. Шевченка. Попри те, що, займаючи важливу посаду – одного з керівників Корінної управи, Ф. П. Толстой ще до повстання декабристів – у 1820 р., розходячись з радикальною програмою П. І. Пестеля, подав у відставку і залишився людиною демократичних поглядів. Доказом його практичних дій у цьому плані було те, що він, перебуваючи на посаді віце-президента Петербурзької академії мистецтв, сприяв визволенню Шевченка з кріпацької неволі, а отже – становленню, зростанню й визнанню непересічного таланту видатного митця-художника.

³ Там само. С. 124.

ІСТОРИЧНІ ТВОРИ СУЧАСНИКА, ДРУГА Й ОДНОДУМЦЯ ДЕКАБРИСТІВ О. С. ПУШКІНА

Під час заслання О. С. Пушкіна увиразняються його передові погляди

Уже під час першого заслання на Південь Пушкін із захопленням переймався минулим України. Написаний Пушкіним французькою мовою «Очерк истории Украины» починається так: «Украиной или Малороссией, называют обширное пространство, соединённое колоссом Россией и состоящее из Черниговской, Киевской, Полтавской и Подольской губерний.

Климат там мягок, земля плодородна; страна в своей западной части покрыта лесом. На юге тянутся огромные равнины, пересекаемые широкими реками, где путешественники не встретят ни леса, ни холма»⁴.

«Очерк истории Украины» становив першу спробу історичної творчості Олександра Сергійовича, значною мірою – це переказ тодішніх історичних джерел і праць. Саме тому видавці десяти томного «Повного зібрання творів» поета знайшли потрібним вмістити стисло довідку про цей твір Пушкіна:

«ОЧЕРК ИСТОРИИ УКРАИНЫ: написан в 1831 г. Интерес Пушкина к истории Украины может быть отнесён ещё к 1829 г., когда 28 апреля М. П. Погодин⁵ писал С. П. Шевырёву⁶:

⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Ленинград, 1978. С. 407.

⁵ Михаил Петрович Погодин (1800 – 1875) – русский историк, писатель, журналист. Профессор Московского университета, академик с 1841 г. Сын крепостного, отпущенного на волю в 1806 г. В 1825 г. защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», в которой выступил представителем так называемой норманнской школы. В начале литературной деятельности, в период издания журнала «Московский вестник» (1827 – 1830) в беллетристике Погодина слышались мотивы протеста против угнетённого положения народа. Наибольший интерес представляли его бытовые повести (издания 1832 г.), в которых показано бесправное положение крепостных («Нищий»), мрачный быт купечества («Чёрная помочь»), жадность и бескультурие мелкодворянской и чиновничьей среды («Невеста на ярмарке»). Предвосхищая Ф. М. Достоевского, Погодин проявил интерес к людям социального дна («Счастье и несчастье»), а также к патологическим состояниям человеческой психики («Преступница», серия рассказов из народной жизни под общим названием «Психологические явления»), однако Погодин не связывал их с патологией социального строя и искал выход в религии, в социальном смиреннии. В книге «Год в чужих краях» (1839). Дорожный дневник» отчётливо сказались противоречия сознания Погодина: с одной стороны – нерассуждающая религиозность, монархизм, великодержавный шовинизм, с другой – возмущение бесправием, нищетой, а заодно и «гегелистами», считающими «всё действительное разумным». К Погодину здесь приложима характеристика, данная ему позднее поэтом Н. Ф. Щербиной: «демократства и холопства удивительная смесь». В 1835 г. Погодин установил связи с представителями чешской славистики (В. Ганка, Ф. Палацкий, П. Й. Шафарик) и стал пропагандистом идеи славянского единства. С начала 1840-х годов Погодин вёл преимущественно публицистическую и научную деятельность, выступал в период редактирования совместно с С. П. Шевырёвым (1841 – 1856), как апологет «официальной народности». Православие как религия «смирномудрия», самодержавие как система «отеческого» управления, народность как верность старинным бытовым и общественным устоям – эти «истиннорусские» принципы должны спасти страну от революций, потрясающих «гниющий» Запад. С этих позиций Погодин осуждал натуральную школу, критику В. Г. Белинского, приветствовал «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, с которым был лично связан до конца его жизни. «Охранительство» Погодина (служившее Н. А. Герцену и М. Е. Салтыкову мишенью для сатирических выпадов) отталкивало от него даже недавних соратников-славянофилов. Значительна роль Погодина-историка, обнаружившего и опубликовавшего многие документы. Ему принадлежит заслуга создания русского национального древнехранилища (Москва), в котором собраны старинные рукописи, книги, монеты, утварь, оружие и т. д. (в 50-х гг. XIX века собрание Погодина было куплено правительством). (Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. Стб. 822.)

⁶ Степан Петрович Шевырёв (1806 – 1864) – русский литературный критик, историк литературы, поэт. Академик Петербургской АН (1852). Родился в дворянской семье. Окончил Благородный пансион при Московском университете (1822). Был близок к Обществу Любомудров, разделял его интерес к философии Ф. Шеллинга. В 1825 г. перевёл книгу Д. Тика и В. Г. Ваккенродера «Об искусстве и художниках». Принимал участие в организации и издании «Московского вестника», печатал в нём свои стихи, критические и теоретические статьи, рецензии (например, обзор русской литературы за 1827 г., где дана содержательная характеристика творчества А. С. Пушкина). Сделанный Шевырёвым разбор фрагмента из «Фауста» получил одобрение И. В. Гёте... В стихах, большая часть которых написана во второй половине 1820-х гг., Шевырёв предпринял попытку

«Пушкин собирается писать историю Малороссии». В это время печаталась поэма «Полтава», и Пушкин, располагая тогда списком рукописи «Истории руссов», найденной в 1824 – 1825 гг., долгое время считавшейся трудом Георгия Конисского и, вероятно, по цензурным условиям не печатавшейся, предполагал подготовить её к печати и издать; однако работа над подготовкой к изданию этого текста задержалась, а затем и вовсе приостановилась. Следом подготовительной работы над этим памятником остался написанный Пушкиным очерк истории Украины, а также следующий план:

Что ныне называется Малороссией?
Что составляло прежде Малороссию?
Когда отторгнулась она от России?
Долго ли находилась под владычеством татар?
От Гедимины до Сагайдачного.
От Сагайдачного до Хмельницкого.
От Хмельницкого до Мазепы.
От Мазепы до Разумовского.

Пушкінський план історичного нарису минулого України відходить від історії державника М. Карамзіна

Этот очерк и план представляют собою пересказ отдельных мест I – III томов «Истории государства Российского» Карамзина и первых глав «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского. В частности, из труда Д. Н. Бантыша-Каменского целиком выписаны абзацы от слов «Les Polianes habitaient...» до «Danube» и изложение событий о разорении половцами Киева и Чернигова. Из «Истории руссов» Пушкин воспользовался периодизацией событий для наброска плана, целиком следуя изложению рукописи «Истории руссов», а не изложению Карамзина или Бантыш-Каменского. Из «Истории руссов», например, взят период «От Сагайдачного до Хмельницкого», которого нет у названных историков».

«Славяне, – відзначав О. С. Пушкін, – с незапамятных времён населяли эту обширную область; города Киев, Чернигов и Любеч не менее древни, чем Новгород Великий, свободный торговый город, основание которого относится к первым векам нашей эры.

создать «позицию мысли». Шевырѣв выступил против гладкости и благозвучия поэтической речи. Тема природы и её единства с духовной жизнью человека (стихотворения «Глагол природы», «Сон», «Ночь», «Стансы» и др.) занимает центральное место в творчестве Шевырѣва. Ряд его стихотворений посвящены исторической теме («Петроград», «Стансы Риму» и др.), литературной полемике («Водевиль и Элегия», «Тяжёлый поэт», «Послание к А. С. Пушкину» и др.). В 1831 г. Шевырѣв опубликовал рассуждение «О возможности ввести италианскую октаву в русское стихосложение», которое вместе с экспериментальными переводами октавами седьмой песни «Освобождённого Иерусалима» Т. Тассо должно было обосновать возможность коренной реформы русского стихосложения. В 1832 – 1857 гг. он преподавал историю русской литературы в Московском университете (в 1837 г. – профессор). В исследованиях «История поэзии» (тт. 1 – 2, 1835 – 1892, посмертно), «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (ч. 1 – 4, 1836, докторская диссертация) и др. Шевырѣв стремился рассмотреть теорию литературы как отражение духовного опыта народа, его истории; обоснование исторического подхода к искусству вызвало сочувственный отзыв Пушкина. В 1835 – 1837 гг. Шевырѣв – критик «Московского наблюдателя». Высоко оценивая комизм Н. В. Гоголя, выступал против так называемого «торгового направления» в литературе (Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, О. И. Сенковский), он вместе с тем всё определённое занимает дворянско-охранительные позиции. Возглавив в 1841 г. вместе с М. П. Погодиным журнал «Москвитянин», Шевырѣв стал одним из глашатаев теории «официальной народности», вел непрестанную борьбу против В. Г. Белинского, натуральной школы. В 1846 г. Шевырѣв издал «Историю русской словесности, преимущественно древней» (т. 1) – первый систематический курс древней русской литературы, основанный на изучении первоисточников. Последние годы жизни Шевырѣв провёл за границей, где читал лекции по истории русской литературы». (Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. Стб. 655 – 656.)

Поляне жили на берегах Днепра, северяне и суличи – на берегах Десны, Сейма и Сулы, радимичи – на берегах Сожа, дреговичи – между Западной Двиной и Припятью, бужане и дублебы – по Бугу, лутичи и тиверцы – у устьев Днестра и Дуная.

В середине девятого века Новгород был завоёван норманнами, известными под именем варяго-русов. Эти предприимчивые удалыцы, вторгаясь в глубь страны, подчинили себе одно за другим племена, жившие на Днепре, Буге, Десне. Различные славянские племена, принявшие имя русских, увеличили войска своих победителей. Они захватили Киев, и Олег сделал его своей столицей. Варяго-русы стали грозой Восточной Римской империи, и не раз их варварский флот появлялся угрозой у стен богатой и слабой Византии. Не будучи в состоянии отразить их силой оружия, она гордилась тем, что смирила их посредством религии. Дикие поклонники Перуна слышали проповедь Евангелия, и Владимир принял крещение. Его подданные с тупым равнодушием усвоили веру, избранную их вождём.

Русские, наводившие ужас на отдалённые народы, сами подвергались нападениям соседних племён: болгар, печенегов и половцев. Владимир разделил между своими сыновьями земли, завоёванные своими предками.

Эти князья в своих уделах являлись представителями государя, которым было поручено подавлять возмущения и отражать нападения врагов. Это, как мы видим, вовсе не была феодальная система, основанная на независимости отдельных лиц и на равном праве их участия в добыче.

Но вскоре начались раздоры и войны, длившиеся непрерывно более чем двести лет. Столица государя была перенесена во Владимир. Чернигов и Киев потеряли постепенно своё значение. Тем временем в южной России возникли новые города: Корсунь и Богуслав на Роси (в Киевской губернии), Стародуб на Бабенце (в Черниговской губ.), Стрецк и Вострецк (в Черниговской губ.), Триполь (под Киевом), Лубны и Хорол (в Полтавской губ.), Новгород-Северский (в Черниговской губ.). Все эти города существовали уже к концу XIII века.

В то время как внуки Владимира Великого занимались раздорами, и воинственные племена, обитавшие к востоку от Чёрного моря, оказывали помощь одним из них, чтобы делить добычу, доставшуюся от других, неожиданное бедствие обрушилось на русских князей и весь народ.

Татары появились у границ России. Им препятствовали всё те же половцы, изгнанные со своих пастбищ и массами устремившиеся к тем князьям, которым они раньше служили или которых разоряли. Князья собрались в Киеве. Война была решена; отовсюду стекался народ и становился под знамёна. Один только Юрий, великий князь Владимирский, не пожелал принять участие в опасностях похода. Он ожидал ослабления уделов в результате этой войны.

Войска князей, соединившись с половцами, продвигались против неведомого, но уже грозного врага. Татарские послы прибыли на берег Днепра в то время, как русские войска начали переправу. Они предложили князьям союз, но последние употребили своё влияние, и послы были перебиты. Войска продвигались дальше, между тем не замедлили вспыхнуть раздоры. Два Мстислава, князь киевский и князь галицкий, дошли до открытого разрыва. Прибыв на берег Калки (река в Екатеринославской губернии), Мстислав галицкий перешёл её со своим войском, в то время как остальная армия под начальством князя киевского укрепились на противоположном берегу. На следующий день (31 мая 1224⁷ года) враг появился, и началась битва между татарскими войсками и отрядом, состоявшим из войск князя галицкого и половцев. Последние вскоре дрогнули и внесли беспорядок в ряды русских. Те ещё сражались, воодушевляемые примером храброго Владимира Волынского, но безрассудная гордость кня-

⁷ На превеликий жаль, комментатори видання Повного зібрання творів Т. Г. Шевченка не дуже старанно поставились до своєї справи, плутаючи факти, відомі школярам. Адже історична битва під Калкою сталася роком раніше – у 1223 році.

зей была причиной их гибели. Мстислав киевский не посылал подкрепления, а тот его не желал просить.

Вскоре смятение объяло всех; бегущие половцы убивали русских, чтобы поскорее их грабить. Русские отступили за Калку, преследуемые татарами, и миновали лагерь князя киевского, который, оставаясь неподвижным зрителем их поражения, ещё рассчитывал на собственные силы, чтобы отразить победителей, которые скоро его окружили. Татары начали переговоры, которые позволили им овладеть лагерем. Произошло страшное избиение. Мстислав и некоторые другие князья подверглись страшной участи: татары связали их и положили на землю, покрыли доской, на которую сели, раздавив их заживо. Так погибло войско, ещё недавно грозное. Татары преследовали русских до Чернигова и Новгорода-Сиверского, предавая всё огню и мечу. Внезапно победители остановились, и их орда ушла на восток, где она соединилась с великой армией Чингис-хана, стоявшей в то время в Бухаре»⁸.

Світоглядний вплив О. С. Пушкіна на Шевченка

Великий поет і громадянин Олександр Сергійович Пушкін – найбільш знакова постать у Росії першої половини ХІХ століття. Окрім того, його роль і місце в громадськополітичному житті країни, зокрема в дворянському революційному декабристському русі – незаперечні.

Усе це не могло певним чином не впливати на творче життя й погляди Тараса Григоровича Шевченка. Але спочатку зупинимося, хоча би коротко, на свідченнях сучасників Олександра Сергійовича.

Ось видання «А. С. ПУШКИН в воспоминаниях современников»⁹.

Наводячи в примітках характеристику спогадів батька, Сергія Львовича¹⁰, та зважаючи на сказане про їхні взаємини, додамо до цих споминів витяг зі мемуарів старшої на рік сестри О. С. Пушкіна – Ольги Сергіївни:

«Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве в 1799 году, мая 26-го в день Вознесения.

От самого рождения до вступления в Царскосельский лицей он был неразлучен с сестрою Ольгою Сергеевною, которая только годом была его старше. Детство их проходило вместе, и няня сестры, Арина Родионовна, воспетая поэтом, сделалась нянею для брата, хотя за ним ходила другая, по имени Улиана. Начнём с няни...

Арина Родионовна была родом из села Кобрина, лежащего верстах в шестидесяти от Петербурга. Кобрину принадлежало деду Александра Сергеевича по матери, Осипу Абрамовичу Ганнибалу, и находилось верстах в пяти от Суйды, деревни брата его Ивана Абрамовича. Когда Марья Алексеевна... бабушка Александра Сергеевича, супруга Осипа Абрамо-

⁸ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8, С. 407 – 409.

⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Л.: Изд-во художественной литературы, 1950. 599 с.

¹⁰ Сергей Львович Пушкин (1770 – 1848) пережил своего великого сына на одиннадцать с половиною лет, но не оставил о нём развёрнутых воспоминаний. Это можно объяснить и холодностью их личных отношений, и определённой узостью духовного мира отца. Взглядам С. Л. Пушкина на назначение дворянина явно не соответствовало поприще, избранное сыном. «Замечания на так называемую биографию Александра Сергеевича Пушкина», помещённую в «Портретной и биографической галерее», вызваны не столько стремлением С. Л. Пушкина исправить неточности биографа, относящиеся к облику поэта, сколько уязвлённым достоинством дворянина: больше всего негодует С. Л. Пушкин по поводу того, что преуменьшены родovitость его жены и состояние его отца. Поводом к «Замечаниям» явилась анонимная книга «Портретная и биографическая галерея словесности, художеств и искусств в России. I. Пушкин и Брюллов», СПб., 1841 (авторство приписывается О. И. Сенковскому). «Замечания» С. Л. Пушкина на эту книгу напечатаны в журнале «Отечественные записки» (1841, том XV). Мы воспроизводим наиболее существенные из них, относящиеся непосредственно к А. С. Пушкину. Сестра Пушкина Ольга Сергеевна в замужестве Павлищева (1797 – 1868) была неразлучной спутницей детства будущего поэта, до самой поры его поступления в Лицей. Этим дням и посвящены «Воспоминания о детстве будущего поэта (со слов сестры его О. С. Павлищевой), написанные в Спб. 26 октября 1851 г.». Воспоминания содержат ценные данные о временах домашнего учения, детских досугах и первых литературных опытах Пушкина, о среде, его окружавшей. Небезынтересны и сведения о предках Пушкина, в заключительной части воспоминаний... (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 523.)

веча, вступив во владение Кобрином, продала его в 1805... то при этом случае отпустила на волю Арину Родионовну с двумя сыновьями и двумя дочерьми... Между тем родился Лев Сергеевич, и Арине Родионовне поручено было ходить за ним, и она сделалась общею нянею. Она и слушать не хотела, когда Марья Алексеевна, продавая в 1811 году Захарово, предлагала выкупить всё семейство Марьи. «На что вольная, матушка; я сама была крестьянкой», – повторяла она. Была она настоящею представительницею русских нянь, мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками. Александр Сергеевич, любивший её с детства, оценил её вполне, когда жил в ссылке, в Михайловском. Умерла она у нас в дому, в 1828 году, лет семидесяти от роду после кратковременной болезни.

Михайловское, ознаменованное ссылкой деда и внука, лежит в двадцати верстах от Новоржева и верстах в сорока от своего уездного города Опочки, Псковской губернии, не дальше версты от села Тригорского, принадлежавшего Прасковье Александровне, по первому браку Вульф. Но прежде как в 1817 году, по выходе Александра Сергеевича из Лицея, родители его, жившие в Петербурге, впервые отправились туда вместе с ним на лето, поездка, которая осталась памятною в его стихах:

Есть в России город Луга
Петербургского округа и т. д.

До помещения его же в Лицей они постоянно жили в Москве, проводя летнее время в Захарове.

До шестилетнего времени Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившею от тучности тела, приводил иногда мать в отчаяние».

Почнемо, однак, зі спогадів Льва Пушкіна – брата Олександра Сергійовича – про перші кроки в житті геніального поета.

«Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года. До одиннадцатилетнего возраста он воспитывался в родительском доме. Страсть к поэзии проявилась в нём с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей... Ребёнок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другой. Пушкин был одарён памятью необыкновенной и на одиннадцатом году знал уже французскую литературу наизусть.

В 1811 году открылся Царскосельский лицей, и отец Пушкина поручил своему брату Василию Львовичу отвезть его в Петербург для помещения в сие заведение, куда он и поступил в числе тридцати учеников. Тут развился его характер – любящий, пылкий и независимый. Учился он легко, но небрежно: особенно он не любил математики и немецкого языка. На сём последнем он до конца жизни читал мало и не говорил вовсе.

Поэзии предался он безгранично и, имея четырнадцать лет отроду, написал «Воспоминания о Царском Селе», «Наполеон на Эльбе» и разные другие стихотворения, помещённые в тогдашних периодических и других изданиях и обративших на него внимание. В свободное время он любил навещать Н. М. Карамзина, проводившего ежегодно летнее время в Царском Селе. Карамзин читал ему рукописный труд свой и делился с ним досугом и суждениями. От Карамзина Пушкин забегал в кружок лейб-гусарских офицеров и возвращался к лицейским друзьям с запасом новых впечатлений. Он вообще любил своих товарищей и с некоторыми из них, особенно с бароном Дельвигом, был и остался истинным другом.

После шестилетнего воспитания в Лицее Пушкин вступил в министерство иностранных дел с чином коллежского секретаря. Аттестат, выданный ему в Лицее, свидетельствовал, между прочим, об отличных успехах в фехтовании и танцевании и о посредственных – в русском языке.

При выходе из Лицея Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны. Он жадно, бешено предавался всем наслаждениям. Круг его знакомств и связей был чрезвычайно обширен и разнообразен. Тут началась его дружба с Жуковским, не изменившая ему до последней минуты.

Поэзиею Пушкин занимался мимоходом, в минуты вдохновения. Он в это время написал ряд мелких стихотворений, заключённый поэмою «Руслан и Людмила». Четырёхстопный ямб с рифмою сделался и оставался его любимым размером. В это время Пушкин не постигал стихов не рифмованных и по этому случаю смеялся над некоторыми сочинениями Жуковского. Он пародировал «Тленность» следующим образом:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит мысль: что если это проза,
Да и дурная?

Жуковский этому смеялся, но не уверил Пушкина, что это стихи.

Известность Пушкина и литературная, и личная с каждым днём возрастала. Молодёжь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и рассказывала об нём анекдоты.

Всё это, как водится, было частью справедливо, частью вымыслено...

Весною 1820 года Пушкин был назначен в канцелярию генерала Инзова, бессарабского наместника. В Екатеринославе он занемог сильной горячкой. Генерал Раевский¹¹ проезжал на Кавказ с двумя сыновьями. Он нашёл Пушкина в бреду, без пособия и без присмотра. Оба сына Раевского были дружны; с разрешения Инзова они его повезли на воды. Там он скоро поправился. Кавказ, разумеется произвёл на него сильное впечатление, которое отозвалось поэмою «Кавказский пленник».

С Кавказа Пушкин отправился в обратный путь, но уже по земле не донских, а черноморских казаков. Станицы, казачьи пикеты, конвои с заряжённой пушкой, словом, вся эта близость опасности пленяла его младое мечтательное воображение. Из Тамани он отправился морем мимо полуденных берегов Крыма. Он знакомился с морем и приветствовал его элегией:

Погасло дневное светило...

Очаровательная природа Крыма оставила ему неизгладимые впечатления. Сколько лет спустя он говорил в «Онегине»:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля, и т. д.

¹¹ Николай Николаевич Раевский (1771 – 1829) – русский военный деятель, герой Отечественной войны 1812 г., генерал от кавалерии (1813). С 1790 г. участвовал в войнах с Турцией, Польшей, Ираном, затем в войнах с Францией (1805 – 1807), Турцией (1806 – 1812) и Швецией (1808 – 1809). Во время Отечественной войны 1812 г., командуя 7-м пехотным корпусом, отличился в боях у Салтановки 11(23) июля, под Смоленском 4(16) августа, в Бородинском сражении (оборона батареи Раевского), под Малоярославцем 12(24) октября и др. Участник заграничных походов 1813 – 1814 гг. До 1825 г. командовал корпусом во 2-й армии на Юге России, с 1826 г. – член Государственного совета. Отличался личной храбростью и пользовался широкой популярностью. Был в дружеских отношениях с А. С. Пушкиным и оказывал ему поддержку во время его южной ссылки. В среде, окружавшей Раевского, было много декабристов (в частности, его зятя С. Г. Волконский и М. Ф. Орлов), с которыми были связаны также двое его сыновей. Декабристы назначали Раевского членом Временного верховного правительства. (Советская историческая энциклопедия. Т. 11. Стб. 835.)

«Корабль плыл (говорил Пушкин в одном письме своём) перед горами, покрытыми тополями, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения; он остановился в виду Юрзуфа¹². Там прожил я три недели... Счастливейшие минуты провёл я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нём героя славы русского войска; я в нём любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой, снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12 года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен¹³. Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив. Свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображению, горы, скалы, море... Друг мой, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского»¹⁴.

С южного берега Крыма Пушкин приехал в Кишинёв к месту своего назначения. Тут он провёл два года. Жил он в доме генерала Инзова, который полюбил его как сына. Пушкин тоже к нему душевно привязался. Их отношения были очень забавны. Молодой ветреный Пушкин шалил и проказил; генерал Инзов получал на него донесения и жалобы и не знал, что с ним делать. Пушкин имел страсть бесить молдаван, а иногда поступал с ними и гораздо хуже. Вот случай, памятный до сих пор в тамошнем краю. Жена молдавского вельможи Бальше сказала Пушкину какую-то оскорбительную дерзость. Пушкин отправился с объяснением к её важному супругу, который дал ему ответ неудовлетворительный. Пушкин назначил ему на другой день свидание в постороннем доме. Там он ему доказывал, что с женщиной иметь объяснения невозможно, ибо объяснение с нею ни к чему не доводит; с мужем же её – дело другое: ему по крайней мере можно дать пощёчину. И в подтверждение своих слов Пушкин исполнил сию угрозу над лицом тяжеловесного молдаванина.

Однажды Пушкин исчез и пропадавал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором, и это породило впоследствии поэму «Цыганы». В эпилоге к поэме пропущены были следующие строки:

За их ленивыми толпами
В пустынях праздный я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.

В походах медленных любил
Их песен радостные гулы,
И долго милой Мариулы
Я имя милое твердил.

Пушкин коротко сошёлся с генералами М. Ф. Орловым¹⁵ и П. С. Пущиным¹⁶ и проводил с ними большую часть времени. Вообще, в Кишинёве русское общество было военное. Один

¹² Где находилось семейство Раевских.

¹³ Давно покинувший свет и службу и живущий уединённо в Москве. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 523.)

¹⁴ Л. С. Пушкин приводит письмо к нему А. С. Пушкина от 18 сентября 1820 года с некоторыми неточностями. (Там само. С. 524.)

¹⁵ М. Ф. Орлов (1788 – 1842) – генерал-майор, член «Арзамаса», видный декабрист, в 1820 – 1822 гг. командир 16-й пехотной дивизии в Кишинёве. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 589.)

¹⁶ П. С. Пущин (1789 – 1865) – бригадный генерал в Кишинёве, масон, причастный к декабристам. (Советская историче-

Пушкин отличался партикулярным платьем, бритой после горячки головою и красною ермолкой. На обедах военная прислуга его обыкновенно обносила, за что он очень смешно и весело негодовал на Кишинёв.

Невзирая на обычную весёлость, Пушкин предавался любви со всею её задумчивостью, со всею её унынием. Предметы страсти менялись в пылкой душе его, но сама страсть её не оставляла. В Кишинёве долго занимала его одна из трёх красивых пар ножек наших соотечественниц.

В два года своего пребывания в Кишинёве Пушкин написал несколько мелких своих стихотворений, «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Братьев-разбойников» и послание «К Овидию»¹⁷. Сие последнее сочинение он ставил выше всего того, что было им написано до того времени.

По назначении графа Воронцова новороссийским и бессарабским генерал-губернатором Пушкин был зачислен в его канцелярию. Он оставил Кишинёв и поселился в Одессе; сначала грустил по Кишинёву, но вскоре европейская жизнь, итальянская опера и французские рестораны напомнили ему старину и, по его же словам, «обновили душу». Он опять предался светской жизни, но более одушевлённой, более поэтической, чем та, которую вёл в Петербурге. Полуденное небо согревало в нём все впечатления, море увлекало его воображение. Любовь овладевала сильнее его душою. Она предстала ему со всею заманчивостью интриг, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаяния. Однажды в бешенстве ревности он пробежал пять вёрст с обнажённой головой под палящим солнцем по тридцати пяти градусам жары.

Пушкин был собою дурён, но лицо его было выразительно и одушевлено; ростом он был мал (в нём было с небольшим два аршина и пять вершков¹⁸), но тонок и сложен необыкновенно. Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своём. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив. Должно заметить, что редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чём-то близком его душе. Тогда-то он становился поэтом и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях. О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался этого предмета. Многие из них, особенно в то ещё время, и не подозревали в нём поэта. Одна иностранка, оставляя Россию, просила Пушкина написать ей что-нибудь в память самых близких двухлетних их отношений. Он написал ей пиесу:

На языке тебе невнятном и пр.¹⁹

Она очень удивилась, что стихи – собственного его сочинения, просила перевода, но Пушкин предоставил ей обратиться для сего к первому русскому, которого она встретит. В знакомом кругу он любил эту неизвестность, но молвою вообще дорожил...

Пушкин не любил над собою невольного влияния французской литературы. Он радостно преклонялся перед Байроном, но не был, как утверждают некоторые, его вечным, безусловным подражателем. Андрей Шенье, француз по имени, а, конечно не по направлению таланта, сделался его поэтическим кумиром. Он первый в России и, кажется, даже в Европе, достойно

ская энциклопедия. Т. 11. Стб. 592.)

¹⁷ Кроме того, в Кишинёве Пушкин написал поэму «Гаврилиада» (апрель 1821 года) и начал роман «Евгений Онегин». (Там само. С. 525.)

¹⁸ Из заметок художника Г. Г. Чернецова, сделанных 12 апреля 1822 года, следует, что Пушкин был ростом 2 аршина 5 ½ вершков.

¹⁹ Стихотворение «Иностранке» относится к 1822 г. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 525.)

оценил его. В Одессе Пушкин писал много, и произведения его становились со дня на день своеобразнее; читал он ещё более. Там же написал три первые главы «Онегина». Он горячо взялся за него и каждый день им занимался. Пушкин просыпался рано и писал обыкновенно несколько часов, не вставая с постели. Приятели часто заставляли его, то задумчивого, то помирающего со смеху над строфою своего романа. Одесская осень благотворно действовала на его занятия. Надо заметить, это время года, всегда ненастное, приносило ему вдохновение; что же он чувствовал на юге, где всё влияние осени отзывалось в его душе, а сверх того он видел ясное небо, дышал тёплым, чистым воздухом.

В 1824 году Пушкин был принуждён оставить Одессу и поселиться в Псковской губернии, в деревне своей матери. Перемена ли образа жизни, естественный ли ход усовершенствования, но дело в том, что в сём уединении талант его видимо окрепнул и, если можно так выразиться, освообразился. С этого времени все его сочинения получили печать зрелости. Здесь он написал «Цыганов», несколько глав «Онегина», множество мелких стихотворений и, наконец, «Бориса Годунова».

В двух верстах от его деревни находится село Тригорское, неоднократно воспетое и им, и Языковым²⁰. Оно принадлежит П. А. Осиповой, которая там жила и живёт поныне со своим семейством. Добрая, умная хозяйка и милые её дочери с избытком заменили Пушкину все лишения света. Он нашёл тут всю заботливость дружбы и все развлечения, всю приятность дружбы. Вскоре Тригорское и Михайловское оживились с приездом сына П. А. Осиповой и поэта Языкова. Пушкин его очень любил как поэта и был в восхищении от его знакомства. Языков приехал на поэтический зов Пушкина:

Издревле сладостный союз и пр.

²⁰ Николай Михайлович Языков (1803 – 1847) – русский поэт. Родился в дворянской семье. В 1814 – 1820 гг. учился в Горном кадетском корпусе и Институте инженеров путей сообщения в Петербурге в 1822 – 1829 гг. – на философском факультете Дерптского (Тартуского) университета. В молодости был близок к К. Ф. Радищеву, А. А. Бестужеву, печатался в «Полярной звезде». Был другом А. С. Пушкина. Годы, проведенные в Дерпте – наиболее плодотворный период его творчества. Языков быстро завоевал репутацию самобытного поэта, самобытно отразившего вольнолюбие и политическую оппозиционность передовой дворянской молодёжи: стихи и песни Языкова осуждают самодержавие и обскурантизм, славят личность, независимую от оков несправедливого социального строя и ханжества официальной морали. В элегиях «Свободы гордой вдохновенье» и «Ещё молчит гроза народа» выражено глубокое сожаление по поводу слабости политического протеста в стране. В стихотворении «Не вы ль, убранство наших дней», написанном после казни К. Ф. Рылеева, возникает грозный образ грядущей России, поднимающейся «на самовластие царей». В декабристских традициях разрабатывает Языков темы русской истории («Песнь барда во время владычества татар в России», «Баян к русскому народу...», «Евпатий», «Новгородская песня» и др.). Характерный для стихов молодого Языкова пафос «жизни своевольной», «радости и хмеля» нашёл отражение и в самой удали его поэтической речи, в темпераментности и свежести стихового строя, в смелости и неожиданности словотворчества. Высоко оценивая стихи Языкова ранней поры, Н. А. Добролюбов отметил, что «...к сожалению, источник их был не в твёрдом, ясно сознанным убеждении, а в стремительном порыве чувства, не находившего себе поддержки в просвещённой мысли» (Собр. соч. Т. 2. 1962. С. 342) и тем самым объяснил основную причину идейной и творческой эволюции Языкова в 30 – 40-е гг. XIX века. Переехав из Дерпта в Москву (1829), поэт сблизился с будущими славянофилами И. В. и П. В. Киреевскими, А. С. Хомяковым, семьёй Аксаковых. От вольнолюбия и тираноборчества дерптских стихов Языков перешёл сначала к покаянно-религиозным настроениям, к осуждению своего прошлого (Ау!), 1831), а в конце жизни – к ожесточённым нападениям на П. Я. Чаадаева, Т. Н. Грановского, А. И. Герцена («К ненашим», 1844), что вызвало резкий отзыв В. Г. Белинского, пародии Н. А. Некрасова. Патриотизм Языкова стал проявляться как приверженность к православию и вражда к революционному Западу. Программным для позднего Языкова было стихотворение «Землетрясение» (1844), где он утверждал, что миссия поэта – приносить «дрожащим людям молитвы с горной вышины», что путь к спасению – в вере. В 1840-е гг. Языков написал стихотворные повести, близкие к натуральной школе, в которых проявлялся интерес к быту и влиянию среды на человека («Сержант Сумин», 1845, «Липы», 1846). Языков был одним из зачинателей и активных пропагандистов собирания и издания памятников народного творчества. Разработка фольклорных тем заняла заметное место и в его поэзии («Сказка о пастухе и диком вепре», 1835; «Жар-Птица», 1836 и др.). Многие стихи и песни Языкова («Нелюдино наше море», «Из страны, страны далёкой» и др.) положены на музыку А. С. Даргомыжским, К. П. Вильбоа и другими русскими композиторами. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. Стб. 1048 – 1050.)

Потом он был обрадован приездом своего друга барона Дельвига. Более никого или почти никого Пушкин не видал во всё время своей деревенской жизни²¹. Сношения его с Петербургом шли своим чередом: он получал оттуда книги, журналы и письма. В это время началась его переписка с П. А. Плетнёвым, который взялся быть издателем его сочинений. Они в то время лично были почти незнакомы, но впоследствии их сношения кончились тесною дружбой. В досужее время Пушкин много ходил и ездил верхом, а вечером любил слушать русские сказки и тем – говорил он – вознаграждал недостатки французского воспитания. Вообще образ его жизни довольно походил на деревенскую жизнь Онегина. Зимой он, проснувшись, погружался в ванну со льдом, а летом отправлялся к бегущей под горой реке, так же играл в два шара на бильярде, так же обедал поздно и довольно прихотливо. Вообще он любил передавать своим героям собственные вкусы и привычки. Нигде он так не выразился, как в описании Чарского (см. «Египетские ночи»). В это время появилась первая глава «Онегина». Журналы или молчали, или отзывались о ней легко и равнодушно. Пушкин не понимал такого приёма сочинению, которое ставил гораздо выше прежних, удостоенных похвал, не только внимания. Впоследствии он должен был привыкнуть ко вкусу критиков и публики. «Борис Годунов», «Полтава», все русские сказки были приветствуемы то бранью, то насмешками. Когда появилась его шутка «Домик в Коломне», то публика увидела такой упадок его таланта, что никто из снисходительного приличия не упоминал при нём об этом сочинении».

З огляду на те, що вище було наведено аутентичні документи і матеріали самого Олександра Сергійовича Пушкіна про його ставлення до царя Миколи I, немає потреби наводити останні два рядки спогадів, запозичених у дещо заляканого «Його величністю Миколою Палкіним» молодшого брата геніального й сміливого поета-громадянина.

Тепер останнє свідчення про фактичного побратима Шевченка – і не тільки поетичного – Олександра Сергійовича Пушкіна. Воно належить відомому російському літераторові XIX століття Петру Андрійовичу Вяземському²².

²¹ По цензурным соображениям Л. С. Пушкин умалчивает о приезде в Михайловское декабриста И. И. Пушина.

²² Петр Андреевич Вяземский (1792 – 1878), князь – русский поэт и критик. Родился в богатой дворянской семье. Получил отличное домашнее образование. С 1807 г., оставшись сиротой, находился «на попечении» Н. М. Карамзина (женатого на старшей сестре Вяземского), что обусловило литературные интересы Вяземского. В 1812 г. вступил в ряды ополчения, участвовал в Бородинском сражении. После войны у Вяземского возникло критическое отношение к правительству, политике. Он принимал участие в составлении записки об освобождении крестьян, поданной царю в 1820 г., а находясь на службе в Варшаве, Вяземский участвовал в подготовке конституции (1820), общался с вольнолюбиво настроенными кругами польского дворянства и будущими декабристами. В 1821 – 1829 гг. Вяземский, отстранённый от службы за оппозиционные настроения, жил в Москве и в родовом подмосковном имении Остафьево. После поражения декабристов Вяземский продолжал отрицательно относиться к царской бюрократии, о чём свидетельствует его сатира «Русский бог» (1828), опубликованная А. И. Герценом в Лондоне (1854); она была переведена на немецкий язык для К. Маркса и сохранилась в его бумагах. Однако это не помешало Вяземскому искать путей для примирения с самодержавием, и в 1830 г. он вновь поступил на службу. В 1830 – 1855 гг. он служил в министерстве финансов. В 1856 – 1858 гг. – товарищ министра народного просвещения; возглавлял цензуру. Был близок к царскому двору. С 1863 г. почти постоянно жил за границей, где и умер. Первые стихи Вяземский напечатал в 1808 г. Обратившись в 1810-е гг. к жанру гражданской лирики, он создал стихи, близкие к революционной поэзии декабристов. В своих вольнолюбивых стихотворениях «Петербург» (1818), «Сибириакову» (1819), «Негодование» (1820) и др. Вяземский обличал деспотизм, «неистовых врагов» свободы, бесчеловечность, крепостников – «угодников самовластья», в своих сатирах высмеивал петербургскую чиновничью знать. Некоторые стихи Вяземского печатались в «Полярной звезде» К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева. В 1810 – 1820 гг. Вяземский вместе с А. С. Пушкиным принимал активное участие в борьбе «Арзамаса» против «Беседы любителей русского искусства», выступая сторонником карамзинистов. В «Послании к М. Т. Каченковскому» (1820) Вяземский защищал Карамзина от нападок его литературных врагов. В 1825 – 1828 гг. Вяземский участвовал в издании журнала «Московский телеграф», где выступал как критик в защиту романтизма, против классицизма и литературных староверов. В статьях «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» (помещена в виде предисловия к изданию «Бахчисарайского фонтана») и в «Письмах из Парижа» (1826 – 1827) Вяземский рассматривал романтизм как утверждение исторического и национального начала в поэзии, как утверждение независимости личности. Позднее активно сотрудничал вместе с Пушкиным в «Литературной газете» и «Современнике», выступал против реакционно-охранительной литературы, Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. В 1848 г. Вяземский опубликовал написанную ещё в 1830 г. книгу о Д. И. Фонвизине, явившуюся первым опытом обстоятельного исследования жизни и творчества писателя. В 1840-е гг. литературно-критические статьи Вяземского, носившие реакционный характер, были направлены против идей В. Г. Белинского («Взгляд на литературу нашу после смерти Пушкина», 1847 г. «Языков и Гоголь», 1847 г. и др.). Револ-

Автор кілька разів бачився із засланим на Південь країни опальним поетом. У примітках же, що належать видавцям досить солідного й цінного видання спогадів, присвячених Олександрю Сергійовичу, матеріали, що наводитимуться нижче, характеризуються таким чином: «Безвестный прапорщик генерального штаба Фёдор Николаевич Лугинин (1805 – 1884) с 15 мая по 19 июня 1822 года находился на топографической съёмке в Бессарабской области. К этому времени относится его кратковременное знакомство с Пушкиным, отражённое в дневниковых записях. Из этих записей, скупо фиксирующих встречи с Пушкиным в метрополии, городском саду или на вечерах у местных жителей, лишь одна, приводимая нами, представляет существенный интерес и по непосредственному своему содержанию, и потому, что сделана под свежим впечатлением признаний самого Пушкина».

Наводимо цей запис:²³

«15 июня 1822.

Вечером был в саду довольно поздно, застал Катаржи²⁴ и Пушкина, с обоими познакомились покороче – и опять дрались на эспадронах с Пушкиным; он дерётся лучше меня и, следовательно, бьёт. Из сада были у Симфераки²⁵, и тут мы уже хорошо познакомились с Пушкиным. Он выпущен из Лицея, имеет большой талант писать. Известные сочинения его – «Ode sur la liberte»²⁶, «Людмила и Руслан», также «Чёрная шаль»; он много писал против правительства и тем сделал о себе много шума, его хотели сослать в Сибирь или в Соловецкий монастырь, но государь простил его, и как он прежде просился ещё в Южную Россию, то послали его в Кишинёв с тем, чтобы никуда не выезжал. В первый раз приехал он сюда с обритой головой и уже успел ударить в рожу одного молдавана. Носились слухи, что его высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге имел он за это дуэль. Также в Москву этой зимой хочет он ехать, чтоб иметь дуэль с одним графом Толстым, Американцем²⁷, который главный рас-

люция 1848 г. в Европе вызвала стихотворение Вяземского «Святая Русь», проникнутое враждой к революции и преданностью монархии. Политические стихи Вяземского 1850 – 1870-х гг. носили официальный характер и нередко подвергались осмеянию в передовых сатирических журналах. Некоторые его поздние лирические стихи отражали грустные настроения поэта, ощутившие разрыв с современностью. В 1855 г. в Лозанне были изданы «Письма русского ветерана 1812 года». В течение многих лет Вяземский печатал эпизодические отрывки из «Старой записной книжки» (в 1820 – 1830-е гг. – в «Московском телеграфе», «Северных цветах», в 1870-е гг. – в «Русском архиве»). Сводная их публикация, в том числе неизданных (32 книжки из 37), хранящихся в Остафьевском архиве, помещена в Полном собрании сочинений Вяземского... В них Вяземский включил свои литературные анекдоты, афоризмы, стихи, меткие зарисовки политического и литературного быта своего времени и портреты современников. Вяземский – поэт высокой художественной культуры, владевший различными жанрами. В его лирике встречаются интонации торжественной оды, продолжающей традиции державинской оды; они сменяются тонкими зарисовками природы («Первый снег», 1819); негодующая публицистическая речь чередуется с изящной записью в великосветском альбоме или наброском народной песни («Тройка мчится, тройка скачет...»). Для поэтического языка Вяземского характерны свободные переходы от романтического пейзажа к куплетной форме («Зимние карикатуры», 1828), от высокого пафоса к языку «газетного стихотворения» фельетонного типа и к обиходной разговорной речи. «Поэту должно искать иногда вдохновения в газетах. Прежде поэты терялись в метафизике; теперь чудесное, сей великий помощник поэзии на земле», – Вяземский в 1821 г. ... Певучей музыкальности поэтической речи Вяземский предпочитал прозаическую резкость стиха, отражающего точность острой мысли. Ради создания «поэзии мысли» Вяземский порой нарушал грамматические нормы стиха, жертвовал лёгкостью и правильностью стиха. Его мастерство сатирика, автора острых эпиграмм и салонных каламбуров дало повод для пушкинских характеристики Вяземского: «Язвительный поэт, остряк замысловатый, и блеском колких слов и шутками богатый...» В. Г. Белинский, ценивший блестящий талант и важные литературные заслуги в освобождении русской литературы «... от предрассудков французского классицизма», выступил, однако, в «Письме к Гоголю» против Вяземского-реакционера. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. Стб. 1080 – 1082.)

²³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 547.

²⁴ Кишинёвский помещик, лейб-драгунский капитан. (Там само. С. 534.)

²⁵ Речь идёт, несомненно, о богатом бессарабском помещике Земфераки Ралли-Арборе, дом которого, по свидетельству Липранди, довольно часто посещал Пушкин. (Там само. С. 247.)

²⁶ Ода «Вольность». (Там само. С. 300.)

²⁷ 8 сентября 1826 года, в первый же день возвращения из ссылки в Москву, Пушкин направил графу Ф. И. Толстому – Американцу вызов на дуэль, которая, однако же, была предотвращена стараниями друзей. (С. 301.)

пространяет эти слухи. Как у него нет никого приятелей в Москве, то я предложил быть его секундантом, если этой зимой буду в Москве»²⁸.

Сучасники про Пушкіна

І. І. Пушцін. «Записки о Пушкине»

Близьким товаришем дитячих та юнацьких років усього, щоправда, зовсім недовгого життя Пушкіна був Іван Іванович Пушцін²⁹, якому Олександр Сергійович присвятив широко-відоме послання в Сибір, куди було заслано активного декабриста, і який написав спогади, що повністю побачили світ, коли нарешті здійснилися найзаповітніші мрії двох близьких друзів.

Зосередимося переважно на пізніших сюжетах, висвітлюваних Пушціним понад два десятиліття після того, як загинув Олександр Сергійович. Та спочатку відзначимо, що свої зворушливі спогади І. І. Пушцін присвятив Є. І. Якушкіну – синові діяльного декабриста Івана Дмитровича Якушкіна³⁰.

«Как быть! – починав Пушцін свої спогади. – Надобно приниматься за старину. От вас, любезный друг, – писав він декабристському нащадку, – от вас молчком не откладешься – и то уже совестно, что так долго откладывалось давнишнее обещание поговорить с вами на бумаге об Александре Пушкине, как, бывало, говаривали мы об нём, при первых наших встречах... Прошу терпеливо и снисходительно слушать немудрый мой рассказ.

Собираясь теперь проверить с некоторою отчётливостью мой рассказ, я чувствую, что очень поспешно и опрометчиво поступил, истребивши в Лицее мой дневник, который продолжал с лишком год. Там нашлось бы многое, теперь отуманенное, вышли бы некоторые заветные мелочи – печать того времени. Не знаю почему, тогда мне показалось, что нескромно вынимать из тайника сердца заревые его трепетания, волнения, заблуждения и верования! Теперь

²⁸ Там само.

²⁹ Иван Иванович Пущин (1788 – 1859) – русский мемуарист, декабрист. Происходил из старинного дворянского рода. В 1811 – 1817 гг. воспитывался в Царскосельском лицее, где началась его долготлетняя дружба с А. С. Пушкиным, посвятившим Пущину стихи «Воспоминания» (1815), «К Пущину» (1815), «В альбом Пущину» (1817). «19 октября» (1825), «И. И. Пущину» (1826). По окончании Лицея был произведен в офицеры конно-артиллерийского полка. В 1817 г. стал членом «Союза спасения», затем вошёл в «Союз благоденствия» и в Северное общество. За участие в восстании на Сенатской площади приговорён к смертной казни, заменённой пожизненной каторгой и пожизненной ссылкой (в Чите, Петровском Заводе, в Туринске Тобольской губернии); в 1843 г. переехал в Ялуторовск. В 1856 г. амнистирован и поселился в селе Марьино, под Москвой. В 1814 г. Пущин напечатал перевод статьи Ж. Ж. Лагарпа «Об эпиграмме и надписи древних» и отрывок из И. К. Лафатера «О путешественниках»... В Сибири Пущин переводил «Записки» В. Франклина и «Мысли» Б. Паскаля (не опубликованы). «Письма» Пущина из Сибири – ценное свидетельство настроений и быта декабристов. В 1859 г. опубликованы «Записки И. И. Пущина о дружеских связях его с Пушкиным»... воссоздающие обстановку, в которой рос Пушкин и развивалось его дарование». (Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. Стб. 111.)

³⁰ Иван Дмитриевич Якушкин (1793 – 1857) – декабрист. Из дворян Смоленской губернии. Учился в пансионе проф. А. Ф. Мерзлякова, окончил Московский университет (1811), затем служил в лейб-гвардии Семёновском полку, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813 – 1814 гг., отличился в сражениях при Бородино и Кульме. В 1818 г. уволен в отставку в чине капитана. Один из основателей «Союза спасения». В сентябре 1817 г. вызвался совершить царевбийство, но это предложение было отвергнуто, после чего Якушкин вышел из «Союза спасения». В 1819 г. принят в «Союз благоденствия». В 1820 г. предпринял неудачную попытку безземельного освобождения крепостных крестьян своего имения в Смоленской губернии (позднее склонялся к предоставлению крестьянам земли за выкуп). В движении декабристов склонялся к умеренному течению, будучи сторонником конституционной монархии. Вместе с М. А. Фонвизинным был инициатором московского съезда «Союза благоденствия» (январь 1821 г.), решением которого Якушкину поручалось основать Смоленскую управу тайного общества, куда он привлёк П. Я. Чаадаева и П. П. Пассека. В середине декабря 1825 г. предложил поднять на восстание расквартированные в Москве войска. Арестован 10 января 1826 г. и приговорён к 20 годам каторги (позднее срок сокращён до 10 лет), находился на Нерчинских рудниках и в Петровском Заводе. С 1835 г. на поселении в г. Ялуторовске Тобольской губернии. В Сибири Якушкин сохранил верность революционным идеалам, много занимался естественными науками, вёл просветительскую деятельность, учредив ланкастерские школы, где обучение велось на основе прогрессивных педагогических принципов по разработанным Якушкиным программам и пособиям. В 1856 г. амнистирован, жил в селе Новинки Тверской губернии и в Москве, где и умер. Автор «Записок» – первоклассного источника по истории декабризма. (Советская историческая энциклопедия. Т. 16. Стб. 878 – 879.)

самому любопытно бы было взглянуть на себя, тогдашнего, с тогдашнею обстановкою; но дело кончено; тетради в печке, и поправить беды невозможно.

Впрочем, вы не будете тут искать исторической точности; прошу смотреть без излишней взыскательности на мои воспоминания о человеке мне близком с самого нашего детства. Я гляжу на Пушкина не как литератор, а как друг и товарищ.

Невольным образом в этом рассказе замешивается и моя личность, прошу не обращать на неё внимания...

В мае (1817) начались выпускные публичные экзамены. Тут мы уже начали готовиться к выходу из Лицея. Разлука с товарищеской семьёй была тяжела, хотя ею должна была начаться всегда желанная эпоха жизни, с заманчивою незнакомою далью. Кто не спешил, в тогдашние наши годы, соскочить со школьной скамьи, но наша скамья была так заветно-приветлива, что невольно даже при мысли о наступающей свободе оглядывались мы на неё. Время проходило в мечтах, прощаниях и обетах, сердце дробилось!

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, породила нас!³¹

Наполнялись альбомы и стихами и прозой. В моём остались стихи Пушкина... Дельвига³²:

Прочти сии набранные строки
С небрежностью на памятном листке
Как не узнать поэта по руке?
Как первые не вспомнать уроки
И не сказать при дружеском столе:
«Друзья, у нас есть друг в Хороле!»

³¹ «Прощальная песнь» Дельвига.

³² Антон Антонович Дельвиг (1798 – 1831) – барон, русский поэт. Учился в Царскосельском лицее... по окончании которого определился на службу. С 1824 г. Дельвиг целиком отдаётся литературной работе. Он начал писать стихи ещё будучи воспитанником Лицея, там же установились его художественные взгляды. В 1818 г. был избран в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. В 1819 г. вступил в общество «Зелёная лампа». Прогрессивные убеждения Дельвига того времени нашли частичное отражение в его творчестве (участие в переводе «Маккавеев», перевод антирелигиозной песни Беранже «Le bon Dieu» – «Подражание Беранже»). Однако восстание декабристов прошло мимо Дельвига, несмотря на близкие отношения с В. К. Кюхельбекером, К. Ф. Рылевым, А. А. Бестужевым и другими. Дельвиг выступил в поэзии оригинальным продолжателем классической традиции (К. Н. Батюшкова и других). Основными видами его лирики становятся подражания древним (идиллии) и стихи в духе русских народных песен. Увлечение античностью для Дельвига, как и для многих поэтов начала XIX века, обуславливалось пассивным неприятием господствующих общественных порядков, романтическими поисками гармонической личности, отличающейся простотой и естественностью чувств. Именно в этом заключался идейный смысл таких идиллий, как «Цефил», «Дамон», «Купальницы», «Конец Золотого века». В идиллии «Отставной солдат» Дельвиг стремился воспроизвести особенности русского национального характера. В жанре народных песен он значительно глубже отразил народный дух по сравнению с предшественниками (Ю. А. Нелединским-Мелецким, И. И. Дмитриевым). Некоторые песни пользуются широкой популярностью («Соловей», муз. А. А. Алябьева, «Не осенний мелкий дождичек», муз. М. И. Глинки). Дельвиг одним из первых разработал в русской поэзии форму сонета. Как показывает набросок «Ночь на 26 июня», Дельвиг искал новых путей в области драмы и смело обращался к новым метрическим формам, вводя их в литературу. Лирика Дельвига, несмотря на камерность, сыграла большую роль в развитии поэтических форм и метрической техники в поэзии. Пушкин, высоко ценивший стихи Дельвига, указывал, что в них «заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял». Издательская деятельность Дельвига, его альманахи «Северные цветы» (1825 – 1831) и «Литературная газета» (1830 – 1831) имели большое значение для объединения прогрессивных поэтов пушкинского круга и защиты их позиций в литературной борьбе 1820-х гг. С первых же номеров газета повела борьбу за прогрессивное искусство, идейную свободу художника. Литераторы пушкинской группы через газету Дельвига отстаивали свою независимость от правительства. Издателя газеты несколько раз вызывал к себе по доносу Ф. В. Булгарина шеф жандармов А. Х. Бенкендорф. В результате «состоялось высочайшее повеление о запрещении издания под его редакцией» (декабрь 1830 г). Вскоре после этого Дельвиг скончался. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. Стб. 582 – 583.)

А. А. Дельвіг – поет пушкінської доби, соратник Олександра Сергійовича Пушкіна

Дельвіг после выпуска поехал в Хорол, где квартировал отец его, командовавший бригадою во внутренней страже.

Илличевского³³ стихов не могу припомнить: знаю только, что они все кончались рифмой на Пушкин. Это было очень оригинально. К прискорбию моему, этот альбом, исписанный и изрисованный, утратился из допотопного моего портфеля, который дивным образом возвратился ко мне через тридцать два года со всеми положенными мною рукописями.

9 июня был акт.

В тот же день, после обеда, начали разъезжаться: прощаньям не было конца. Я, больной, дольше всех оставался в Лицее. С Пушкиным мы тут же обнялись на разлуку: он тотчас был должен ехать в деревню к родным; я уже не застал его, когда приехал в Петербург.

Снова мы встретились с ним осенью, уже в гвардейском конно-артиллерийском мундире. Мы шестеро учились фрунту в гвардейском образцовом батальоне; после экзамена, сделанного нам Клейнмихелем в этой науке, произведены были в офицеры высочайшим приказом 29 октября, между тем как товарищи наши, поступившие на гражданскую службу, в июне же получили назначение, в том числе Пушкин поступил в коллегію иностранных дел и тотчас взял отпуск для свидания с родными.

Нова зустріч з О. С. Пушкіним після його чергового заслання в Михайлівське

Встреча моя с Пушкиным на новом нашем поприще имела свою занимательность. Пока он жил и отдыхал в Михайловском, я уже успел поступить в тайное общество: обстоятельства так распорядились моей судьбой! Ещё в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьёвы (Александр и Михаил), Бурцов, Павел Колошин и Семёнов. С Колошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком; я сдружился с ним, почти жил в нём. Бурцов, которому я больше выказывался, нашёл, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял меня и Вольковского, который поступил в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил.

Эта высокая цель жизни самую свою таинственностью и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла в душу мою; я как будто получил особенное значение в собственных своих глазах: стал занимательнее смотреть на жизнь во всех проявлениях буйной молодости, наблюдал за собою, как за частицей, хотя ничего не значащею, но входящею в состав того целого, которое рано или поздно должно было иметь благотворное своё действие.

Первая моя мысль была открыться Пушкину, он всегда со мною много мыслил о деле общем (*res publica*), по-своему проповедовал в нашем смысле – и изустно, и письменно, стихами и прозой. Не знаю, к счастью ли его или к несчастью, он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть, увлёк бы его с собою. Впоследствии, когда думалось мне исполнить эту мысль, я уже не решался верить ему тайну, не мне одному принадлежащую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми нена-

³³ А. Д. Илличевский (1798 – 1837) – лицейский однокашник Пушкина, посредственный поэт. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 583.)

дѣжными пугали меня. К тому же в 1818 году, когда часть гвардии была в Москве по случаю приезда прусского короля, столько было опрометчивых действий одного члена общества, что признали необходимым делать выбор со всею строгостью, и даже несколько лет спустя объявлено было об уничтожении общества, чтобы тем удалить неудачно принятых членов. На этом основании я присоединил к союзу одного Рылеева, несмотря на то, что всегда был окружѣн многими, разделяющими со мной мой образ мыслей.

Естественно, что Пушкин, увидя меня после первой нашей разлуки, заметил во мне некоторую перемену и стал подозревать, что я от него что-то скрываю. Особенно во время его болезни и продолжительного выздоровления, выдавая чаще обыкновенного, он затруднял меня вопросами и расспросами, от которых я, как умел, отделялся, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура, в Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов.

Нечего говорить о разных его выходках, которые везде повторялись. Например, в Царском Селе Захаржевского медвежонок сорвался с цепи от столба, на котором была устроена его будка, и побежал в сад, где мог встретиться в тѣмной аллее с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарло и не предостерѣг бы от этой опасной встречи. Медвежонок, разумеется, тотчас был истреблѣн, а Пушкин при этом случае не обвиняясь говорил: «Нашѣлся один добрый человек, да и тот медведь!» Таким же образом он во всеуслышание в театре кричал: «Теперь самое безопасное время – по Неве идѣт лёд». В переводе: нечего опасаться крепости. Конечно, болтовня эта – вздор; но этот вздор, похожий несколько на поддразнивание, переходил из уст в уста и порождал разные толки, имевшие своё развитие; следовательно, и тут далее некоторым образом достигалась цель, которой он несознательно (?) содействовал.

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям³⁴, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышёва, Киселёва и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «Что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдѣшь сочувствия и пр.». Он терпеливо выслушает, начнѣт щекотать, обнимать, что обычно делал, когда потеряется. Потом смотришь – Пушкин опять с тогдашними Львами! (Анахронизм: тогда не существовало ещё этого аристократического прозвища. Извините!)

Странное смешение в этом великолепном создании! Никогда не переставал я любить его, знаю, что и он платил мне тем же чувством; но невольно из дружбы к нему желалось, чтобы он наконец настоящим образом взглянул на себя и понял своё призвание. Видно, впрочем, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая нам, слепым, глаза.

Не заключайте, пожалуйста, из этого ворчания, что я когда-нибудь был спартанцем, каким-нибудь Катонем; далеко от всего этого: всегда шалил, дурил и кутил с добрым товарищем. Пушкин сам увековечил это стихами ко мне, но, при всей моей готовности к разгулу с ним, хотелось, чтобы он не переступал некоторых границ и не профанировал себя, если можно так выразиться, сближением с людьми, которые по их положению в свете могли волею и неволею набрасывать на него некоторым образом тень.

³⁴ Говоря о «либерализме» Пушкина, автор имеет в виду оппозиционность к самодержавию и свободомыслие, рассматривая слово «либерализм» не в его собственном политическом значении, а как производное от французского «liberte» – свобода. (Примітка упорядників збірника.)

Между нами было и не без шалостей. Случалось, зайдёт он ко мне. Вместо «здравствуй», я его спрашиваю: «От неё ко мне или от меня к ней?» Уж это надо вам объяснять, если принялся болтать...

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева³⁵, где тогда собирались все желающие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут, между прочими, были Куницын³⁶ и наш лицейский товарищ Маслов. Мы сидели кругом большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берёт меня за плечо. Оглядываюсь – Пушкин. «Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле», – шепнул он мне на ухо и прошёл дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним; подали чай, мы закурили сигаретки и сели в уголок.

– Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, что ваше общество в сборе? Я совершенно нечаянно зашёл сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай: право, любезный друг, это ни на что не похоже!

Мне и на этот раз было легко без большого обмана доказать ему, что это совсем не собрание общества, им отыскиваемого, что он может спросить Маслова и что я тут совершенно неожиданно. «Ты знаешь, Пушкин, что я отнюдь не литератор, и, вероятно, удивляешься, что я попал некоторым образом в сотрудники журнала. Между тем, это очень просто, как сейчас сам увидишь. На днях был у меня Николай Тургенев; разговорились мы с ним о необходимости и пользе издания в возможно свободном направлении; тогда это была преобладающая его мысль. Увидел он у меня на столе недавно появившуюся книгу m-me Stael «Considerations sur la Revolution Francaise»³⁷ и советовал мне попробовать написать что-нибудь об ней и из неё. Тут же пригласил меня в тот же вечер быть у него, – вот я и здесь!»

Не знаю настоящим образом, до какой степени это объяснение, совершенно справедливое, удовлетворило Пушкина; только вслед за этим у нас переменился разговор, и мы вошли в общий круг. Глядя на него, я долго думал: не должен ли я и в самом деле предложить ему соединиться с нами? От него зависело принять или отвергнуть моё предложение. Между тем, тут же невольно являлся вопрос: почему никто из близко знакомых ему старших наших членов не думал об этом? Значит, их останавливало то же, что меня пугало; образ его мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия.

Преследуемый мыслию, что у меня есть тайна от Пушкина и что, может быть, этим самым я лишаяю общество полезного деятеля, почти решался броситься к нему и всё высказать, зажмуря глаза на последствия. В постоянной этой борьбе с самим собою, как нарочно, вскоре мне случилось встретить Сергея Львовича на Невском проспекте.

– Как вы, Сергей Львович? Что наш Александр?

– Вы когда его видели?

– Несколько дней тому назад у Тургенева.

Я заметил, что Сергей Львович что-то мрачен.

– Je n'ai rien de mieux a faire que de me mettre en quatre pour retablir la reputation la mon cher fils³⁸. Видно, вы же знаете последнюю его проказу.

Тут рассказал мне что-то, право, не помню, что именно, да и припоминать не хочется.

³⁵ Николай Иванович Тургенев (1789 – 1871) – брат друга А. С. Пушкина, камергера А. И. Тургенева; экономист, политический деятель, декабрист, с 1824 г. эмигрант, заочно присужденный к смертной казни. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 596.)

³⁶ А. П. Куницын (1782 – 1840) – прогрессивный лицейский профессор нравственных и политических наук, ценимый Пушкиным и декабристами. (Там само.)

³⁷ Г-жа Сталь, «Взгляд на французскую революцию». (Там само. С. 71.)

³⁸ Мне ничего лучшего не остаётся, как разорваться на части для восстановления репутации моего милого сына (франц.). (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 72.)

– Забудьте этот вздор, почтенный Сергей Львович! Вы знаете, что Александру многое можно простить, он окупает свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которых нельзя не любить.

Отец пожал мне руку и продолжал свой путь.

Я задумался, и, признаюсь, эта встреча, совершенно случайная, произвела своё впечатление: мысль о принятии Пушкина исчезла из моей головы. Я страдал за него, и подчас мне опять казалось, что, может быть, тайное общество сокровенным своим клеймом поможет ему повнимательней и построже взглянуть на самого себя, сделать некоторые изменения в ненормальном своём быту. Я знал, что он иногда скорбел о своих промахах, обличал их в близких наших откровенных беседах, но, видно, не пришла ещё пора кипучей его природе угомониться. Как ни вертел я это в уме и сердце, кончил тем, что сознал себя не в праве действовать по личному шаткому воззрению, без полного убеждения в деле, ответственном пред целию самого союза.

После этого мы как-то не часто виделись. Круг знакомства нашего был совершенно розный. Пушкин кружился в большом свете, а я был как можно подальше от него. Летом манёвры и другие служебные занятия увлекали меня из Петербурга. Всё это, однако, не мешало нам, при всякой возможности, встречаться с прежнею дружбой и радоваться нашим встречам у лицейской братии, которой уже немного оставалось в Петербурге; большею частью свидания мои с Пушкиным были у домоседа Дельвига.

В январе 1820 года я должен был ехать в Бессарабию к больной тогда замужней сестре моей. Прожив в Кишинёве и Аккермане почти четыре месяца, в мае возвращался с нею, уже здоровою, в Петербург. Белорусский тракт ужасно скучен. Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринослав. Спрашиваю смотрителя: «Какой это Пушкин?» Мне и в мысль не приходило, что это может быть Александр. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич едет, кажется, на службу, на перекладной, в красной русской рубашке, в опояску, в поярковой шапке. (Время было жаркое.) Я тут ровно ничего не понимал: живя в Бессарабии, никаких известий о наших лицейских не имел. Это меня озадачило.

В Могилёве, на станции, встречаю фельдъегеря, разумеется, тотчас спрашиваю его: не знает ли он чего-нибудь о Пушкине. Он ничего не мог сообщить об нём, а рассказал только, что за несколько дней до его выезда сгорел в Царском Селе Лицей, остались одни стены, и воспитанников поместили во флигеле³⁹. Всё это вместе заставило меня нетерпеливо желать скорей добраться до столицы. Там после служебных формальностей я пустился разузнавать об Александре. Узнаю, что в одно прекрасное время пригласил его полицеймейстер к графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, полицеймейстер приказал ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему:

– Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдёте того, что ищете. Лучше велите мне дать перо и бумаги, я здесь же всё вам напишу. (Пушкин понял, в чём дело.)

Милорадович, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнул:

– Ah, c'est chevaleresque⁴⁰, – и пожал ему руку.

Пушкин сел, написал все контрабандные свои стихи и попросил дежурного адъютанта отнести их графу в кабинет. После этого подвига Пушкина отпустили домой и велели ждать дальнейшего приказания.

³⁹ Пушкин выехал из Петербурга в екатеринославскую ссылку 6 мая 1820 года. Пожар в Лицее произошёл 12 мая. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 526.)

⁴⁰ Ах, это по-рыцарски (франц.).

Вот всё, что я дознал в Петербурге. Еду потом к Энгельгардту⁴¹, обращаюсь к нему с тем же тревожным вопросом.

Директор рассказал мне, что государь (это было после того, как Пушкина уже призывали к Милорадовичу, чего Энгельгардт до свидания с царём и не знал) встретил его в саду и пригласил с ним пройтись.

– Энгельгардт, – сказал ему государь, – Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодёжь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем, но это не исправляет дела.

Директор на это ответил:

– Воля вашего величества, но вы мне простите, если позволите, я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника; в нём развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Пушкин теперь уже – краса современной нашей литературы, а впереди ещё большие на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великодушные ваше, государь, лучше вразумит его.

Не знаю, вследствие ли этого разговора, только Пушкин не был сослан, а командирован от коллегии иностранных дел, где состоял на службе, к генералу Инзову, начальнику колоний Южного края. Проезжай Пушкин сутками позже до поворота на Екатеринослав, я встретил бы его дорогой, и как отрадно было бы обнять его в такую минуту! Видно, нам суждено было только раз ещё повидаться, и то не прежде 1825 года.

В промежутке этих пяти лет генерала Инзова назначили наместником Бессарабии; с ним Пушкин переехал из Екатеринослава в Кишинёв, впоследствии оттуда поступил в Одессу к графу Воронцову по особым поручениям. Я, между тем, по некоторым обстоятельствам, сбросил конно-артиллерийский мундир и преобразился в судью уголовного департамента московского надворного суда. Переход резкий, имевший, впрочем, тогда своё значение.

Князь Юсупов⁴² (во главе тех, про которых Грибоедов в «Горе от ума» сказал: «Что за тузы в Москве живут и умирают!»), видя на бале у московского военного генерал-губернатора князя Голицына неизвестное ему лицо, танцующее с его дочерью (он знал, хоть по фамилии, всю московскую публику), спрашивает Зубкова⁴³: кто этот молодой человек? Зубков называет меня и говорит, что я – надворный судья.

– Как! Надворный судья танцует с дочерью генерал-губернатора? Это вещь небывалая, тут кроется что-нибудь необыкновенное.

Юсупов – не пророк, а угадчик, и точно, на другой год ни я, ни многие другие уже не танцевали в Москве!

В 1824 году в Москве точно узналось, что Пушкин из Одессы сослан на жительство в псковскую деревню отца своего, под надзор местной власти; надзор этот был поручен Пещурову, тогдашнему предводителю дворянства Опочковского уезда. Все мы, огорчённые несомненным этим известием, терялись в предположениях. Не зная ничего положительного, приписывали эту ссылку бывшим тогда неудовольствиям между ним и графом Воронцовым. Были разнообразные слухи и толки, замешивали даже в это дело и графиню. Всё это нисколько не утешало нас. Потом вскоре стали говорить, что Пушкин вдобавок отдан под наблюдение архимандрита Святогорского монастыря, в четырёх верстах от Михайловского. Это дополнительное сведение делало нам задачу ещё сложнее, нисколько не разрешая её.

С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на рождество в Петербург для свидания с ним, я предположил съездить и в Псков к сестре Набоковой; муж её командовал тогда дивизией, которая там стояла, а

⁴¹ Е. А. Энгельгардт (1775 – 1862) – директор Лицея в 1816 – 1822 гг.

⁴² Н. Б. Юсупов (1751 – 1831) – князь, дипломат, меценат.

⁴³ В. П. Зубков (1799 – 1862) – советник Московской гражданской палаты, причастный к декабризму.

оттуда уже рукой подать в Михайловское. Вследствие этой программы я подал в отпуск на двадцать дней в Петербургскую и Псковскую губернии. Перед отъездом, на вечере у того же князя Голицына, встретился я с А. И. Тургеневым, который незадолго до того приехал в Москву. Я подсел к нему и спрашиваю: не имеет ли он каких-либо поручений к Пушкину, потому что я в январе буду у него?

– Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором – и полицейским и духовным?

– Всё это знаю; но также знаю, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с небольшим в ста вёрстах. Если не пустят к нему, уеду назад.

– Не советовал бы; впрочем, делайте, как знаете, – прибавил Тургенев.

Опасения доброго Александра Ивановича меня удивили, и оказалось, что они были совершенно напрасны. Почти те же предостережения выслушал я и от В. Л. Пушкина, к которому заезжал проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазах дядя просил расцеловать его.

Как сказано, так и сделано.

Проведя праздник у отца в Петербурге, после крещения я поехал в Псков. Погостил у сестры несколько дней и от неё вечером пустился из Пскова; в Острове, проездом ночью, взял три бутылки «клик» и к утру следующего дня уже приближался к желаемой цели. Свернули мы наконец с дороги в сторону, мчались среди леса по гористому просёлку: все мне казалось не довольно скоро. Спускаясь с горы, недалеко уже от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть, сани наши так наклонились набок, что ямщик слетел. Я с Алексеем, неизменным моим спутником от лицейского порога до ворот крепости, кой-как удержался в санях. Схватили вожжи.

Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, всё лес, и снег им по брюхо, править не нужно. Скачем опять в гору извилистою тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу неочищенного двора...

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, и не думал о заиндевевшей шубе и шапке.

Всё это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышал колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами и проч., и проч. Во всём поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожжённые кусочки перьев (он всегда, с самого Лицея, писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери – дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев. После первых наших обниманий пришёл и Алексей, который в свою очередь кинулся целовать Пушкина: он не только близко знал и любил поэта, но и читал наизусть многие из его стихов. Я между тем приглядывался, где бы умыться и сколько-нибудь оправиться.

Дверь во внутренние комнаты была заперта, дом не топлён. Кой-как всё это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: что? как? где? и проч. Вопросы большею частью не ожидали ответов. Наконец помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее: много надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга. Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьёзнее прежнего, сохраняя, однако ж, ту же весёлость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему ещё не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всём проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании: и не было конца неумолкаемой нашей болтовне. Наружно он мало переменялся, оброс только бакенбардами; я нашёл, что он тогда был очень похож на тот портрет, который тогда видел в «Северных цветах» и теперь при издании его сочинений П. В. Анненковым⁴⁴.

Пушкин сам не знал причины его удаления в деревню; он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова из ревности: думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частые его разговоры о религии.

Мне показалось, что он вообще неохотно об этом говорил; я это заключил по лаконическим, отрывистым его ответам на некоторые мои вопросы, и поэтому я его просил оставить эту статью, тем более, что все наши толкования ни к чему не вели, а отклоняли нас от другой, близкой нам беседы. Заметно было, что ему как будто несколько наскучила прежняя шумная жизнь, в которой он частенько терялся.

Среди разговора *ex abrupto*⁴⁵ он спростил меня, что об нём говорят в Петербурге и Москве? При этом вопросе рассказал мне, будто бы император Александр ужасно перепугался, найдя его фамилию в записке коменданта о приезжих в столицу, и тогда только успокоился, когда убедился, что не он приехал, а его брат Лёвушка. На это я ему ответил, что он совершенно напрасно мечтает о политическом своём значении, что вряд ли кто-нибудь на него смотрит с этой точки зрения, что вообще читающая наша публика благодарит его за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность во всей России и, наконец, что близкие и друзья помнят и любят его, желая искренне, чтоб скорее кончилось его изгнание.

Он нетерпеливо выслушал меня и сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, вначале очень для него тягостным; что тут хотя невольно, но всё-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живёт в ладу и трудится охотно и усердно. Скорбел только, что с ним нет сестры его, но что, с другой стороны, никак не согласится, чтоб она по привязанности к нему проскучала целую зиму в деревне. Хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже везти меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на такое короткое время, что не успею и на него самого наглядеться. Среди всего этого много было шуток, анекдотов, хохоту от полноты сердечной. Уцелели бы все эти дорогие подробности, если бы тогда был среди нас стенограф.

Пушкин заставил меня рассказать ему про всех наших первокурсных Лицея; потребовал объяснения, каким образом из артиллериста я преобразился в судьи. Это было ему по сердцу, он гордился мною и за меня! Вот его строфы из «Годовщины 19-го октября» 1825 года, где он вспоминает, сидя один, наше свидание и моё судейство:

И ныне здесь в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада
Мне сладкая готовилась отрада, —

Поэта дом опальный.
О Пущин мой, ты первый посетил,
Ты усладил изгнанья день печальный,

⁴⁴ Этот портрет, помещённый в альманахе «Северные цветы» за 1828 год и в 1 томе Собрания сочинений Пушкина под редакцией В. В. Анненкова (1855) принадлежит кисти О. А. Кипренского и гравирован Н. И. Уткиным. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 528 – 529.)

⁴⁵ Внезапно (франц.).

Ты в день его Лицея превратил,

Ты освятил тобой избранный сан,
Ему в общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

Незаметно коснулись опять подозрений насчёт общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул:

– Верно, всё это в связи с майором Раевским⁴⁶, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать. – Потом, успокоившись, продолжал: – Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою – по многим моим глупостям.

Молча и крепко расцеловав его, мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть.

Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличающуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порождённым исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, я и боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего не нужно было: я, в свою очередь, моргнул ему, и всё было понятно без всяких слов⁴⁷.

Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились восвояси. Настало время обеда. Алексей хлопнул пробкой, – начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующих друзей и за нас. Незаметно полетела в потолок и другая пробка; попотчевали искромётным няню, а всех других хозяйскою наливкой. Всё домашнее население несколько развеселилось; кругом нас стало пошумнее, праздновали наше свидание.

Я привёз Пушкину в подарок «Горе от ума»; он был доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою. После обеда, за чашкою кофе, он начал читать её вслух; но опять жаль, что не припомню теперь метких его замечаний, которые впрочем потом частию получились в печати.

Среди этого чтения кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин взглянул в окно, как будто смущился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив его смущение и не подозревая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он отвечать, как вошёл в комнату низенький рыжебородый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря.

Я подошёл под благословение. Пушкин – тоже, прося его сесть. Монах начал извинением, что, может быть, помешал, но потом сказал, что, узнавши мою фамилию, ожидал увидеть знакомого ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкого, которого очень давно не видал. Ясно было, что настоятелю донесли о моём приезде и что монах хитрил.

Хотя посещение было вовсе некстати, но я всё-таки хотел *faire bonne mine a mauvais jeu*⁴⁸ и старался уверить его в противном: объяснил, что я Пущин такой-то, лицейский товарищ хозяина, а что генерал Пущин, его знакомый, командует бригадой в Кишинёве, где я в 1820 году с ним встречался. Разговор завязался о том, о сём. Между тем подали чай. Пушкин спросил

⁴⁶ В. Ф. Раевский (1795 – 1872) – видный декабрист, поэт, майор 32-го егерского полка в Кишинёве. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 592.)

⁴⁷ По мнению ряда биографов Пушкина речь идёт об Ольге Калашниковой, «крепостной любви Пушкина». (Там само. С. 529.)

⁴⁸ Делать весёлую мину при плохой игре (франц.).

рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу.

Я рад был, что мы избавились (от) этого гостя, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал свою досаду, что накликал это посещение.

– Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре.

Тут Пушкин, как ни в чём не бывало, продолжал читать комедию; я с необыкновенным удовольствием слушал это выразительное и исполненное жизни чтение, довольный тем, что мне удалось доставить ему такое высокое наслаждение.

Потом он мне прочёл кое-что своё, большею частью в отрывках, которые впоследствии вошли в замечательных его пьес; продиктовал начало из поэмы «Цыгане» для «Полярной звезды» и просил, обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические «Думы».

Время не стояло. К несчастью, вдруг запахло угаром. У меня собачье чутьё, и голова моя не выносит угара. Тотчас же я отправился узнавать, откуда эта беда, неожиданная в такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы – хоть беги из дому! Я тотчас распорядился за беззаботного сына в отцовском доме: велел открыть трубы, запер на замок дверь в затопленные комнаты, притворил и нашу дверь, а форточку открыл.

Всё это неприятно на меня подействовало не только в физическом, но и в нравственном отношении. «Как, – подумал я, – хоть в этом не успокоить его, как не устроить так, чтоб ему, бедному поэту, было где подвигаться в зимнее ненастье!» В зале был бильярд; это могло бы служить для него развлечением. В порыве досады я даже упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Видно, однако, моё ворчанье имело некоторое действие, потому что после моего посещения перестали экономить дровами. Г-н Анненков в биографии Пушкина говорит, что он один иногда играл в два шара на бильярде. Ведь не летом же этим он забавлялся, находя приволье на божьем воздухе, среди полей и лесов, которые любил с детства. Я не мог познакомиться с местностью Михайловского, так живо им воспетой: она тогда была закутана снегом.

Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить. На прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставанье после так отраднo промелькнувшего дня. Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы ещё чокнулись стаканами, но грустно пилось, как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьём на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин ещё что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!» Двери скрипнули за мною...

Один з найдорогоцінніших скарбів сибірського засланця І. І. Пуціна

Сцена переменялась.

Я осужден: 1828 года, 5 генваря, привезли меня из Шлиссельбурга в Читу, где я соединился, наконец, с товарищами моего изгнания и заточения, прежде меня прибывшими в тамошний острог⁴⁹. Что делалось с Пушкиным в эти годы моего странствования по разным мытарствам, я решительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом. В самый день моего приезда в Читу призывает

⁴⁹ Пушин, осужденный на двадцать лет каторги, до отправки в Сибирь провёл двадцать месяцев в Шлиссельбургской крепости. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 529.)

меня к частоколу А. Г. Муравьёва⁵⁰ и отдаёт листок бумаги, на котором неизвестною рукой написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печальный, снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой души твоей
Дарует то мне утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней.

Псков, 13-го декабря 1826.

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог его обнять, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнании. Увы, я не мог даже пожать руку той женщины, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга; но она поняла моё чувство без всякого внешнего проявления, нужного, может быть, другим людям и при других обстоятельствах; а Пушкину, верно, тогда не раз икнулось.

Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого пред самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною и рада, что могла наконец исполнить порученное поэтом. По приезде моём в Тобольск в 1839 году я послал эти стихи к Плетнёву⁵¹; таким образом были они напечатаны; а в 1842-м брат мой отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина, который теперь хранится у меня в числе заветных моих сокровищ.

В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет, получая почти все современные журналы. В письмах родных и Энгельгардта, умевшего найти меня и за Байкалом, я не раз имел о нём некоторые сведения. Бывший наш директор прислал мне его стихи – «19 октября 1827 года»:

Бог помочь вам, друзья мои,

⁵⁰ Александра Григорьевна Муравьёва (1804 – 1832) – жена видного декабриста Н. М. Муравьёва, приехавшая к своему мужу в Сибирь. (Там само. С. 588.)

⁵¹ Пётр Александрович Плетнёв (1792 – 1865) – русский поэт, критик. Сын священника. Окончил Главный педагогический институт в Петербурге. В 1832 – 1849 гг. – профессор русской словесности Петербургского университета. С 1841 г. – академик. В 1840 – 1861 гг. – ректор Петербургского университета. В 1836 – 1846 гг. был издателем и редактором «Современника». В 1820-е гг. Плетнёв выступал главным образом как поэт; печатался в «Трудах» Вольного общества любителей российской словесности, «Сыне отечества», «Северных цветах». Стихам Плетнёва («С. Д. Пономарёвой», «Пир», «Ночь») свойственна тихая мечтательность, «элегическое расположение духа». В стихотворении «Долг гражданину» (Н. С. Мордвинову) звучат гражданские мотивы. В целом поэтическое творчество Плетнёва носит подражательный характер и обнаруживает влияния В. А. Жуковского, В. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова. Более плодотворной была литературно-критическая деятельность Плетнёва. Несмотря на архаические пристрастия к писателям XVIII в., многие его суждения о современной литературе проныцательны и глубоки. В статьях «Заметка о сочинениях Жуковского и Батюшкова» (1822), «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (1824) и др. Плетнёв одним из первых дал характеристику романтизма Жуковского, развитую впоследствии Н. А. Полевым и В. Г. Белинским. Статью Плетнёва «Чичиков, или Мёртвые души Гоголя» (1842) В. Г. Белинский оценил как «...единственную хорошую статью из всех, написанных по поводу поэмы Гоголя...». Выделяются также статьи Плетнёва «Шекспир» (1837), где дана подробная характеристика его объективного метода и работа «Иван Андреевич Крылов» (1845) – один из первых удачных опытов биографического жанра. Плетнёв был дружен с Жуковским, Н. В. Гоголем, Пушкиным, который посвятил ему роман «Евгений Онегин». (Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. Стб. 793 – 794.)

В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!
Бог помочь вам, друзья мои,
И в счастье, и в житейском горе,
В стране чужой, в пустынном море
И в тяжких пропастях земли!

И в эту годовщину в кругу товарищей-друзей Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребённых, которых они не досчитывали на лицейской сходке.

Впоследствии узнал я об его женитьбе и камер-юнкерстве; и то и другое как-то худо укладывалось во мне: я не умел представить себе Пушкина семьянином и царедворцем; жена-красавица и придворная служба пугали меня за него. Всё это вместе, по моим понятиям об нём, не обещало упрочить его счастье.

Проходили годы; ничем отрадным не навевало в нашу даль – там, на нашем западе, всё шло тем же тяжёлым ходом. Мы, грешные люди, стояли как повёрстные столбы на большой дороге: иные путники, может быть, иногда и взглядывали, но продолжали путь тем же шагом и в том же направлении...

Между тем у нас с течением времени, силою самих обстоятельств, устроились более смелые контрабандные сношения с Европейской Россией – кой-когда доходили до нас не одни газетные известия. Таким образом в январе 1837 года возвратившийся из отпуска наш плац-адъютант Розенберг зашёл в мой четырнадцатый номер. Я искренно обрадовался и забросал его вопросами о родных и близких, которых ему случилось видеть в Петербурге. Отдав мне отчёт на мои вопросы, он с какой-то нерешительностью упомянул о Пушкине. Я тотчас ухватился за это дорогое мне имя; где он с ним встретился?

как он поживает? и проч. Розенберг выслушал меня в раздумье и наконец сказал:

– Нечего от вас скрывать. Друга вашего нет! Он ранен на дуэли Дантесом и через двое суток умер; я был при отпевании его тела в Конюшенной церкви, накануне моего отъезда из Петербурга.

Слушая этот горький рассказ, я сначала решительно как будто не понимал слов рассказчика, так далека от меня была мысль, что Пушкин должен умереть во цвете лет, среди живых на него надежд. Это был для меня громовой удар из безоблачного неба – ошеломил меня, а вся скорбь не вдруг сказалась на сердце⁵². Весть эта электрической искрой сообщилась в тюрьме – во всех кружках только и речи было, что о смерти Пушкина – об общей нашей потере, но в итоге выходило одно – что его не стало и что не воротить его.

Провидение так решило: нам остаётся смиренно благоговеть пред его определением. Не стану беседовать с вами об этом народном горе, тогда несказанно меня поразившем, оно слишком связано с жгучими оскорблениями, которые невыразимо должны были отравлять последние месяцы жизни Пушкина. Другим, лучше меня далёкого, известны гнусные обстоятельства, породившие дуэль; с своей стороны скажу только, что я не мог без особого отвращения об них слышать, меня возмущали лица, действовавшие и подозреваемые в участии по этому гадкому делу, подсекшему существование величайшего из поэтов.

⁵² Под впечатлением ряда мемуаров о гибели Пушкина И. И. Пущин писал бывшему директору Лицея Е. А. Энгельгардту: «О Пушкине давно я глубоко погрузил; в «Современнике» прочёл письмо Жуковского; это не помешало мне и теперь не раз вздохнуть о нём, читая Спасского и Даля. Мы здесь очень скоро узнали о смерти Пушкина, и в Сибири даже, кого могла, она поразила как потеря общественная». А в 1840 году он писал лицейскому товарищу Малиновскому: «Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история и если б я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь; я бы нашёл средство сохранить поэта-товарища, достояние России». (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 529.)

Размышляя тогда, и теперь очень часто, о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: «Что было бы с Пушкиным, если бы я привлёк его в наш союз и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю?»

Вопрос дерзкий, но мне, может быть, простительный! – Вы видели внутреннюю мою борьбу всякий раз, когда, сознавая его податливую готовность, приходила мне мысль принять его в члены тайного нашего общества; видели, что уже почти на волоске висела его участь в то время, когда я случайно встретился с его отцом. Эта пустая и ничего не значащая встреча между тем высказалась во мне каким-то знаменательным указанием... Только после смерти его все эти, по-видимому, ничтожные обстоятельства, приняли в глазах моих вид явного действия, промысла, который, спасая его от нашей судьбы, сохранил поэта для славы России.

Положительно, сибирская жизнь, та, на которую впоследствии мы были обречены в течение тридцати лет, если бы и не совсем иссушила его могучий талант, то далеко не дала бы ему возможности достичь того развития, которое, к несчастью, и в другой сфере жизни несвоевременно было прервано.

Характеристическая черта гения Пушкина – разнообразие. Не было почти явления в природе, события в обыденной общественной жизни, которые бы прошли мимо него, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его лиры; и поэтому простор и свобода, для всякого человека бесценные, для него были сверх того могущественнейшими вдохновителями. В нашем же тесном и душном заточении природу можно было видеть только через железные решётки, а о жизни людей разве только слышать.

Пушкин, при всей своей восприимчивости, никак не нашёл бы там материалов, которыми он пользовался на поприще общественной жизни. Может быть, и самый резкий перелом в существовании, который не все могут выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразном, чтобы не сказать – капризном, существе.

Одним словом, в грустные минуты я утешал себя тем, что поэт не умирает, и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех, умеющих отыскивать его живого, в бессмертных его творениях...

Ещё пара слов:

Манифестом 26 августа 1856 года я возвращён из Сибири. В Нижнем Новгороде я посетил Даля (он провёл с Пушкиным последнюю ночь). У него я видел Пушкина простреленный сюртук. Даль хочет принести его в дар Академии или Публичной библиотеке. В Петербурге навещал меня, больного, Константин Данзас. Много говорил я о Пушкине с его секундантом. Он, между прочим, рассказал мне, что раз как-то, во время последней его болезни, приехала У. К. Глинка, сестра Кюхельбекера; но тогда ставили ему пиявки. Пушкин поблагодарил её за участие, извинялся, что не может её принять. Вскоре потом со вздохом проговорил: как жаль, что нет здесь ни Пушина, ни Малиновского!⁵³

Вот последний вздох Пушкина обо мне. Этот предсмертный голос друга дошёл до меня с лишком через 20 лет!..

Им кончаю и рассказ мой⁵⁴».

⁵³ В. Ф. Малиновский (1796 – 1893) – сын первого директора Лицея, лицейский однокашник Пушкина. (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 587.)

⁵⁴ Там само. С. 43 – 86.

НАЙВАГОМШИЙ ІСТОРИЧНИЙ ТВІР О. С. ПУШКІНА

Йдеться про прозовий твір поета про минуле – «Історія Пугачёва»⁵⁵, присвячений одній з найбільших постатей визвольного народного руху проти російського самодержавства. У «Передмові» до нього поет розповів про копітку працю над ним та вимоги, які він ставив перед собою, джерела, котрими він користувався як професійний дослідник минулого.

Зрозуміло, що не можна навести всієї скрупульозної та об'ємної історичної праці Пушкіна. Зупинимось лише на декотрих завданнях, які ставив перед собою її автор, сповістимо про ретельні пошуки у безпосередніх місцях повстання, де збереглися спогади й легенди про селянський рух та діяльність самого Омеляна Івановича Пугачова, а також наведемо загальні висновки, до яких прийшов сам автор дослідження.

Предисловіє

«Сей исторический отрывок, – писав О. С. Пушкін, – составлял часть труда, мною составленного. В нём собрано всё, что было обнародовано правительством касательно Пугачёва, и

⁵⁵ Оpubликована под заглавием «История Пугачёвского бунта» в 2-х частях. В настоящем издании воспроизводится лишь первая часть «Истории Пугачёва» со всеми примечаниями... Начало работы Пушкина над «Историей Пугачёва» относится к январю 1833 г. Он задумывает написать историческую повесть («Капитанскую дочку») и в то же время чисто исторический труд («История Пугачёва» или «История Пугачёвщины», как она названа поэтом в одном месте). Для обеих работ над эпохой Пугачёва Пушкину было необходимо ознакомиться с подлинными документами. 7 февраля 1834 г. Пушкин обратился с письмом к военному министру гр. А. П. Чернышёву, прося последнего разрешить ему заняться материалами из архива Главного штаба, касающимися генералиссимуса А. В. Суворова-Рымниковского, для написания его биографии. Разрешение на занятие было получено, Пушкин получил доступ к «донесениям графа Суворова» и другим материалам. 25 февраля и 8 марта ему были предоставлены нужные документы о событиях 1773 – 1774 годов, а 25 марта он уже приступил к написанию первой главы «Истории Пугачёва»; 17 апреля помечен набросок этой главы, а 22 мая уже закончена первая черновая редакция всего труда. Ещё 8 мая Н. В. Гоголь писал: «Пушкин почти кончил историю Пугачёва». Предисловіє было вчерне написано между 15 июня и 18 августа. Работа продолжалась очень интенсивно и далее дополнялась новыми материалами, исправлялась и перерабатывалась в течение всего 1833 г. и в начале 1834 г. В процессе работы Пушкин обращался с письмами к очевидцам событий и счёл совершенно необходимым посетить самые места событий. Он между 2 и 23 сентября посещает Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, опрашивает старожилы, вносит рассказы в дорожную записную книжку и роется в провинциальных архивах. По приезде 1 октября в Болдино он приводит в порядок собранные материалы. 2 ноября получен новый текст предисловія к историческому труду, и этой датой определяется окончание всей работы над «Историей Пугачёва». Пушкину остался недоступным один из главных источников – следственное дело о Пугачёве. С ним он пытался ознакомиться и после выхода в свет «Истории Пугачёвского бунта», в 1835 г., безуспешно разыскивая «главнейший документ: допрос, снятый с самого Пугачёва в Следственной комиссии, учреждённой в Москве. 6 декабря 1833 г. Пушкин писал графу А. Х. Бенкендорфу о законченной им «Истории», прося «дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение». По докладу Бенкендорфа Николай I неожиданно ответил согласием на издание «Истории Пугачёва», но на представленной ему рукописи сделал ряд замечаний, которые пришлось учесть при окончательной подготовке рукописи к печати (в настоящем издании эти места текста восстановлены по рукописи Пушкина). «Пугачёв пропущен, и я печатаю его на счёт государя», – писал Пушкин в начале марта 1834-го П. В. Нащокину – Павел Воинович Нащокин /1801 – 1854/ был знаком с Пушкиным с 1818 г., но особенно они подружились после возвращения Пушкина из ссылки в 1826 г. В свои приезды в Москву Пушкин обычно останавливался у Нащокина. – «А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, том седьмой, с. 488», а в своём дневнике отметил 28 февраля: «Государь позволил мне печатать «Пугачёва»; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения». – «А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, том восьмой, с. 29». Пушкин получил ссуду в 20 000 рублей на осуществление издания и предполагал иметь от него некоторую прибыль. Николай I, утверждая эту выдачу, 16 марта 1834 г. переименовал «Историю Пугачёва» в «Историю Пугачёвского бунта», что никак не соответствовало замыслу Пушкина. С переименованием, однако, пришлось примириться. Издание осуществлялось под непосредственным наблюдением директора типографии III Отделения бывшего лицейского товарища Пушкина – М. Л. Яковлева. Между Пушкиным и Яковлевым возникла переписка, из которой мы узнаём подробности печатания книги. Так Яковлев на предисловии против имени Вольтера пометил: «Нельзя ли без Вольтера?» Пушкин писал: «А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериною суть исторические». Пушкину пришлось, однако, уступить. Из предисловія (ты прав, любимец муз!), – писал он Яковлеву, – должно будет выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его». «История Пугачёвского бунта» вышла в свет в декабре 1834 г. в количестве 3000 экземпляров, но успеха у читателей не имела. Большая часть экземпляров издания осталась нераспроданной. К этому прибавились и другие неприятности. Помимо выпадов С. С. Уварова и других недоброжелателей и врагов поэта, в январе 1835 г. появилась в «Сыне отечества» анонимная рецензия, использованная в целях дискредитации труда Пушкина Ф. В. Булгариним и вызвавшая ответ поэта в «Современнике» 1836 г». (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М.: Государственное изд-во Художественная литература, 1959–1962. С. 393 – 394.)

то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нём. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельствами живых.

Дело о Пугачёве, доньше нераспечатанное, находилось в государственном санктпетербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайными государственными, ныне превращёнными в исторические материалы. Государь император по своём восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило.

Будущий историк, которому позволено будет распечатать дело о Пугачёве, легко исправит и дополнит мой труд – конечно, несовершенный, но добросовестный. Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Вольтера и Державина, не должна быть затеряна для потомства».

Який шлях і яку методу обрав О. С. Пушкін для донесення історичної правди

Самий намір звернутись до історії народної боротьби за волю зустрічав незадоволення й осуд не лише офіційних урядових, але й незмінної їх опори – клерикальних кіл.

Полемізуючи з ними, О. С. Пушкін вдався до єдино можливого в умовах царювання Миколи I розкриття позиції урядовців і клерикалів – свідчення їх неспроможності. Своєрідним знаряддям цього став епіграф до праці, що містив звернення до її змісту:

«Мне кажется, сего вора всех замыслов и похощений не только самому посредственнейшему, но ниже самому превосходнейшему историку порядочно описать едва ли было бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели. Почему и сам Пугачёв (думаю) подробностей оных не только рассказать, но нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удалства в разных вдруг местах происходили».

Архимандрит Платон Любарский

ИСТОРИЯ ПУГАЧЁВА

Глава первая

Місцевості, де діяв Пугачов

Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему его название; течёт к югу вдоль их цепи, до того места, где некогда положено было основание Оренбургу и где теперь находится Орская крепость; тут, разделив каменистый хребет их, поворачивает на запад и, протёкши более двух тысяч пятисот вёрст, впадает в Каспийское море. Он орошает часть Башкирии, составляет почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии; справа примыкают к нему заволжские степи; слева простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племён, известных у нас под именем киргиз-кайсаков. Его течение быстро; мутные воды наполнены рыбою всякого рода; берега большею частию глинисты, песчаные и безлесные, но в местах поемных удобные для садоводства. Близ устья оброс он высоким камышом, где кроются кабаны и тигры.

Розвиток, звичаї та заняття російського козацтва

На сей-то реке, в пятнадцатом столетии, явились донские казаки, разъезжавшие по Хвалынскому морю. Они зимовали на её берегах, в то время ещё покрытых лесом и безопасных по своему уединению; весною снова пускались в море, разбойничали до глубокой осени и к зиме возвращались на Яик. Подаваясь всё вверх с одного места на другое, наконец они избрали местом своего проживания урочище Коловратное в шестидесяти верстах от нынешнего Уральска.

В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но в последствии времени вошли в дружелюбные сношения: казаки стали получать жён из татарских улусов. Сохранилось поэтическое предание: казаки, страстные к холостой жизни, положили между собой убивать приживаемых детей, а жён бросать при выступлении в новый поход. Один из их атаманов, по имени Гугня, первый преступил жестокий закон, пощадив молодую жену, и казаки, по примеру атамана, покорились игу семейственной жизни. Доныне просвещённые и гостеприимные жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугнихи.

Живя набегами, окружённые неприязненными племенами, казаки чувствовали необходимость в сильном покровительстве и в царствование Михаила Фёдоровича послали от себя в Москву просить государя, чтоб он принял их под свою высокую руку. Поселение казаков на бесхозяйном Яике могло казаться завоеванием, коего важность была очевидна. Царь обласкал новых подданных и пожаловал им грамоту на реку Яик от вершины до устья, дозволяя им набираться на житьё вольными людьми.

Число их час от часу умножалось. Они продолжали разъезжать по Каспийскому морю, соединялись там с донскими казаками, вместе нападали на торговые персидские суда и грабили приморские селения. Шах жаловался царю. Из Москвы посланы были на Яик и на Дон увещательные грамоты.

Казаки на лодках, ещё нагруженных добычею, поехали Волгою в Нижний Новгород; оттоле отправились в Москву, явились ко двору с повинною головою, каждый неся топор и плаху. Им велено было ехать в Польшу и под Ригу, заслуживать там свои вины; а на Яик посланы были стрельцы, в последствии времени составившие с казаками одно племя.

Степан Тимофійович Разін відвідує нові козацькі землі

Стенька Разин посетил яицкие жилища. По свидетельству летописей, казаки приняли его как неприятеля. Городок их был взят сим отважным мятежником, а стрельцы, там находившиеся, побиты или потоплены...

Глава вторая

В смутное сие время по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому и принимаясь за всякие ремёсла. Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда в конце 1772 года послан был для закупки рыбы в Яицкий городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова. Он отличался дерзостью своих речей, поносил начальство и подговаривал бежать в области турецкого султана; он уверял, что и донские казаки не замедлят за ним последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч, и что какой-то паша, тотчас по приходу казаков, должен им выдать до пяти миллионов; покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья. Сверх того, сказывал он, будто

бы противу яицких казаков из Москвы идут два полка, и что около Рождества или Крещения непременно будет бунт. Некоторые из послушных хотели его поймать и представить как возмутителя в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волжск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогою. Сей бродяга был Емельян Пугачёв, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе, посреди тамошних раскольников. Он был отослан под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань; и как всё, относящееся к делам яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургский губернатор и почёл за нужное уведомить о том Государственную коллегию от 18 января 1773 года.

Яицкие бунтовщики были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачёв содержался в тюрьме не строже других невольников. Между тем сообщники его не дремали. Однажды он под стражею двух гарнизонных солдат ходил по городу для собирания милостыни. У Замочной Решётки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачёв подошёл к ней, вдруг оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших; другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал по городу. Это случилось 19 июня 1773 года. Три дня после в Казани получено было утверждённое в Петербурге решение суда, по коему Пугачёв приговорён к наказанию плетью и к ссылке в Пелым на каторжную работу.

Пугачёв явился на хуторах отставного казака Данилы Шелудякова, у которого жил он прежде в работниках. Там производились тогда совещания злоумышленников.

Сперва дело шло о побеге в Турцию; мысль издавна общая всем недовольным казакам. Известно, что в царствование Анны Иоанновны Игнатий Некрасов успел привести её в действие и увлечь за собой множество донских казаков. Потомки их доньне живут в турецких областях, сохраняя на чуждой им родине веру, язык и обычаи прежнего своего отечества. Во время последней турецкой войны они дрались противу нас отчаянно. Часть их явилась к императору Николаю, уже переплывшему Дунай на запорожской лодке; так же как остаток Сечи, они принесли повинную за своих отцов и возвратились под владычество законного своего государя.

Но яицкие заговорщики слишком привязаны были к своим богатым родимым берегам. Они, вместо побега, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось им надёжною пружиною. Для сего нужен был только пришлец дерзкий и решительный. Выбор их пал на Пугачёва. Им не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себе сообщников.

Военная коллегия дала знать о побеге казанского колодника во все места, где мог он укрываться. Вскоре подполковник Симонов узнал, что беглеца видели на хуторах, находящихся около Яицкого городка. Отряды были посланы для поимки Пугачёва, но не имели в этом успеха: Пугачёв и его главные сообщники спасались от поиска, переходя с одного места на другое и час от часу умножая свою шайку. Между тем разнеслись странные слухи... Многие казаки были взяты под стражу. Схватили Михаила Кожевникова, привели в комендантскую канцелярию и пыткой выудили от него следующие важные показания:

В начале сентября находился он на своём хуторе, как приехал к нему Иван Зарубин и объявил за тайну, что великая особа находится в их краю. Он убеждал Кожевникова скрыть её на своём хуторе. Кожевников согласился. Зарубин уехал и в тот же вечер возвратился с Тимофеем Мясниковым и с неведомым человеком, все трое верхами. Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худошав. Чёрная борода его начинала седеть.

Он был в верблюжьем армяке, в голубой калмыцкой шапке и вооружён винтовкою. Зарубин и Мясников поехали в город для повестки народу, а незнакомец, оставшись у Кожевникова, объявил ему, что он император Пётр III, что слухи о смерти его были ложны, что он при помощи караульного офицера ушёл в Киев, где скрывался около года; что потом был в Царе-

граде и тайно находился в русском войске во время последней турецкой войны; что оттуда явился он на Дону и был потом схвачен в Царицыне, но вскоре освобождён верными казаками; что в прошлом году находился он на Иргизе и в Яицком городке, где он был пойман и отвезён в Казань, что часовой, подкупленный за семьсот рублей неизвестным купцом, освободил его снова; что после подъезжал он к Яицкому городку, но узнав от одной женщины о строгости, с каковою ныне требуются и осматриваются паспорта, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался несколько времени, пока наконец с Таловинского умета взят Зарубиным и Мясниковым и привезён к Кожевникову. Высказав нелепую новость, стал объяснять свои предположения. Он намерен был обнаружить себя по выступлению казацкого войска на плавню (осеннее рыболовство), во избежание супротивления со стороны гарнизона и напрасного кровопролития. Во время же плавни хотел он явиться посреди казаков, связать атамана, идти прямо на Яицкий городок, овладеть им и учредить заставы по всем дорогам, дабы никуда преждевременно не дошло о нём известия. В случае же неудачи думал он броситься в Русь, увлечь её всю за собою, повсюду поставить новых судей (ибо в нынешних, по его словам, присмотрена им многая неправда) и возвести на престол великого князя. Сам же я, говорил он, уже царствовать не желаю. Пугачёв на хуторе Кожевникова находился три дня; Зарубин и Мясников приехали за ним и увезли его на Усихину Россошь, где и намерен он был скрываться до самой плавни. Кожевников, Коновалов и Кочуров проводили его.

Взятие под стражу Кожевникова и казаков, замешанных в его показании, ускорило ход происшествий. 18 сентября Пугачёв с Будоринского форпоста пришёл под Яицкий городок с толпою, из трёхсот человек состоявшею, и остановился в трёх верстах от города, за рекою Чаганом.

В городе всё пришло в смятение. Недавно усмиренные жители начали перебегать на сторону новых мятежников. Симонов выслал противу Пугачёва пятьсот казаков, подкреплённых пехотою и с двумя пушками под начальством майора Наумова. Двести казаков при капитане Крылове отряжены были вперёд. К ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтобы письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошёл мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца и потащила за собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей. Видя измену в своём отряде, Наумов возвратился в город. Захваченные казаки приведены были к Пугачёву, и одиннадцать из них по приказанию его повешены... На другой день Пугачёв приблизился к городу; но при виде выходящего противу него войска стал отступать, рассыпав по степи свою шайку. Симонов не преследовал его, ибо казаков не хотел отрядить, опасаясь от них измены, а пехоту не смел отдалить от города, коего жители готовы были взбунтоваться. Он донёс обо всём оренбургскому губернатору генерал-поручику Рейнсдорпу, требуя от него лёгкого войска для преследования Пугачёва. Но прямое сообщение с Оренбургом было уже пресечено, и донесение Симонова дошло до губернатора не прежде, как через неделю.

С шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачёв пошёл прямо к Илецкому городку и послал начальствовавшему в нём атаману Портнову повеление – выйти к нему навстречу и с ним соединиться. Он обещал казакам пожаловать их крестом и бородою (илецкие, как и яицкие, были все староверцы), реками, лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию, угрожая местиею в случае непослушания. Верный своему долгу атаман думал сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачёва с колокольным звоном и с хлебом-солью. Пугачёв повесил атамана, три дня праздновал победу и, взяв с собою всех илецких казаков и городские пушки, пошёл на крепость Рассыпную.

Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окружённые плетнём или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитою двух или трёх пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племён, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около её границ. 24 сентября Пугачёв напал на Рассыпную. Казаки

и тут изменили. Крепость была взята. Комендант майор Веловский, несколько офицеров и один священник были повешены, а гарнизонная рота и полтора ста казаков присоединены к мятежникам.

Слух о самозванце быстро распространялся. Ещё с Будоринского форпоста Пугачёв писал к киргиз-кайсацкому хану, именуя себя государем Петром III и требуя от него сына в заложники и ста человек вспомогательного войска. Нурали-хан подъезжал к Яицкому городку под видом переговоров с начальством, коему предлагал он свои услуги. Его благодарили и отвечали, что надеются управиться без его помощи. Хан послал оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца с первым известием о его появлении. «Мы, люди, живущие на степях, – писал Нурали к губернатору, – не знаем, кто, сей разъезжающий по берегу; обманщик или настоящий государь? Посланный от нас воротился, объявив, что того разведать не мог, и что борода у того человека русая». При сём, пользуясь обстоятельствами, хан требовал от губернатора возвращения аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды рабов. Рейнсдорп спешил отвечать, что кончина Петра III известна всему свету, что сам он видел во гробе и целовал его мёртвую руку. Он увещевал хана в случае побега самозванца в киргизские степи, обещая за то милость императрицы. Прощения хана были исполнены. Между тем Нурали вошёл в дружеские сношения с самозванцем, не переставая уверить Рейнсдорпа в своём усердии к императрице, а киргизцы стали готовиться к набегам.

Заходи губернатора Рейнсдорпа проти повсталих безславно провалюються

Вслед за известием хана получено было в Оренбурге донесение яицкого коменданта, посланное через Самару. Вскоре пришло и донесение Веловского о взятии Илецкого городка. Рейнсдорп поспешил принять меры к прекращению возникающего зла. Он предписал бригадире Билову выступить из Оренбурга с четырьмястами солдат пехоты и конницы и с шестью полевыми орудиями и идти к Яицкому городку, забирая по дороге людей с форпостов и из крепостей. Командиру Верхне-Озёрной дистанции бригадире барону Корфу велел как можно скорее идти к Оренбургу, подполковнику Симонову отрядить майора Наумова с полевой командой и казаками для соединения с Биловым; ставропольской канцелярии велено было выслать к Симонову пятьсот вооружённых калмыков, а ближайшим башкирцам и татарам собраться как можно скорее и в числе тысячи человек идти навстречу Наумову. Ни одно из сих распоряжений не было исполнено. Биллов занял Татищеву крепость и двинулся было на Озёрную, но, в пятнадцати верстах от оной, услышав ночью пушечные выстрелы, отступил. Рейнсдорп вторично приказал ему спешить на поражение бунтовщиков; Биллов не послушался и остался в Татищевой. Корф отговаривался от похода под различными предложениями. Вместо пятисот вооружённых калмыков не собралось их и трёхсот, и те бежали с дороги. Башкирцы и татары не слушались предписания. Майор же Наумов и войсковой старшина Бородин, выступив из Яицкого городка, шли издали по следам Пугачёва и 3 октября прибыли в Оренбург степною стороною с донесением об одних успехах самозванца.

Из Рассыпной Пугачёв пошёл на Нижне-Озёрную. По дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому комендантом Нижне-Озёрной майором Харловым. Пугачёв его повесил, а рота пристала к мятежникам. Узнав о приближении Пугачёва, Харлов... приготовился к обороне. Казаки его изменили и ушли к Пугачёву. Харлов остался с малым числом престарелых солдат. Ночью на 26 сентября вздумал он, для их одобрения, палить из двух своих пушек, и сии-то выстрелы испугали Билова и заставили его отступить. Утром Пугачёв показался перед крепостию. Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь, – сказал ему старый казак, – неравно из пушки убьют». – «Старый ты человек, – отвечал самозванец, – разве пушки льются на царей?» – Харлов бегал от одного солдата к другому и приказывал стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость, бросились на единственного её защитника и изранили

его. Полумёртвый, он думал от них откупиться и повёл их к избе, где было спрятано его имущество. Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачёв, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьём, висел у него на щеке. Пугачёв велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кавалера, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго командира; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни один из страдальцев не оказал малодушия. Магометанин Бикбай взошёл на лестницу, перекрестился и сам надел на себя петлю⁵⁶.

На другой день, Пугачёв выступил и пошёл на Татищеву⁵⁷.

В сей крепости начальствовал полковник Елагин. Гарнизон был умножен отрядом Билова, искавшего в ней своей безопасности. Утром 27 сентября Пугачёв показался на высотах, её окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость. Мятежники подъехали к стенам, уговаривая гарнизон – не слушаться бояр и сдать добровольно. Им отвечали выстрелами. Они отступили. Бесплезная пальба продолжалась с полудня до вечера; в то время скирды сена, находившиеся близ крепости, загорелись, подожжённые осаждавшими. Пожар быстро достигнул деревянных укреплений. Солдаты бросились тушить пожар. Пугачёв, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему передались. Раненый Елагин и сам Биллов оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Биллову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Желю его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшему казнию её родителей. Пугачёв был поражён её красотой и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для неё семилетнего её брата. Вдова майора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: её удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью. Прочие острижены показавки и присоединены к мятежникам. Тринадцать пушек достались победителям.

Известия об успехах Пугачёва приходили в Оренбург одно за другим. Едва Веловский успел донести о взятии Илецкого городка, уже Харлов доносил о взятии Рассыпной; вслед за тем Биллов из Татищевой извещал о взятии Ново-Озёрной; майор Крузе из Чернореченской, о пальбе, происходящей под Татищевой. Наконец (28 сентября) триста человек татар, насилу собранные и отправленные к Татищевой, возвратились с дороги с известием об участии Билова и Елагина. Рейнсдорп, испуганный быстротой пожара, собрал совет из главных оренбургских чиновников, и следующие меры были им утверждены:

1. Все мосты через Сакмару разломать и пустить вниз по реке.

У польских конфедератов, содержащихся в Оренбурге, отобрать оружие и отправить их в Троицкую крепость под строжайшим присмотром. (Показове свідчення антиімперської спрямованості противників Катерини II. – Автори.)

2. Разночинцам, имеющим оружие, назначить места для защищения города, отдав их в распоряжение обер-коменданту, генерал-майору Валленштерну; прочим находиться в готовности в случае пожара и быть под начальством таможенного директора Обухова.

3. Сентовских татар перевести в город.

4. Артиллерию отдать в распоряжение действительному статскому советнику Старову-Милокову, служившему некогда в артиллерии.

⁵⁶ «Болтовня; но вообще вся записка замечательна и, вероятно, составлена дипломатическим агентом, находившимся в то время в Петербурге». – Примітка О. С. Пушкіна. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 211.)

⁵⁷ Крепость Татищева, при устье реки Камыш-Самары, основана Кирилловым, образователем Оренбургской губернии и названа от него Камыш-Самарою. Татищев, заступивший место Кириллова, назвал её своим именем: Татищева пристань. Находится в 28 верстах от Нижне-Озёрной и в 54 (прямой дорогою) от Оренбурга. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 211.)

Сверх того Рейнсдорп, думая уже о безопасности самого Оренбурга, приказал оберкоменданту исправить городские укрепления и привести в оборонительное состояние.

Гарнизонам же малых крепостей, ещё не взятых Пугачёвым, велено было идти в Оренбург, зарывая или потопляя тяжести и порохов.

Из Татищевой, 29 сентября, Пугачёв пошёл на Чернореченскую. В сей крепости оставалось несколько старых солдат при капитане Нечаеве, заступившем место коменданта, майора Крузе, который скрылся в Оренбург. Они сдались без сопротивления. Пугачёв повесил капитана по жалобе крепостной его девки.

Пугачёв, оставя Оренбург вправо, пошёл к Сакмарскому городку, коего жители ожидали его с нетерпением. 1-го октября, из татарской деревни Каргале, поехал он туда в сопровождении нескольких казаков. Очевидец описывает его прибытие следующим образом:

«В крепости у станичной избы посланы были ковры и поставлен стол с хлебом и солью. Поп ожидал Пугачёва с крестом и с святыми иконами. Когда въехал он в крепость, начали звонить колокола; народ снял шапки, и когда самозванец стал сходить с лошади, при помощи двух из его казаков, подхвативших его под руки, тогда все пали ниц. Он приложился к кресту, хлеб и соль поцеловал и, сев на уготовленный стул, сказал: «Вставайте, детушки». Потом все целовали его руку. Пугачёв осведомился о городских казаках. Ему отвечали, что иные на службе, другие с их атаманом, Данилом Донским, взяты в Оренбург, и что только двадцать человек оставлены для почтовой гоньбы, но и те скрылись. Он обратился к священнику и грозно приказал ему отыскать их, промолвя: «Ты поп, так будь и атаман; ты и все жители отвечае мне за них своими головами». Потом поехал он к атаманову отцу, у которого был ему приготовлен обед. «Если б твой сын был здесь, – сказал он старику, – то наш обед был бы высок и честен: но хлеб-соль твоя помрачилась. Какой он атаман, коли место своё покинул?» – После обеда, пьяный, он велел было казнить хозяина; но бывшие при нём казаки упростили его; старик был только закован и посажен на одну ночь в станичную избу под караул. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачёву. Он обошёлся с ними ласково и взял с собою. Они спросили его: сколько прикажет взять припасов? «Возьмите, – отвечал он, – краюшку хлеба; вы проводите меня только до Оренбурга». В сие время башкирцы, присланные от оренбургского губернатора, окружили город. Пугачёв к ним выехал и без бою взял всех в своё войско».

В тридцати верстах от Сакмарского городка находилась крепость Пречистенская. Лучшая часть её гарнизона была взята Биловым на походе его к Татищевой. Один из отрядов Пугачёва занял её без сопротивления. Офицеры и гарнизон вышли навстречу победителям. Самозванец по своему обыкновению принял солдат в своё войско и в первый раз оказал позорную милость офицерам.

Пугачёв усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трёх тысяч пехоты и конницы. Семь крепостей были им взяты или сдались ему. Войско его с часу на час умножалось неимоверно.

Он решился пользоваться счастьем и 3 октября, ночью, под Сакмарским городком перешёл реку через мост, уцелевший вопреки распоряжением Рейнсдорпа, и потянулся к Оренбургу⁵⁸.

Глава третья

Оренбургские дела принимали худой оборот. С часу на час ожидали общего возмущения яицкого войска, башкирцы, взволнованные своими старшинами (которых Пугачёв успел задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев), начали нападать на русские селения и кучами присоединяться к войску бунтовщиков. Служивые калмыки бежали с форпо-

⁵⁸ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 116 – 125.

стов. Мордва, чуваша, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господские крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии пришли в опасное колебание.

Губернаторы, казанский – фон Брандт, сибирский – Чичерин и астраханский – Кречетников, вслед за Рейнсдорпом, известили государственную Военную коллегия о яицких происшествиях. Императрица с беспокойством обратила внимание на возникающее бедствие. Тогдашние обстоятельства сильно благоприятствовали беспорядкам. Войска отовсюду были отвлечены в Турцию и в волнующуюся Польшу. Строгие меры, принятые по всей России для прекращения недавно свирепствовавшей чумы, производили в черни общие негодования. Рекрутский набор усиливал затруднения. Повелено было нескольким ротам и эскадронам из Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута следовать в Казань. Начальство над ними поручено генерал-майору Кару, отличившемуся в Польше строгим исполнением предписаний начальства. Он находился в Петербурге, при приёме рекрут. Ему велено было сдать свою бригаду генерал-майору Нащокину и спешить к местам, угрожаемым опасностью. К нему присоединили генерал-майора Фреймана, уже усмирявшего раз яицкое войско и хорошо знавшего театр новых беспорядков. Начальникам окрестных губерний велено было с их стороны делать нужные распоряжения. Манифестом от 15 октября правительство объявляло народу о появлении самозванца, увещевая обольщённых отстать заблаговременно от преступного заблуждения.

Обратимся к Оренбургу.

В сём городе находилось до трёх тысяч войска и до семидесяти орудий. С таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежников. К несчастью, между военными начальниками не было ни одного, знавшего своё дело. Оробев с самого начала, они дали время Пугачёву усилиться и лишили себя средств к наступательным действиям. Оренбург претерпел бедственную осаду, коей любопытное изображение сохранено самим Рейнсдорпом⁵⁹.

Несколько дней появление Пугачёва было тайною для оренбургских жителей, но молва о взятии крепостей вскоре разошлась по городу, а поспешное выступление Билова подтвердило справедливые слухи. В Оренбурге оказалось волнение: казаки с угрозами роптали; утрашённые жители говорили о сдаче города. Схвачен был зачинщик смятения, отставной сержант⁶⁰, подсланный Пугачёвым. В допросе он показал, что имел намерение заколоть губернатора. В селениях около Оренбурга начали показываться возмутители. Рейнсдорп обнародовал объявление о Пугачёве, о коем объяснял его настоящее звание и прежние преступления. Оно было писано тёмным и запутанным слогом. В нём было сказано, что о злодействующем с яицкой стороны носится слух, якобы он другого состояния, нежели как есть; но что он в самом деле донской казак Емельян Пугачёв, за прежние преступления наказанный кнутом с поставлением на лице знаков. Сие наказание было несправедливо. Рейнсдорп поверил ложному слуху, и мятежники потом торжествовали, укоряя его в клевете⁶¹.

Казалось, все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред. В оренбургском остроге содержался тогда в оковах злодей, известный под именем Хлопуши⁶². Два-

⁵⁹ Журнал осады, веденный в губернской канцелярии, помещён в любопытной рукописи академика Рычкова. Я имел в руках три списка, доставленные мне гг. Спасским, Языковым и Лажечниковым. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 211.)

⁶⁰ Сержант сей назывался Иван Костицын. Участь его неизвестна. Его допрашивал подполковник В. М. Могутов. (Там само, с. 212.)

⁶¹ Падунов, в последствии времени повешенный, писал Мартемьяну Бородину, увещевая его покориться Пугачёву. «А ныне вы называете его (Самозванца) донским казаком Емельяном Пугачёвым, и якобы у него ноздри рваные и клеймённый. А по усмотрению моему, у него тех признаков не имеется». (Там само.)

⁶² Хлопуша (настоящие фамилия и имя – Соколов Афанасий Тимофеевич (1714 – 1774) – один из ближайших соратников Е. И. Пугачёва в крестьянской войне 1773 – 1775 гг. За участие в разбоях был осуждён на каторжные работы, которые отбывал на Петровском медном заводе под Оренбургом и в Сибири; трижды бежал и был приговорён к вечному заключению в Оренбургской каторжной тюрьме. В начале октября 1773 г. был послан оренбургским губернатором И. А. Рейнсдорпом в отряды Пугачёва, осаждавшие Оренбург, для агитации против Пугачёва и с заданием захватить его, но перешёл на сторону повстан-

дцать лет разбойничал он в тамошних краях, трои раз ссылаем был в Сибирь и три раза находил способ уходить. Рейнсдорп вздумал употребить смышлёного каторжника и чрез него переслать в шайку Пугачёва увещательные манифесты. Хлопуша клялся в точности исполнить его препоручения. Он был освобождён, явился прямо к Пугачёву и вручил ему самому все губернские бумаги. «Знаю, братец, что тут написано», – сказал безграмотный Пугачёв и подарил ему полтину денег и платье недавно повешенного киргизца. Хорошо зная край, на который так долго наводил ужас своими разбоями, Хлопуша сделался ему необходим. Пугачёв наименовал его полковником и поручил ему грабёж и возмущение заводов. Хлопуша оправдал его доверенность. Он пошёл по речке Сакмаре, возмущая окрестные селения, явился на Бугульчанской и Стерлитамакской пристанях и на уральских заводах и переслал оттуда Пугачёву пушки, ядра и порох, умножа свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоев.

5 октября Пугачёв со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга. Он тотчас двинулся вперёд и под пушечными выстрелами поставил одну батарею на паперти церкви у самого предместья, а другую в загородном губернаторском доме. Он отступил, отбитый сильною пальбою. В тот же день, по приказанию губернатора, предместье было выжжено. Уцелела только одна изба и Георгиевская церковь. Жители были переведены в город, и им обещано вознаграждение за весь убыток.

Начали очищать ров, окружающий город, а вал обносить рогатками.

Ночью около города запылали скирды заготовленного на зиму сена. Губернатор не успел перевезти оное в город. Противу зажигателей (уже на другой день утром) выступил майор Наумов (только что прибывший из Яицкого городка). С ним было тысяча пятьсот человек конницы и пехоты. Встреченный пушками, он перестреливался и отступил безо всякого успеха. Его солдаты робели, а казакам он не доверял.

Рейнсдорп собрал опять совет из военных и гражданских своих чиновников и требовал от них письменного мнения: выступить ли ещё противу злодея или под защитой городских укреплений ожидать прибытия новых войск? На сем совете действительный статский советник Старов-Милюков один объявил мнение, достойное военного человека: идти противу бунтовщиков. Прочие боялись новою неудачею привести жителей в опасное уныние и только думали защищаться. С последним мнением согласился и Рейнсдорп.

8 октября мятежники выехали грабить Меновой двор⁶³, находившийся в трёх верстах от города. Высланный противу их отряд прогнал их, убив на месте двести человек и захватив до ста шестнадцати. Рейнсдорп, желая воспользоваться сим случаем, несколько ободрившим его войско, хотел на другой день выступить противу Пугачёва, но все начальники единогласно донесли ему, что на войско никаким образом положиться было невозможно: солдаты, приведенные в уныние и недоумение, сражались неохотно, а казаки на самом месте сражения могли соединиться с мятежниками, и следствия их измены были бы гибелью для Оренбурга. Бедный Рейнсдорп не знал, что делать. Он коекак успел, однако ж, усюветить своих подчинённых, и 12 октября Наумов вывел опять из города своё ненадёжное войско.

Сражение завязалось. Артиллерия Пугачёва была превосходнее числом вывезенной из города. Оренбургские казаки с непривычки робели ядер и жались к городу, под прикрытие

цев. В середине октября послан на Авзяно-Петровский завод, где организовал крупный отряд из заводских крестьян и налазил производство боеприпасов. С этим отрядом Хлопуша участвовал в разгроме войск генерала В. А. Кара у деревни Юзеевой (6 ноября 1773 г.). Вскоре был произведён Пугачёвым в полковники, командовал отрядами заводских крестьян, организовал отливку орудий на ряде заводов. Руководил осадой Верхне-Озёрной крепости и захватом Ильинской крепости (ноябрь 1773 г.) и Илецкой защиты (февраль 1774 г.). После разгрома отрядов Пугачёва под Татищевой (22 марта 1774 г.) Хлопуша уехал в Сакмару к семье, но 23 марта в Каргалы был схвачен татарскими старшинами и доставлен в Оренбург, где был казнён по приговору Оренбургской секретной комиссии. (Советская историческая энциклопедия, т. 15. Стб. 599 – 600.)

⁶³ Меновой двор, на котором с азиатскими народами чрез всё лето до самой осени торг и мена производятся. Построен на степной стороне реки Яика, в виду из города, расстоянием от берега версты с две... (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 212.)

пушек, расставленных на валу. Отряд Наумова был окружён со всех сторон многочисленными толпами. Он выстроился в каре и начал отступать, отстреливаясь от неприятеля. Наумов убитыми, ранеными и бежавшими потерял сто семнадцать человек.

Не проходило дня без перестрелок. Мятежники толпами разъезжали около городского вала и нападали на фуражиров. Пугачёв несколько раз подступал под Оренбург со всеми своими силами. Но он не имел намерения взять его приступом. «Не стану тратить людей, – говорил он сакмарским казакам, – а выморю город мором». Не раз находил он способ доставлять жителям возмутительные свои листы. Схватили в городе несколько злодеев, подосланных от самозванца: у них находили порох и фитили.

Вскоре в Оренбурге оказался недостаток в сене. У войска и у жителей худые и к работе неспособные лошади были отобраны и отправлены частью к Илецкой защите или в Верхояицкой крепости, частью в Уфимский уезд. Но в нескольких верстах от города лошади были захвачены бунтующими крестьянами и татарами, а казаки, гнавшие табун, отосланы к Пугачёву.

Осенняя стужа настала раньше обыкновенного. С 15 октября начались уже морозы; 16-го выпал снег. 18-го Пугачёв, зажегши свой лагерь, со всеми тяжестями пошёл обратно от Яика к Сакмаре и расположился под Бердскою слободою, близ летней сакмарской дороги, в семи верстах от Оренбурга. Оттоле разъезды его не переставали тревожить город, нападать на фуражиров и держать гарнизон во вседневном опасении. 2 ноября Пугачёв со всеми силами подступал опять к Оренбургу и, поставя около всего города батареи, открыл ужасный огонь. С городской стены отвечали ему тем же. Между тем человек тысяча из его пехоты, со стороны реки закрывшись в погребов выжженного предместия, у самого вала и рогаток, стреляли из ружей и сайдаков. Сам Пугачёв ими предводительствовал. Егери полевой команды выгнали их из предместия. Пугачёв едва не попался в плен. Вечером огонь утих...

На другой день огонь возобновился, несмотря на стужу и метель. Мятежники в церкви разложили огонь, истопили избу, уцелевшую в выжженном предместии, и грелись попеременно. Пугачёв поставил пушку на паперти, а другую велел втащить на колокольню. В версте от города находилась высокая мишень, служившая целью во время артиллерийских учений. Мятежники устроили там свою главную батарею. Обоюдная стрельба продолжалась целый день. Ночью Пугачёв отступил, претерпев незначительный урон и не сделав вреда осаждённому. Утром из города были высланы невольники, под прикрытием казаков, срыть мишень и другие укрепления, а избу разломать. В церкви, куда мятежники приносили своих раненых, видны были на помосте кровавые лужи. Оклады с икон были ободраны, напрестольные одеяния изорваны в локутья. Церковь осквернена была...

Стужа усилилась. 6 ноября Пугачёв с яицкими казаками перешёл из своего нового лагеря в самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводские крестьяне остались на прежнем месте, в своих кибитках и землянках. Разъезды, нападения и перестрелки не прекращались. С каждым днём силы Пугачёва увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оно было яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям; но около их скопилось невероятное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян, беглых каторжников и бродяг всякого рода. Вся эта сволочь была кое-как вооружена, кто копьём, кто пистолетом, кто офицерскою шпагой. Иным розданы были штыки, натянутые на длинные палки; другие носили дубины; большая часть не имела никакого оружия. Войско было разделено на полки, состоящие из пятисот человек. Жалованье получали одни яицкие казаки; прочие довольствовались грабежом.

Вино продавалось от казны. Корм и лошадей доставали от башкирцев. За побег объявлена была смертная казнь. Десятник головою отвечал за своего беглеца. Учреждены были частые разъезды и караулы. Пугачёв строго наблюдал за их исправностию, сам их объезжая, иногда и ночью. Учения (особенно артиллерийские) происходили почти каждый день. Цер-

ковная служба отправлялась ежедневно. На ектении поминали государя Петра Фёдоровича и супругу его, государыню Екатерину Алексеевну. Пугачёв, будучи раскольников, в церковь никогда не ходил. Когда ездил он по базару или по бердским улицам, то всегда бросал в народ медными деньгами. Суд и расправу давал, сидя в креслах перед своею избою. Подходящие к нему кланялись в землю и перекрестясь целовали его руку. Бердская слобода была вертепом убийств и распутства. Лагерь полон был офицерских жён и дочерей, отданных на поругание. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удушенных, четвергованных страдальцев. Шайки разбойников устремлялись во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности. Смельчаки подъезжали к рогаткам оренбургским; иные, наткнув шапку на копьё, кричали: «Господа казаки! пора вам одуматься и служить государю Петру Фёдоровичу». Другие требовали, чтобы им выдали Мартюшку Бородина (войскового старшину, прибывшего из Яицкого городка в Оренбург вместе с отрядом Наумова), и звали казаков к себе в гости, говоря: «У нашего батюшки вина много!» Из города противу их выезжали наездники, завязывались перестрелки, иногда довольно жаркие. Нередко Пугачёв являлся тут же, хвастая молодечеством. Однажды прискакал он пьяный, потеряв шапку и шатаясь на седле, – и едва не попался в плен. Казаки спасли его и утащили, подхватив его лошадь под уздцы.

Пугачёв не был своевластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями пришлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом; но наедине обходились с ним как с товарищем и вместе пьянствовали, сидя при нём в шапках и в одних рубахах и распевая бурлацкие песни. Пугачёв скучал под их опекою. «Улица моя тесна», – говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына. Не терпя постороннего влияния на царя, ими созданного, они не допускали самозванца иметь других любимцев в поверенных. Пугачёв в начале своего бунта взял к себе в писаря сержанта Кармицкого, простив его под самой виселицей. Кармицкий сделался вскоре его любимцем. Яицкие казаки, при взятии Татищевой, удавили его и бросили с камнем на шею в воду. Пугачёв о нём осведомился. «Он пошёл, – отвечали ему, – к своей матушке вниз по Яику». Пугачёв молча махнул рукой. Молодая Харлова имела несчастье привязать к себе самозванца. Он держал её в своём лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по её просьбе прислал он в Озёрную приказ – похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачёв, уступив их требованиям, предал им свою наложницу. Харлова и её семилетний брат были расстреляны.

В числе главных мятежников отличался Зарубин (он же и Чика), с самого начала сподвижник и пестун Пугачёва. Он именовался фельдмаршалом и был первый по самозванце. Овчинников, Шигаев, Лысов и Чумаков предводительствовали войском. Все они назывались именами вельмож, окружавших в то время престол Екатерины: Чика графом Чернышёвым, Шигаев графом Воронцовым, Овчинников графом Паниным, Чумаков графом Орловым⁶⁴. Отставной артиллерийский капрал Белобородов пользовался полною доверенностью самозванца. Он вместе с Падуровым заведовал письменными делами у безграмотного Пугачёва и ввёл строгий порядок и повиновение в шайках бунтовщиков. Перфильев, при начале бунта находившийся в Петербурге по делам яицкого войска, обещался правительству привести казаков в повиновение и выдать самого Пугачёва в руки правосудия; но приехав в Берду, оказался

⁶⁴ Кажется, Пугачёв и его сообщники не полагали важности этой пародии. Они в шутку называли тогда Бердскую слободу – Москвою, деревню Каргале – Петербургом, а Сакмарский городок – Киевом. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 213.)

одним из самых ожесточённых бунтовщиков и соединил судьбу свою с судьбою самозванца. Разбойник Хлопуша из-под кнута клеймённый рукою палача, с ноздрями, вырванными до хрящей, был один из любимцев Пугачёва. Стыдясь своего безобразия, он носил на лице сетку или закрывался рукавом, как будто защищаясь от мороза...

Кар между тем прибыл на границу Оренбургской губернии. Казанский губернатор ещё до прибытия его успел собрать несколько сот гарнизонных, отставных и поселенных солдат и расположить их частью около Кучуевского фельдшанца, частью по реке Черемшану, на половине дороги от Кучуева до Ставрополя. На Волге находились человек тридцать при одном офицере для поимки разбойников: им велено было примечать за движениями бунтовщиков. Брант писал в Москву к генерал-аншефу князю Волконскому, требуя от него войска. Но московский гарнизон был от него отряжен для отвода рекрут, а Томский полк, находившийся в Москве, содержал караулы на заставах, учреждённых в 1771 году во время свирепствовавшей чумы. Князь Волконский мог отрядить только триста рядовых при одной пушке и тотчас послал их на подводах в Казань.

Кар предписал симбирскому коменданту, полковнику Чернышёву, идущему по Самарской линии к Оренбургу, занять как можно скорее Татищеву. Он был намерен тотчас по прибытии генерал-майора Фреймана, находившегося в Калуге для приёма рекрут, послать его на подкрепление Чернышёву. Кар не сомневался в успехе. «Опасаясь только, – писал он графу З. Г. Чернышёву, – чтобы сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допусая до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились». Он предвидел затруднения также в преследовании Пугачёва по причине зимы и недоставке конницы.

В начале ноября, не дождавшись ни артиллерии, ни ста семидесяти гренадёр, посланных к нему из Симбирска, ни высланных к нему из Уфы вооружённых башкирцев и мещеряков, он стал подаваться вперёд. На дороге во ста верстах от Оренбурга он узнал, что отряженный от Пугачёва ссыльный разбойник Хлопуша, вылив пушки на Авзяно-Петровском заводе и возмутьив приписных крестьян и окрестных башкирцев, возвращается под Оренбург. Кар поспешил пресечь ему дорогу и 7 ноября послал секунд-майора Шишкина с четырьмястами рядовых и двумя пушками в деревню Юзееву, а сам с генералом Фрейманом и премьер-майором Ф. Варистедом, только что подоспевшими из Калуги, выступил из Сарманаевой. Шишкин был встречен из самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооружённые крестьяне, бывшие при нём, тотчас передались. Шишкин однако рассеял сию толпу несколькими выстрелами. Он занял деревню, куда Кар и Фрейман и прибыли в четвёртом часу ночи. Войско было так утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъезды. Генералы решились ожидать света, чтобы напасть на бунтовщиков, и на заре увидели перед собой ту же толпу. Мятежникам передали увещательный манифест; они его приняли, но уехали с бранью, говоря, что их манифесты правее, и начали стрелять из бывшей у них пушки. Их разогнали опять... В это время Кар услышал у себя в тылу четыре дальних пушечных выстрела. Он испугался и поспешно начал отступать, полагая себя отрезанным от Казани. Тут более двух тысяч мятежников насккали со всех сторон и открыли огонь из девяти орудий. Пугачёв сам ими предводительствовал. Хлопуша успел с ним соединиться. Рассыпавшись по полям на расстояние пушечного выстрела, они были вне всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имея добрых лошадей, при наступлении пехоты отдалялись, проворно перевозя свои пушки с одной горы на другую, и таким образом семнадцать вёрст сопровождали отступающего Кара. Он целых восемь часов отстреливался из своих пяти пушек, бросил свой обоз и потерял (если верить его донесению) не более ста двадцати человек убитыми, ранеными и бежавшими. Башкирцы, ожидаемые из Уфы, не бывали; находившие в недалеком расстоянии под начальством князя Уракова бежали, слыша пальбу. Солдаты, по большей части престарелые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшие в огне, не умели их ободрить. Гренадёры, отправленные из Симбирска при поручике Карта-

шове, ехали с такой оплошностью, что даже ружья не были у них заряжены, и каждый спал в своих санях. Они сдались с четырёх первых выстрелов, услышанных Каром поутру из деревни Юзеевой.

Кар потерял вдруг свою самонадеянность. С донесением о своём уроне он представил Военной коллегии, что для поражения Пугачёва нужны не слабые отряды, а целые полки, надёжная конница и сильная артиллерия. Он немедленно послал повеление полковнику Чернышёву не выступать из Переволоцкой, а стараться в ней укрепиться в ожидании дальнейших распоряжений. Но посланный к Чернышёву не мог уже его догнать.

11 ноября Чернышёв выступил из Переволоцкой и 13-го в ночь прибыл в Чернореченскую. Тут он получил от двух илецких казаков, приведенных сакмарским атаманом, известие о разбитии Кара и о взятии ста семидесяти гренадёр. В истине последнего показания Чернышёв не мог усомниться: гренадёры были отправлены им самим из Симбирска, где они находились при отводе рекрут. Он не знал, на что решиться: отступить ли к Переволоцкой, или спешить к Оренбургу, куда накануне отправил он донесение о своём приближении. В сие время явились к нему пять казаков и один солдат, которые, как уверяли, бежали из пугачёвского стана. Между ними находился казацкий сотник и депутат⁶⁵ Падуров. Он уверил Чернышёва в своём усердии, представил в доказательство свою депутатскую медаль и советовал немедленно идти к Оренбургу, вызываясь провести его безопасными местами. Чернышёв ему поверил и в тот же час, без барабанного бою, выступил из Чернореченской. Падуров вёл его горами, уверяя, что передовые караулы Пугачёва далеки и что если на рассвете они его и увидят, то опасность уже минуется, и он беспрепятственно успеет вступить в Оренбург. Утром Чернышёв пришёл к Сакмаре и при урочище Манке, в пяти верстах от Оренбурга, начал переправляться по льду. С ним было тысяча пятьсот солдат и казаков, пятьсот калмыков и двенадцать пушек. Капитан Ружевский переправился первый с артиллерией и лёгким войском; он тотчас, взяв с собой трёх казаков, отправился в Оренбург и явился к губернатору с сообщением о прибытии Чернышёва. – В самое сие время в Оренбурге слышали пушечную стрельбу, которая через четверть часа и умолкла... Несколько времени спустя Рейнсдорп получил известие, что весь отряд Чернышёва взят и ведётся в лагерь Пугачёва.

Чернышёв был обманут Падуровым, который привёл его прямо к Пугачёву. Мятежники вдруг на него бросились и овладели артиллерией. Казаки и калмыки изменили. Пехота, утомлённая стужей, голодом и ночным переходом, не могла сопротивляться.

Всё было захвачено. Пугачёв повесил Чернышёва, тридцать шесть офицеров, одну прапорщицу и калмыцкого полковника.

В то же самое время бригадир Корф вступал в Оренбург с двумя тысячами четырёхстами человек. Пугачёв напал на него, но был отражён городскими казаками.

Оренбургское начальство казалось обезумленным от ужаса. 14 ноября Рейнсдорп, не подав накануне никакой помощи отряду несчастного Чернышёва, вздумал сделать сильную вылазку. Всё войско, бывшее в городе (включая тут же и вновь прибывший отряд), было выведено в поле под предводительством обер-коменданта. Бунтовщики, верные своей системе, сражались издали и враспынную, производя беспрестанный огонь из всех своих орудий. Изнурённая городская конница не могла иметь и надежды на успех. Валленштерн принуждён составить каре и отступить, потеряв тридцать два человека. В тот же день майор Варнстедт, отряженный Каром на Ново-Московскую дорогу, встречен был сильным отрядом Пугачёва и поспешно отступил, потеряв до двухсот человек убитыми.

⁶⁵ То есть депутат в Комиссии составления Нового уложения. Депутатов было 652 человека. Им розданы были для ношения в петлице, на золотой цепочке, золотые овальные медали с изображением на одной стороне вензельного е. и. в. имени, а на другой пирамиды, увенчанной императорскою короною с надписью: Блаженство каждого и всех; а внизу: 1766 год, декабря 14 день.

Получив известие о взятии Чернышёва, Кар совершенно упал духом и думал уже не о победе над презренным бунтовщиком, но о собственной безопасности. Он донёс обо всём Военной коллегии, самовольно отказался от начальства под предлогом болезни, дал несколько умных советов насчёт образа действий противу Пугачёва и, оставя своё войско на попечение Фрейману, уехал в Москву, где появление его произвело общий ропот. Императрица строгим указом повелела исключить его из службы. С того времени жил он в своей деревне, где и умер в начале царствования Александра.

Императрица видела необходимость взять сильные меры противу возраставшего зла. Она искала надёжного военачальника в преемники бежавшему Кару и выбрала генерал-аншефа Бибикова. ... В молодых ещё годах он успел уже отличиться на поприще войны и государственности. Он служил с честью в семилетнюю войну и обратил на себя внимание Фридриха Великого. Важные препоручения были на него возлагаемы: в 1763 году послан он был в Казань для усмирения взбунтовавшихся заводских крестьян. Твёрдостью и благоразумною кротостью вскоре восстановил он порядок. В 1766 году, когда составлялась Комиссия нового уложения, он председательствовал в Костроме на выборах; сам был избран депутатом и потом назначен в предводители всего собрания. В 1771 году он назначен был на место генерал-поручика Веймарна главнокомандующим в Польше, где в скором времени успел не только устроить упущенные дела, но и приобрести любовь и доверенность побеждённых.

В эпоху, нами описываемую, находился он в Петербурге. Сдав недавно главное начальство над завоёванной Польшею... он готовился ехать в Турцию служить при генерале Румянцеве. Бибиков был холодно принят императрицею, дотоле всегда к нему благосклонной. Может быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо усердный на деле и душою преданный государыне, Бибиков был брюзглив и смел в своих суждениях. Но Екатерина умела властвовать над своими предубеждениями. Она подошла к нему на придворном бале с прежней ласковою улыбкой и, милостиво с ним разговаривая, объявила ему новое его назначение. Бибиков отвечал, что он посвятил себя на службу отечеству, и тут же привёл слова простонародной песни, применив их к своему положению:

Сарафан ли мой, дорогой сарафан!
Везде ты, сарафан, пригожаешься;
А не надо, сарафан, и под лавкою лежишь.

Он безоговорочно принял на себя многотрудную должность и 9 декабря отправился из Петербурга.

Приехав в Москву, Бибиков нашёл старую столицу в страхе и унынии. Жители, недавние свидетели бунта и чумы, трепетали в ожидании нового бедствия. Множество дворян бежало из губерний, уже разоряемых Пугачёвым или угрожаемых возмущением. Холопья, ими навезенные, распускали по площадям вести о вольности и о истреблении господ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачёва. Жители приняли Бибикова с восторгом, доказывавшим, в какой опасности полагали себя. Он оставил Москву, спеша оправдать её надежды⁶⁶.

Глава четвертая

Разбитие Кара и Фреймана, гибель Чернышёва и неудачные вылазки Валленштерна и Корфа увеличили в мятежниках дерзость и самонадеянность. Они кинулись во все стороны, разоряя селения, города, возмущая народ, и нигде не находили сопротивления. Торнов

⁶⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 126 – 138.

с шестьюстами человек взбунтовал и ограбил всю Нагайбацкую область. Чика, между прочим, подступил под Уфу с десятитысячным отрядом и осадил её в конце ноября. Город не имел укреплений, подобных оренбургским; однако ж комендант Мясоедов и дворяне, искавшие в нём убежища, решили обороняться. Чика, не отважившись на сильные нападения, остановился в селе Чесноковке в десяти верстах от Уфы, взбунтовал окрестные деревни, большею частью башкирские, и отрезал город от всякого сообщения. Ульянов, Давыдов и Белобородов действовали между Уфой и Казанью. Между тем Пугачёв послал Хлопушу с пятьюстами человек и шестью пушками взять крепости Ильинскую и Верхне-Озёрную, к востоку от Оренбурга. Для защиты сей стороны отряжён был сибирским губернатором Чичериным генерал-поручик Декалонг и генерал-майор Станиславский. Первый прикрывал границы сибирские; последний находился в Орской крепости⁶⁷, действуя нерешительно, теряя бодрость при малейшей опасности и под различными предложениями отказываясь от исполнения своего долга.

Хлопуша взял Ильинскую, на приступе заколов коменданта, поручика Лопатина; но пощадил офицеров и не разорил даже крепости. Он пошёл на Верхне-Озёрную. Комендант, подполковник Демарин, отразил его нападение. Узнав о том, Пугачёв сам поспешил на помощь Хлопуше и, соединясь с ним 26 ноября утром, подступил той же час к крепости. Целый день стрельба не умолкала. Несколько раз мятежники спешась ударяли в копыта, но всегда были опрокинуты. Вечером Пугачёв отступил в башкирскую деревню, за двенадцать вёрст от Верхне-Озёрной. Тут узнал он, что с Сибирской линии идут к Ильинской три роты, отряженные генерал-майором Станиславским. Он пошёл пресечь им дорогу.

Майор Заев, начальствовавший сим отрядом, успел, однако, занять Ильинскую (27 ноября). Крепость, оставленная Хлопушей, не была им выжжена. Жители не были выведены. Между ими находилось несколько пленных конфедератов. Стены и некоторые избы были повреждены. Войско всё было взято, кроме одного сержанта и пленного офицера. Анбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе. Одна пушка брошена была в воротах. Заев наскоро сделал некоторые распоряжения, расставил по трём бастионам три пушки, бывшие в его отряде (на четвёртый не достало); также учредил караулы и разъезды и стал ожидать неприятеля.

На другой день в сумерки Пугачёв явился перед крепостью. Мятежники приблизились, и разъезжая около её, кричали часовым: «Не стреляйте и выходите вон; здесь государь». По ним выстрелили из пушки. Убили ядром одну лошадь. Мятежники скрылись и через час показались из-за горы, скача врассыпную под предводительством самого Пугачёва. Их отогнали пушками. Солдаты и пленные поляки (особенно последние) с жаром просились на вылазку; но Заев не согласился, опасаясь от них измены. «Оставайтесь здесь и защищайтесь, – сказал он им, – а я от генерала повеления не имею».

29-го Пугачёв подступил опять, везя две пушки на санях и перед ними подвигая несколько возов сена. Он кинулся к бастиону, на котором не было пушки. Заев поспешил поставить там две; но прежде, нежели успели их перетаскать, мятежники разбили ядрами деревянный бастион, спешась, доломали его и с обычным воплем ворвались в крепость. Солдаты расстроились и побежали. Заев, почти все офицеры и двести рядовых были убиты. Остальных погнало в ближнюю татарскую деревню. Пленные солдаты поставлены были против заряженной пушки. Пугачёв в красном казацком платье приехал верхом в сопровождении Хлопуши. При его появлении солдаты поставлены были на колени. Он сказал им: «Прощает вас бог и я, ваш государь Пётр III, император. Вставайте!» Потом велел оборотить пушку и выстрелить в степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. История должна сохра-

⁶⁷ Орская крепость на степной стороне реки Яика, выстроена в 1735 году под названием Оренбурга. Она имела изрядные земляные укрепления. В ней всегда находился командир Орской дистанции и двойное число гарнизона по причине близ кочующих орд. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 214.)

нить сии смиренные имена. «Зачем вы шли на меня, на своего государя?» – спросил победитель. «Ты нам не государь, – отвечали пленники: – у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец». Они тут же были повешены. – Потом привели капитана Башарина. Пугачёв, не сказав уже ему ни слова, велел было вешать и его. Но взятые в плен солдаты стали за него просить. «Коли он был для вас добр, – сказал самозванец, – то я его прощаю». И велел его, как и солдат, остричь похапки, а раненых отвезти в крепость. Казаки, бывшие в отряде, были приняты мятежниками, как товарищи. На вопрос, зачем они тотчас не присоединились к осаждающим, они отвечали, что боялись солдат.

От Ильинской Пугачёв опять обратился к Верхне-Озёрной. Ему непременно хотелось её взять, тем более, что в ней находилась жена бригадира Корфа. Он грозился её повесить, злясь на её мужа, который думал обмануть его лживыми переговорами⁶⁸.

30 ноября он снова окружил крепость и целый день стрелял по ней из пушек, покушаясь на приступ то с той, то с другой стороны. Демарин для ободрения своих целый день стоял на валу, сам заряжая пушку. Пугачёв отступил и хотел идти противу Станиславского, но, перехватив оренбургскую почту, раздумал и вернулся в Бердскую слободу.

Во время его отсутствия Рейнсдорп хотел сделать вылазку, и 30-го, ночью, войско выступило было из городу; но лошади, изнурённые бескормицей, падали и дохли под тяжестью артиллерии, а несколько казаков бежало. Валленштерн принуждён был возвратиться. В Оренбурге начал сказываться недостаток в съестных припасах. Рейнсдорп требовал оных от Декалонга и Станиславского. Оба отговаривались. Он ежечасно ожидал прибытия нового войска и не получал о нём никакого известия, будучи отрезан отовсюду, кроме Сибири и киргиз-кайсацких степей. Для поимки языка высылал он иногда до тысячи человек, и то нередко без успеха. Вздумал он, по совету Тимашёва, расставить капканы около вала и как волков ловить мятежников, разъезжающих ночью близ города.

Сами осаждённые смеялись над сею военной хитростию, хотя им было не до смеха; а Падуров в одном из своих писем язвительно упрекал губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмешливо советуя покориться самозванцу⁶⁹.

Яицкий городок, сие первое гнездо бунта, долго не выходил из повиновения, утрашённый войском Симонова. Наконец частые пересылки с бунтовщиками и ложные слухи о взятии Оренбурга ободрили приверженцев Пугачёва. Казаки, отряжаемые Симоновым из города для содержания караулов или для поимки возмутителей, подсылаемых из Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновение, освобождать захваченных бунтовщиков, вязать верных старшин и перебегать в лагерь к самозванцу. Разнёсся слух о приближении мятежниче-

⁶⁸ Корф после сражения 14 ноября подсылал к Пугачёву казака с предложениями о сдаче Оренбурга и с обещанием выйти к нему навстречу. Пугачёв, осторожно подъезжая к Оренбургу и усумнясь в искренности предложений, скоро возвратился в Берду. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 136)

⁶⁹ Рейнсдорп, потеряв надежду победить Пугачёва силой оружия, пустился в полемику, не весьма приличную. В ответ на дерзкие увещания самозванца он послал ему письмо со следующей надписью: «Пресушему злодею и от бога отступившему человеку, сатанину внуку Емельке Пугачёву». Секретари Пугачёва не остались в долгу. Помещаем здесь письмо Падурова, как образец канцелярского его слога. «Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увещание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненависника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действию сатанину, не ухитрил, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник: известно (да и по всему тебе, bestия, знать должно, что), сколько ты ни пробовал своего всескверного счастья, однако счастье ваше служит единому твоему отцу, сатане. Разумей, bestия, хотя ты по действию сатанину во многих местах капканы и расставил, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь, хотя верёвьяных не станет петель, а мы у мордвина, хоть гривну дадим, мочальных (возьмём, да на тебя верёвку свить можем; не сомневайся, мошенник, из б... сделан. Наш всемилостивейший монарх, аки орёл поднебесный, во всех армиях на один день бывает; а с нами всегда присутствует. Да и мы б вам советовали, оставя своё неверие, прийти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху: егда придёшь в покорение, сколько твоих озлоблений не было, не только во всех извинениях всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишит; а здесь безызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете, и тако объявля вам сие да и пребудем в склонности вашей ко услугам готовы. Февраля 23 дня 1774 года». (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 214.)

ского отряда. В ночь с 29 на 30 декабря старшина Мостовщиков выступил противу него. Через несколько часов трое из бывших с ним казаков прискакали в крепость и объявили, что Мостовщиков в семи верстах от города был окружён и захвачен многочисленными толпами бунтовщиков. Смятение в городе было велико. Симонов оробел; к счастью, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения. 31 декабря отряд мятежников под предводительством Толкачёва вошёл в город. Жители приняли его с восторгом и тут же, вооружась чем ни попало, с ним соединились, бросились к крепости изо всех переулков, засели в высокие избы и начали стрелять из окошек. Выстрелы, говорит один свидетель, сыпались подобно дробу, битой десятью барабанщиками. В крепости падали не только люди, стоявшие на виду, но и те, которые на минуту приподнимались из заплотов. Мятежники, безопасные в десяти сажнях от крепости, и большею частию гулебщики (охотники) попадали даже в щели, из которых стреляли осаждённые. Симонов и Крылов хотели зажечь ближайшие дома. Но бомбы падали в снег и угасали или тотчас были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконец трое рядовых вызвались зажечь ближайший двор, что им и удалось. Пожар быстро распространился. Мятежники выбежали; из крепости начали по ним стрелять из пушек; они удалились, унося убитых и раненых. К вечеру ободрённый гарнизон сделал вылазку и успел зажечь ещё несколько домов.

В крепости находилось до тысячи гарнизонных солдат и послушных; довольное количество пороху, но мало съестных припасов. Мятежники осадили крепость, завалили брёвнами обгорелую площадь и ведущие к ней улицы и переулки, за строениями взвели до шестнадцати батарей, в избах, подверженных выстрелам, поделали двойные стены, засыпав промежуток землёю, и начали вести подкопы. Осаждённые старались только отдалить неприятеля, очищая площадь и нападая на укрепленные избы. Сии опасные вылазки производились ежедневно, иногда два раза в день, и всегда с успехом: солдаты были остервенены, а послушные не могли ожидать пощады от мятежников.

Положение Оренбурга становилось ужасным. У жителей отобрали муку и крупу и стали им производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостом.

Большая часть их пала и употреблена была в пищу. Голод увеличивался. Куль муки продавался (и то самым тайным образом) за двадцать пять рублей. По предложению Рычкова (академика, находившегося в то время в Оренбурге) стали жарить бычачьи и лошадиные кожи и, мелко нарубив, мешать в хлебы. Произошли болезни. Ропот становился громче. Опасались мятежа.

В сей крайности Рейнсдорп решился ещё раз попробовать счастья оружия, и 13 января все войска, находившиеся в Оренбурге, выступили из города тремя колоннами под предводительством Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимнего утра, глубина снега и изнурение лошадей препятствовали дружному содействию войск. Наумов первый прибыл к назначенному месту. Мятежники увидели его и успели сделать свои распоряжения. Валленштерн, долженствовавший занять высоты у дороги из Берды в Каргале, был предупреждён. Корф был встречен сильным пушечным огнём; толпы мятежников начали заезжать в тыл обеим колоннам. Казаки, оставленные в резерве, бежали от них и, прискакав к колонне Валленштерна, произвели общий беспорядок. Он очутился между трёх огней; солдаты его бежали; Валленштерн отступил; Корф ему последовал; Наумов, сначала действовавший довольно удачно, страшась быть отрезанным, кинулся за ними. Всё войско бежало в беспорядке до самого Оренбурга, потеряв до четырехсот убитыми и ранеными и оставя пятнадцать орудий в руках разбойников. После сей неудачи Рейнсдорп уже не осмеливался действовать наступательно и под защитой стен и пушек стал ожидать своего освобождения.

Бибиков прибыл в Казань 25 декабря. В городе не нашёл он ни губернатора, ни главных чиновников. Большая часть дворян бежала в губернии ещё безопасные. Брант был в Козьмо-

демьянске. Приезд Бибикова оживил унывший город; выехавшие жители стали возвращаться. 1 января 1774 года после молебствия и слова, говоренного казанским архиереем Вениамином, Бибиков собрал у себя дворянство и произнёс умную и сильную речь, в которой, изобразив настоящее бедствие и попечения правительства о пресечении оногo, обратился к сословию, которое вместе с правительством обречено было на гибель крамолою, и требовал содействия от его усердия к отечеству и верности к престолу. Речь сия произвела глубокое впечатление. Собрание тут же положило на свой счёт составить и вооружить конное войско, поставя с двухсот душ одного рекрута. Генерал-майор Родионов, родственник Бибикова, был избран в начальники легиона. Дворянство симбирское, свияжское и пензенское последовало их примеру... Казанский магистрат также вооружил на своё иждивение один эскадрон гусар.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволение, милость и покровительство и в особом письме к Бибикову, именуя себя казанской помещицей, вызывалась принять участие в мерах, предпринимаемых общими силами. Дворянский предводитель Макаров отвечал императрице речью, сочинённой гвардии подпоручиком Державиным, находившимся тогда при главнокомандующем.

Бибиков, стараясь ободрить окружавших его жителей и подчинённых, казался равнодушным и весёлым; но беспокойство, досада и нетерпение терзали его. В письмах к графу Чернышёву, Фонвизину и своим родственникам он живо изображает затруднительность своего положения. 30 декабря писал он своей жене: «Наведавшись о всех обстоятельствах, дела здесь нашёл прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу; вдруг себя увидел гораздо в худших обстоятельствах, нежели как сначала в Польше со мною было. Пищу день и ночь, пера не выпускаю; делаю всё возможное и прошу Господа о помощи. Он един исправить может своею милостию. Правда, позднечко хватились. Войска мои начали прибывать вчера; баталион гренадёр и два эскадрона гусар, что я велел везти на почте, прибыли. Но к утешению заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургский пожар, как в разных местах вдруг горело, и как бы поспевать всюду трудно... Ух! дурно».

В самом деле положение было ужасно. Общее возмущение башкирцев, калмыков и других народов, рассеянных по тамошнему краю, отовсюду пресекало сообщение.

Войско было малочисленно и ненадёжно. Начальники оставляли свои места и бежали, завидя башкирца с сайдаком или заводского мужика с дубиною. Зима усугубила затруднения. Степи покрыты были глубоким снегом. Невозможно было двинуться вперёд, не запасшись не только хлебом, но и дровами. Селения были пусты, главные города в осаде, другие заняты шайками бунтовщиков, заводы разграблены и выжжены, чернь везде волновалась и злодействовала. Войска, посланные из всех концов государства, подвигались медленно. Зло, ничем не преграждённое, разливалось быстро и широко.

От Илецкого городка до Гурьева яицкие казаки бунтовали. Губернии Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками разбойников; пламя могло ворваться в самую Сибирь; в Перми начинались беспокойства; Екатеринбург был в опасности. Киргиз-кайсаки, пользуясь отсутствием войск, начали переходить через открытую границу, грабить хутора, отгонять скот, захватывать жителей. Закубанские народы шевелились, возбуждаемые Турцией; даже некоторые из европейских держав думали воспользоваться затруднительным положением, в коем находилась тогда Россия.

Виновник сего ужасного смятения привлекал общее внимание. В Европе принимали Пугачёва за орудие турецкой политики. Вольтер, тогдашний представитель господствующих мнений, писал Екатерине: «По-видимому, этот фарс разыгрывается по воле шевалье де Тотт, но мы живём уже не во времена Димитрия, и пьеса, имевшая успех двести лет назад, ныне оживлена»⁷⁰. Императрица, досадуя на сплетни европейские, отвечала Вольтеру с некоторым

⁷⁰ Слова Вольтера даны в переводе с французского. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 410.)

нетерпением: «Одни только газеты поднимают шум по поводу разбойника Пугачёва, который ни в прямых, ни в косвенных отношениях с г. де Тотт не состоит. Пушки, отлитые одним, для меня значат столько же, сколько предприятия другого. Господин де Пугачёв и господин де Тотт имеют, впрочем, то общее, что один изо дня в день плетёт себе верёвку из конопли, а другой в любую минуту рискует получить шёлковый шнурок»⁷¹.

Палять будинок Пугачова, арештовують його сім'ю

Несмотря на своё презрение к разбойнику, императрица не упускала ни одного случая образумить ослеплённую чернь. Разосланы были повсюду увещательные манифесты, обещаю десять тысяч рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношений Яика с Доном. Атаман Ефремов был смещён, а на его место избран Семён Сулин. Послано в Черкасск повеление сжечь дом и имущество Пугачёва, а семейство его, безо всякого оскорбления, отправить в Казань, для уличения самозванца в случае поимки его. Донское начальство в точности исполнило слова высочайшего указа: дом Пугачёва, находившийся в Зимовейской станице, был за год пред сим продан его женою, пришедшею в крайнюю бедность, и уже сломан и перенесён на чужой двор. Его перевезли на прежнее место и в присутствии духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развеяли пепел на ветер, двор окопали и огородили, оставя навеки в запустение, как место проклятое. Начальство от имени всех зимовейских казаков просило дозволения перенести их станицу на другое место, хотя бы и менее выгодное. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия и только переименовала Зимовейскую станицу в Потёмкинскую, покрыв мрачные воспоминания о мятежнике славой имени нового, уже любезного ей и отечеству. Жена Пугачёва, сын и две дочери (все трое малолетних) были отосланы в Казань, куда отправлен и родной его брат, служивший казаком во второй армии. Между тем отобраны следующие подробные сведения о злодее, колебавшем государство».

Далі О. С. Пушкін додав до власного тексту свідчення дружини Омеляна Івановича Пугачова Софії Дмитрієвої, дані Військовій колегії, яка судила ватажка одного з найбільших селянських повстань у Росії:

«Описание известному злодею и самозванцу, какого он есть свойства и примет, учинённое по объявлению жены его Софьи Дмитриевой.

1. Мужа её, войска Донского, Зимовейской станицы служилого казака, зовут Емельян Иванов сын, прозывается Пугачёвым.

2. Отец его родной был той же Зимовейской станицы служилый казак, Иван Михайлов сын Пугачёв же, который в давних годах умре.

3. Тому мужу её ныне от роду будет лет сорок, лицом сухощав, во рту верхнего спереди зуба нет, который он выбит саласками⁷², ещё в малолетстве в игре, а от того времени и донныне не вырастает. На левом виску от болезни круглый белый признак, от лица совсем отменный, величиною с двухкопеечник; на обеих грудях назад тому третий год были провалы, отчего и мнит она, что быть надобно признакам же. На лице имеет жёлтые конопатины; сам собою смугловат, волосы на голове тёмно-русые по-казацки подстригал, росту среднего, борода была клином чёрная, небольшая.

4. Веру содержал истинно православную; в церковь Божью ходил, исповедывался и святых таки приобщался, на что и имел отца духовного, Зимовейской же станицы священника Фёдора Тихонова; а крест по изображению совокуплял большой с двумя последними пальцами.

5. Женился той муж на ней, и она шла, оба первобрачные, назад лет тому с 10, и с которым и прижили детей пятерых, из коих двое померли, а трое и теперь в живых. Первый сын Трофим

⁷¹ Ответ Екатерины II также дан в переводе с французского. (Там само.)

⁷² Технический термин у кулачных бойцов, значит удар по челюсти. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 218).

десяти лет, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвёртому году.

6. Оный же муж её, назад тому три года, послан на службу во вторую армию, где и был два года, и оттуда другой год за грудною болезнию, о которой выше значит, по весне отпущен, а посему и был в доме одно лето, в которую бытность и нанял вместо себя в Бахмуте на Доне казака, а как его звать и прозвания, да где и теперь находится, не знает; – после сего.

7. В октябре месяце 1772 года он, оставивши её с детьми, неведомо куда бежал, и где был, и какие от него происходили дела, об оном, как он ничего не сказывал, так и сама не знала.

8. 1773 года, в великом посту, тот муж тайно пришёл к хуторскому их дому вечером под окошко, которого она и пустила; но того ж самого часу объявила казакам, а они, взявши его, повели к станичному атаману, а он-де отправил в Верхнюю Чирскую станицу к старшине, но о имени его не упомнит, а оттуда в Черкасский; но не довели однако ж до оногo, в Цимлянской станице бежал и потому, где теперь находится, не знает.

9. Во время ж той мужа её поимки сказывал он атаману и на сборе всем казакам, что был в Моздоке, но что делал, потому ж не знает.

10. Писем он к ней как с службы в армии, так и с бегов никогда не присылывал: да и чтоб в станицу их или к дому другому писал, не знает, он же вовсе и грамоте не умеет.

11. Что же муж её точно есть упоминаемый Емельян Пугачёв, то сверх её самоличного и детей сознания и уличения, могут в справедливость доказать и родной брат Зимовейской станицы Дементий Иванов сын Пугачёв (который ныне находится в службе в 1-й армии), да родные ж сёстры, из коих первая Ульяна Ивановна, коя ныне находится в замужестве той же станицы за казаком Фёдором Григорьевым, по прозванию Брыкалиным, а вторая Федосья Ивановна, которая также замужем за казаком из Прусак Симоном Никитиным, а прозвания не знает, кой ныне жительство имеет в Азове, которые все мужа её также знают довольно.

12. Речь и разговоры муж её имел по обыкновению казацкому, а иностранного языка никакого не знал.

13. Домом они жили в Зимовейской станице своим собственным, который по побеге мужа (что дневного пропитания с детьми стало не от чего) продала за 24 руб. 50 коп. Есауловской станицы казаку Ерёме Евсееву на слом, который его в ту Есауловскую станицу по сломке и перевёз, а хутор их, состоящий также неподалеку Зимовейской станицы, сожжён же.

14. Сама же Пугачёва жена, казачья дочь и отец её был Есауловской станицы служилый казак Дмитрий, по прозванию Недюжин, а отчества не припомнит, потому что она после него осталась в малолетстве...»⁷³

Прилагаю не менее любопытное извлечение из показаний бывшего в 1771 году Зимовейской станицы атаманом отставного казака Трофима Фомина:

«В 1771 году, в феврале месяце, Емельян Пугачёв отбыл в город Черкасск для излечения болезни, со взятым у меня станичным билетом, и через месяц возвратился на карей лошади. На допрос мой, где он её достал, отвечал он: на станичном сборе, что купил в Таганрогской крепости конного казацкого полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не поверя ему, послали его взять письменный вид от ротного командира. Пугачёв и поехал, но пред его возвращением зять его Прусак, бывший Зимовейской станицы казак, а ныне состоящий в Таганрогском казацком полку, явился у нас и на станичном сборе показал, что он с женою и Василий Кусачкин, да ещё третий по уговору Пугачёва бегали за Кубань, на Куму-реку, где он (Прусак), побыв малое время, оставил их и возвратился на Дон. Почему и отправили при станичном рапорте в Черкасск Прусак с женою и родною её матерью, по причине их побега. В декабре того же года Пугачёв был пойман в его хуторе и содержался под караулом. Намерен был я его, как праздногошатающегося, выдать находящемуся тогда в сыске и высылке беглых всякого звания людей,

⁷³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 218 – 220.

старшине Михайле Михайлову. Но Пугачёв со станичной избы из-под караула бежал и уже чрез три месяца на том же хуторе пойман и показал на станичном сборе, что был в Моздоке, почему при рапорте и послан мною к старшине Макарову в Нижнюю Черкасскую станицу, а сей чрез нашу станицу послал его уже при рапорте в Черкасск. Когда его провели, увидя по подорожной, что послан он был в колодке, которой на нём уже не было, приказал я ему набить другую и отослал его в верхнюю Курмоярскую станицу, из которой в принятии оногo Пугачёва расписку получил. Через две недели спустя от старшины Макарова по всем станицам прислано было объявление, что оный Пугачёв бежал с дороги, и не иначе ежели явится где изловить; а как он бежал, не знаю».

За неумением грамоте, Василий Ермолаев руку приложил»⁷⁴.

Продовжуемо пушкінський текст: «Емельян Пугачёв, Зимовейской станицы служилый казак, сын Ивана Михайлова, умершего в давних годах. Он был сорока лет отроду, росту среднего, смугл и худошав; волосы имел тёмно-русые, бороду чёрную, небольшую и клином. Верхний зуб был вышибен ещё в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обоих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой чёрной немочью⁷⁵. Он не знал грамоты и крестился по-раскольничьи. Лет тому десять женился на казачке Софье Недожиной, от которой имел пятерых детей. В 1770 году был он на службе во второй армии, находился при взятии Бендер и через год отпущен на Дон по болезни. Он ездил для излечения в Черкасск. По его возвращении на родину зимовейский атаман спрашивал его на станичном сборе, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачёв ответил, что купил её в Таганроге; но казаки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачёв уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселённых под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачёва в руки правительству. Возвратясь в декабре месяце, он скрывался на своём хуторе, где и был пойман, но успел убежать; скрывался месяца три неведомо где; наконец в великом посту, однажды вечером пришёл тайно к своему дому и постучался в окошко. Жена впустила его и дала знать о том казакам. Пугачёв был снова пойман и отправлен под караулом к сыщику, старшине Макарову, в нижнюю Чирскую станицу, а оттуда в Черкасск. С дороги он бежал опять и с тех пор уже на Дону не являлся. Из показаний самого Пугачёва, в конце 1772 года приведенного в Канцелярию дворцовых дел, известно уже было, что после своего побега скрывался он за польской границей, в раскольничьей слободе Ветке; потом взял паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись выходцем из Польши, и перебрался на Дон, питаясь милостыней. – Все сие известия были обнародованы; между тем правительство запретило народу толковать о Пугачёве⁷⁶, коего имя волновало чернь. Сия временная полицейская мера имела силу закона до самого восшествия на престол покойного государя, когда разрешено было писать и печатать о Пугачёве. Донские престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных⁷⁷.

⁷⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 220 – 221.

⁷⁵ Г-н Левшин пишет, что самозванец показывал сии пятна легковерным своим сообщникам и выдавал их за какие-то царские знаки. Оно не совсем так: самозванец, хвастая, показывал их, как знаки ран, им полученных. (Там само.)

⁷⁶ Многие и воспользовались сим разрешением; несмотря на то, история Пугачёвского возмущения мало известна. В Записках о жизни и службе А. И. Бибикова мы находим самое подробное известие об оном, но сочинитель довёл свой рассказ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная под заглавием: Михельсон в Казани, есть не что иное, как весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарского, напечатанное почти без всякой перемены, с приобщением незначущих показаний. Г-н Левшин в своём Историческом и статистическом обозрении уральских казаков слегка коснулся Пугачёва. Сей кровавый и любопытный эпизод царствования Екатерины мало ещё известен. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 220 – 221)

⁷⁷ Там само. С. 139 – 148.

Глава пятая

Проти повсталих відряджаються великі армійські сили. Посилюються висліджування й репресії

Наконец войска, отовсюду посланные противу Пугачёва, начали приближаться к месту своего назначения. Бибиков устремил их к Оренбургу. Генерал-майор князь Голицын с своим корпусом должен был заградить Московскую дорогу, действуя от Казани до Оренбурга. Генерал-майору Мансурову вверено было правое крыло для прикрытия Самарской линии, куда со своими отрядами следовали майор Муфель и подполковник Гринёв. Генерал-майор Ларионов послан был к Уфе и к Екатеринбург. Декалонг охранял Сибирь и должен был отрядить майора Гагарина с одною полевою бригадою для защиты Кунгура. В Малыковку послан был гвардии поручик Державин для прикрытия Волги со стороны Пензы и Саратова. Успех оправдал сии распоряжения. Бибиков сначала сомневался в духе своего войска. В одном из полков (во Владимирском) оказались было приверженцы Пугачёва. Начальникам городов, через которые полк проходил, велено было разослать по кабакам переодетых чиновников. Таким образом возмутители были открыты и захвачены.

Перші успіхи Бібікова

Впоследствии Бибиков был доволен своими полками. «Дела мои, Богу благодарение! (писал он в феврале) идут час от часу лучше; войска подвигаются к гнезду злодеев. Что мною довольны (в Петербурге), то я изо всех писем вижу, только спросили бы у гуся: не зябнут ли ноги?»

Майор Муфель с одною полевою командою 29 октября приблизился к Самаре, занятой накануне шайкою бунтовщиков, и, встреченный ими, разбил и гнал их до самого города. Тут они, под прикрытием городских пушек, думали сопротивляться. Но драгуны ударили в палаши и въехали в город, рубя и попирая бегущих. В самое сие время в двух верстах от Самары показались старопольские калмыки, идущие на помощь бунтовщикам. Они побежали, увидя высланную противу их конницу. Город был очищен. Шесть пушек и двести пленных достались победителю. Вслед за Муфелем вступили в Самару подполковник Гринёв и генерал-майор Мансуров. Последний немедленно послал отряд к Ставрополю для усмирения калмыков; но они разбежались, и отряд, не видав их, возвратился в Самару.

Полковник Бибиков, отряжённый из Казани с четырьмя гренадёрскими ротами и одним эскадроном гусар на подкрепление генерал-майора Фреймана, стоявшего в Бугульме безо всякого действия, пошёл на Заинск, коего семидесятилетний комендант, капитан Мещеряков принял с честью шайку разбойников, сдав им начальство над городом. Бунтовщики укрепились как умели, в пяти верстах от города Бибиков услышал уже их пушечную пальбу. Рогатки их были сломаны, батареи взяты, предместья заняты; всё бежало. Двадцать пять бунтовавших деревень пришли в повиновение. К Бибикову являлось в день до четырёх тысяч раскаявшихся крестьян; им выдавали билеты и всех распускали по домам.

Державин, начальствуя тремя фузилёрными ротами, привёл в повиновение раскольничьи селения, находящиеся на берегах Иргиза, и орды племён, кочующих между Яиком и Волгою. Узнав однажды, что множество народу собралось в одной деревне с намерением идти служить у Пугачёва, он приехал с двумя казаками прямо к сборному месту и потребовал от народа объяснения. Двое из зачинщиков выступили из толпы, объявили ему своё намерение и начали к нему приступать с укорами и угрозами. Народ уже был готов остервениться. Но Державин

строго на них прикрикнул и велел своим казакам вешать обоих зачинщиков. Приказ его был тотчас исполнен, и сборище разбежалось.

Приборкувач польських конфедератів Міхельсон стає до дії

Генерал-майор Ларионов, начальник дворянского легиона, отряженный для освобождения Уфы, не оправдал общей доверенности. «За грехи мои (писал Бибиков) навязался мне братец мой А. Л., который сам вызвался сперва командовать особливым detaшментом, а теперь с места сдвинуть не могу». Ларионов оставался в Бакалах без всякого действия. Его неспособность заставила главнокомандующего послать на его место некогда раненного при его глазах и уже отличившегося в войне противу конфедератов офицера, подполковника Михельсона. Князь Голицын принял начальство над войсками Фреймана. 22 января перешёл он через Каму. 6 февраля соединился с ним полковник Бибиков; Мансуров – 10-го. Войско двинулось к Оренбургу.

Пугачёв знал о приближении войск и мало о том заботился. Он надеялся на измену рядовых и на оплошность начальства. «Попадутся сами нам в руки», – отвечал он своим сообщникам, когда настойчиво звали они его навстречу приближающихся отрядов. В случае ж поражения собирался он бежать... Для того держал он на лучшем корму тридцать лошадей, выбранных им на скачке. Башкирцы подозревали его намерение и роптали. «Ты взбунтовал нас, – говорили они, – и хочешь нас оставить, а там нас будут казнить, как казнили отцов наших». (Казни 1740-го года были у них в свежей памяти). Яицкие же казаки в случае неудачи думали предать Пугачёва в руки правительства и тем заслужить себе помилование. Они стерегли его как заложника. Бибиков понимал их и Пугачёва, когда писал Фонвизину⁷⁸ следую-

⁷⁸ Денис Иванович Фонвизин (1745 – 1792) – русский писатель, драматург. Родился в богатой дворянской семье. В 1755 – 1760 гг. учился в гимназии при Московском университете, в 1761 – 1765 гг. на философском факультете того же университета. Ещё в студенческие годы начал печататься в московских журналах, сделал свой первый перевод: «Басни нравоучительные» датского просветителя Л. Хольберга. Приступил также к переводу романа Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского»... трагедии Вольтера «Альмира» и других произведений. В 1762 г. Фонвизин определился переводчиком в Коллегию иностранных дел, переехал в Петербург. В 1763 – 1769 гг. служил секретарём кабинет-министра Елагина (который ведал разбором челобитных на высочайшее имя, а с 1766 г. – и императорскими театрами). Тогда же сблизился с кружком молодых офицеров-вольнодумцев; видимо, в результате общения с ними Фонвизин создал «Послание к слугам моим...» (опубликовано в 1769 г.) – сатирическое произведение оригинального жанра, опиравшееся на традиции русской басни и сатиры, а также западно-европейской иронической поэмы. В поэтике классицизма послание относилось к «высоким» жанрам; Фонвизин отошёл от установившейся нормы, сделав героями своего произведения людей «незначительных» – крепостных. При этом автор во многом разделял скептическое отношение своих героев к существующим порядкам; высказано в «Послании...» и сомнение в существовании «божественного промысла» (в дальнейшем, однако, Фонвизин отойдёт от атеистических взглядов и займёт позиции философского деизма). Демократическая направленность, стремление объяснить характеры героев их бытием позволяют видеть в «Послании...» предвестие рождения русской реалистической сатиры... Как просветитель Фонвизин выступает за всеобщее обучение, за постепенное – по мере «просвещения» – освобождение крестьян. Его идеал политического устройства – просвещённая монархия. Принадлежность Фонвизина к кружку Елагина, куда входили драматурги В. И. Лукин, Б. Е. Ельчанинов и др., определила его интерес к драме. Поддерживая стремление Лукина сблизить драму с жизнью, опираясь на его опыт «склонения» иностранных комедий «на русские нравы», Фонвизин переделал сентиментальную драму Ж. Грессе «Сидней» в комедию «Корион». В конце 1760-х под влиянием общественного оживления, связанного с политическими спорами вокруг Комиссии для сочинения проекта нового уложения (1769), Фонвизин пришёл к замыслу оригинальной русской сатирической комедии. Первым образцом в этом роде явился его «Бригадир» (1766 – 1769), о котором Н. И. Новиков писал, что «сочинена она точно о наших нравах...». Создавая «Бригадира», Фонвизин ещё следовал традициям классицизма, что сказалось в чётком делении персонажей на добродетельных и порочных, в рационалистическом подчёркивании одной черты характера героя, в соблюдении единств времени, места. Однако в комедии по-новому представлен образ жизни, быт героев: если у драматургов классицизма быт героев изображался как сумма смешных явлений «низменной» жизни, нередко лишённых национальной окраски, то у Фонвизина показаны именно русские нравы и обычаи. С появлением «Бригадира» русская литература и театр включались в то течение европейской культуры, которое противопоставляло себя классицизму; преодолевался барьер между искусством и жизнью, ставились конкретные проблемы реальной жизни людей. При этом Фонвизин привнёс в литературу не мелкий бытовизм, а значительность характеров, проблемность. Так в «Бригадире» осмеиваются не отдельные носители абстрактного порока – Фонвизин ставит вопрос о дворянстве в целом, о принципе существования его как сословия, не случайно комедия отразила все главные сферы деятельности этого сословия – чиновничью, военную и собственно помещичью: чиновники грабят нацию (Советник), офицеры бьют солдат смертным боем (Бригадир), крестьян гноят на месячине (в имени Советника). Ставя столь важные проблемы, невозможно было оставаться

щие замечательные строки: «Пугачёв не что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки: не Пугачёв важен; важно общее негодование».

в рамках традиционной комедии «чистого смеха». В комедии звучат и трагические ноты. Когда Бригадирша рассказывает о своей тяжёлой судьбе, образ этой глупой, жадной, но страдающей женщины получает неожиданную объёмность. И это открывало литературе путь к новому, лишённому однолинейности пониманию человека. Фонвизин изобразил и «новых людей» – гуманистов, просвещённых дворян, противостоящих бездуховному существованию Советника и Бригадира. В 1769 г. Фонвизин стал секретарём руководителя Коллегии иностранных дел – Н. И. Панина, воспитателя наследника престола. Фонвизина и Панина сближали оппозиционность по отношению к правительству Екатерины II, ненависть к фаворитизму, убежденность, что России нужны «фундаментальные законы». В 1777 – 1778 гг. Фонвизин совершил поездку по Франции и Германии (чтобы поправить здоровье, но возможно, и с какими-то тайными дипломатическими поручениями) и рассказал о ней в «Записках первого путешественника», состоявших из писем П. И. Панину – брату Н. И. Панина (при жизни Фонвизина публикация «Записок...» не была разрешена). «...Читая их, – говорил В. Г. Белинский, – вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником...» Изображая кризисное положение во Франции, Фонвизин давал урок русскому правительству. «Записки...» сыграли важнейшую роль в становлении русской прозы. Резкая критика русских государственных установлений дана в «Рассуждении о непрменных государственных законах», написанном Фонвизиним в начале 1780-х гг. и распространявшемся в списках: автор осуждал положение, при котором «люди составляют собственность людей», выступал за предоставление политических прав всем сословиям. В обстановке реакции, наступившей после подавления Пугачёвского восстания, Фонвизин создал самое значительное своё произведение – комедию «Недоросль» (1781; постановка 1782, публикация 1783). В ней прямо назван корень всех бед России – крепостное право. Фонвизин оценивает и судит не людские пороки сами по себе, а прежде всего общественные отношения. Положительные герои – просвещённые дворяне – не просто осуждают крепостное право, но и борются с ним. Комедия строится на остром социальном конфликте; её развязка (учреждение опеки над имением Простаковой) содержит в себе призыв к реформам в духе Просвещения. Жизнь в доме Простаковых представлена уже не как суммарная картина нелепых обычаев, а как система отношений, основанная на крепостничестве. Раскрывая воздействие среды на личность, Фонвизин делает одной из главных проблем проблему воспитания: очень точно фиксируется уродующее влияние уклада помещичьей усадьбы на Митрофана. Развитие интриги отступает на второй план. Нарушается и важнейший для классицизма принцип единства действия, обнажая внутреннюю драму таких отрицательных персонажей, как Еремеевна и Простакова. По словам Н. В. Гоголя «Недоросль» – «...истинно общественная комедия». Просветительское мирозерцание Фонвизина сказалось в изображении положительных героев «Недоросля» как людей, живущих по вечным законам природы и разума. Историзм в понимании общечеловечности человека не свойственен Фонвизину, воздействие среды на человека он понимает только в смысле искажения его «естественной природы». Поэтому положительные герои рассматриваются как «слишком идеальные». И тем не менее «Недоросль» – этапное произведение русской литературы. Эту комедию невозможно воспринять как обычный пример «среднего» жанра, подчинённого «высокой» трагедии. Понимание обусловленности характера (хотя – только отрицательного) законами среды подготавливало в литературе реалистическое изображение человека. В образе Стародума современники Фонвизина увидели тип просвещённого русского гуманиста, патриота, борца против крепостничества и деспотизма. Вскоре после отстранения Панина от дел подал в отставку и Фонвизин (март 1782), решив полностью отдаться литературной деятельности. В 1783 г. он опубликовал в «Собеседнике любителей русского слова» ряд сатирических произведений: «Опыт русского сословия», «Челобитная российской Минерве от российских писателей», «Поучение, говоренное в Духов день иереем Василием в селе П.», «Повествование глухого и немого». Особенно острая критика политики Екатерины II содержалась в напечатанных анонимно «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание»; на них с раздражением отвечала Фонвизину сама императрица. В 1784 – 1785 гг. Фонвизин совершил поездку по Германии и Италии; анонимно издал (1784, на французском языке) «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина», где нарисовал образ идеального просвещённого вельможи. Повесть «Калисфен» (опубликована анонимно, 1786) знаменовала крах веры писателя в идею просвещённого монарха. Попытки Фонвизина выступать в печати пресекались Екатериной II: в 1788 г. ему не разрешили издать ни пятитомное собрание своих сочинений, ни журнал «Друг честных людей, или Стародум» (входившая в него едкая сатира «Всеобщая придворная грамматика» распространялась в списках и пользовалась большой популярностью). Последние годы жизни Фонвизин был тяжело болен (паралич), но писать продолжал до самой смерти. В 1780 г. он начал работу над автобиографической повестью «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (неоконченной; опубликована в 1830), которая является замечательным произведением русской прозы: в образе автора воссоздан характер человека и писателя – русского по складу ума, юмора, иронии, показано духовное богатство личности, умеющей подняться над своими слабостями и бесстрашно рассказать о них своим соотечественникам. Видимо, к 1790 г. относится набросок комедии Фонвизина «Выбор гувернёра», в центре которой мыслилась проблема воспитания передового человека. В тексте наброска есть и отклик на события Великой французской революции, которую Фонвизин не понял и не принял. Фонвизин – крупнейший русский драматург XVIII века, создатель русской социальной комедии, блестящие образцы которой после «Недоросля» представляют «Горе от ума» А. С. Грибоедова и «Ревизор» Н. В. Гоголя. С именем Фонвизина связано также формирование русской художественной прозы. Велико было воздействие самой личности Фонвизина на его современников и русских революционеров, деятелей передовой русской культуры XIX века. А. С. Пушкин, видевший в Фонвизине поборника просвещения, борца с крепостничеством и самовластьем, назвал его «другом свободы». Комедия «Недоросль» сыграла важную роль в развитии русского национального театрального искусства, заняв прочное место в его репертуаре. Она ставится и на сцене советских театров. Фонвизин похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. Стб. 42 – 45.)

Повстанці продовжують чинити опір

Пугачёв из-под Оренбурга отлучился к Яицкому городку. Его прибытие оживило деятельность мятежников. 20 января он сам предводительствовал достопамятным приступом. Ночью взорвана была часть вала под батареею, устроенною при Старице (прежнем русле Яика). Мятежники под дымом и пылью, с криком бросились к крепости, заняли ров и, ставя лестницы, силились взойти на вал, но были опрокинуты и отражены. Все жители, даже женщины и дети, подкрепляли их. Пугачёв стоял во рву с копьём в руке, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающих, наконец сам коля бегущих. Приступ длился девять часов сряду при неумолкной пальбе и перестрелке. Наконец подпоручик Толстовалов с пятидесятью охотниками сделал вылазку, очистил ров и прогнал бунтовщиков, убив до четырехсот человек и потеряв не более пятнадцати. Пугачёв скрежетал. Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и всё семейство последнего, находившегося в то время в Оренбурге. Таким образом обречён был смерти и четырёхлетний ребёнок, впоследствии славный Крылов.

Пугачёв в Яицком городке увидел молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился в неё. Он стал её сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: «Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна; как же ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка государыня ещё здравствует?» Пугачёв, однако, женился на Устинье, именовал её императрицей и хотел, чтоб на ектении поминали после государя Петра Фёдоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получили на то разрешения от синода. Отказ их огорчил Пугачёва: но он не настаивал в своём требовании. Жена его оставалась в Яицком городке, и он ездил к ней каждую неделю. Его присутствие ознаменовано было всегда покушениями на крепость. Осаждённые с своей стороны не теряли бодрости. Их пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 февраля ночью прибежал из городу в крепость малолеток и объявил, что с прошедшего дня подведён под колокольню подкоп, куда и положено двадцать пуд пороху, и что Пугачёв назначал того же числа напасть на крепость. Извет показался невероятным. Симонов полагал, что малолеток был подослан нарочно для поселения пустого страха. Осаждённые вели контрмину и не слышали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шестиярусную высокую колокольню. Однако же как под нею в подвале сохранялся весь пороховой запас (что могли знать и мятежники), то и поспешили оный убрать, разобрали кирпичный пол и почали вести контрмину. Гарнизон приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двух часов, как вдруг подкоп был приведён в действие; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхние шесть ярусов осели, подавив несколько людей, находившихся близ колокольни. Камни, не быв размётаны, свалились в груды. Бывшие же в самом верхнем ярусе самые шесть часовых при пушке свалились оттоле живы: а один из них, в то время спавший, опустился не только без всякого вреда, но даже не проснувшись.

Ещё колокольня валилась, как уже из крепости загремели пушки; гарнизон, стоявший в ружьё, тотчас занял развалины колокольни и поставил там батарею. Мятежники, не ожидавшие таковой встречи, остановились в недоумении: чрез несколько минут они подняли свой обычный визг; но никто не шёл вперёд. Напрасно предводители кричали: на слом, на слом, атаманы молодцы! Приступу не было; визг продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачёва, обещавшего им, что при взрыве колокольни на крепость упадёт каменный град и передавит весь гарнизон.

На другой день Пугачёв получил из-под Оренбурга известия о приближении князя Голицына и поспешно уехал в Берду, взяв с собою пятьсот человек конницы и до полутора тысяч подвод. Сия весть дошла и до осаждённых. Они предались радости, рассчитывая, что помощь присплет к ним чрез две недели. Но минута их освобождения была ещё далека.

Облога Оренбурга продовжується. Пугачовці не піддаються карателям

Во время частых отлучек Пугачёва, Шигаев, Падуров и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствием, вздумал овладеть Илецкою Защитой (где добывается каменная соль) и в конце февраля, взяв с собой четыреста человек, напал на оную. Защита была взята при помощи тамошних ссыльных работников, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казённое имущество было разграблено; офицеры перебиты, кроме одного, пощаженного по просьбе работников; колодники присоединены к шайке мятежников. Пугачёв, возвратясь в Берду, негодовал на своеволие смелого каторжника и укорял его за разорение Защиты, как за ущерб государственной казны. Пугачёв выступил против князя Голицына с десятью тысячами отборного войска, оставя под Оренбургом Шигаева с двумя тысячами. Накануне велел он тайно задавить одного из верных своих сообщников, Дмитрия Лысова. Несколько дней пред тем они ехали вместе из Каргалы в Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысов наскочил сзади на Пугачёва и ударил его копьём. Пугачёв упал с лошади; но панцырь, который всегда носил он под платьем, спас его жизнь. Их помирили товарищи, и Пугачёв пил ещё с Лысовым за несколько часов до его смерти.

Пугачёв занял крепости Тоцкую и Сорочинскую⁷⁹ и с обыкновенною дерзостью ночью, в сильный буран, напал на передовые отряды Голицына... В самое сие время Мансуров соединился с князем Голицыным. Пугачёв отступил к Новосергиевской, не успев сжечь крепостей, им оставленных... Пугачёв сделал движение на Илецкий городок и, вдруг поворотив к Татищевой, в ней засел и стал там укрепляться...

Царський генерал змушений визнати полководницький талант Пугачова

Крепость, в прошедшем году взятая и выжженная Пугачёвым, была уже им исправлена. Сгоревшие деревянные укрепления были заменены снеговыми. Распоряжения Пугачёва удивили князя Голицына, не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве. Голицын сначала отрядил триста человек для высмотру неприятеля. Мятежники, притаясь, приступили к самой крепости и вдруг сделали сильную вылазку, но были удержаны двумя эскадронами, подкреплявшими первых. Полковник Бибииков тот же час послал егерей, которые, бегая на лыжах по глубокому снегу, заняли все выгодные высоты. Голицын разделил войска на две колонны, стал приближаться и открыл огонь, на который из крепости отвечали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицын увидел, что одними пушками одолеть было невозможно, и велел генералу Фрейману с левой колонною идти на приступ.

Боротьба повстанців з переважаючими силами ворога продовжується

Пугачёв выставил противу него семь пушек. Фрейман их отнял и бросился на оледенелый вал. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силе правильного оружия – и бежали во все стороны. Конница, дотоле не действовавшая, преследовала их по всем дорогам. Кровапролитие было ужасно. В одной крепости пало до тысячи трёхсот мятежников. На пространстве двадцати вёрст кругом около Татищевой лежали их тела. Голицын потерял до четырёхсот убитыми и ранеными, в том числе более двадцати офицеров. Победа была решительною. Тридцать шесть пушек и более трёх тысяч пленных достались победителю. Пугачёв с шестьюдесятью казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам пят в Бердскую слободу с известием о своём поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды, кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и

⁷⁹ Тоцкая крепость, при устье реки Сороки, в 206 верстах от Оренбурга. Выстроена при Кириллове, в 1768 году. Сорочинская крепость главная на Самарской дистанции, в 176 верстах от Оренбурга и в 30-ти от Тоцкой.

дети шли пешие. Пугачёв велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что всё пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачёва и Хлопушу, послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами. Сотник Логинов, сопровождавший бегство Пугачёва, явился к Рейнсдорпу с сим известием. Бедный Рейнсдорп не смел поверить своему счастью и целых два часа не мог решиться дать требуемый сигнал! Пугачёв и Хлопуша были между тем освобождены ссылочными, находившимися в Берде. Пугачёв бежал с десятью пушками, с заграбленною добычею и с двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакал к Каргале с намерением спасти жену и сына. Татары связали его и послали уведомить о том губернатора. Славный каторжник был привезен в Оренбург, где наконец отсекли ему голову в июне 1774 года.

Оренбургские жители, услышав о своём освобождении, толпами бросились из города вслед за шестьюстами человек пехоты, высланных Рейнсдорпом к оставленной слободе, и овладели жизненными запасами. В Берде найдено осмнадцать пушек, семнадцать бочек медных денег и множество хлеба. В Оренбурге спешили принести Богу благодарение за нечаянное избавление. Благословляли Голицына. Рейнсдорп писал ему, поздравляя его с победою и называя спасителем Оренбурга. Отовсюду начали в город навозить запасы. Настало изобилие, и бедственная шестимесячная осада была забыта в одно радостное мгновение. 26 марта Голицын приехал в Оренбург; жители приняли его с восторгом неописанным.

Бибиков с нетерпением ожидал сего перелома. Для ускорения военных действий выехал он из Казани и был встречен в Бугульме известием о совершённом поражении Пугачёва. Он обрадовался несказанно. “То-то жернов с сердца свалился (писал он от 26 марта жене своей). Сегодня войдут мои в Оренбург; немедленно и я туда поспешу добратся, чтоб ещё ловчее было поворачивать своими; а сколько седых волос прибавилось к бороде, то Бог видит, а на голове плешь ещё больше стала...”⁸⁰

О. С. Пушкін про нові успіхи повстанців

Каральні війська Катерини справді досягли певного успіху в боротьбі з повстанцями. Він, однак, не був тривалим. Наступний – шостий розділ свого найбільшого історичного твору – О. С. Пушкін починає розповіддю про інше – про успіхи загонів Пугачова: «Пугачёв, коего положеніє казалось отчаянным, явился на Авзяно-Петровских заводах. Овчинников и Перфильев, преследуемые майором Шевичем, проскакали через Сакмарскую линию с тремястами яицких казаков и успели с ними соединиться...

Пугачёв быстро переходил с одного места на другое. Чернь по-прежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмирённые, снова взволновались. Комендант Верхне-Яицкой крепости, полковник Ступишин, вошёл в Башкирию, сжёг несколько пустых селений и, захватив одного их бунтовщиков, отрезал ему уши, нос, пальцы правой руки и отпустил его, грозясь поступить таким же образом со всеми бунтовщиками. Башкирия не унялась. Старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 года, явился между ними с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящей силою. Фрейман должен был преследовать Пугачёва; Михельсон силился пересечь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли в бездонной грязи; реки разливались на несколько вёрст; ручьи становились реками...

⁸⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 149 – 162.

Успіхи повсталих селян на кріпосних заводах Уралу

Пугачёв, зажёгши ограбленные им Белорецкие заводы, быстро перешёл через Уральские горы и 5 мая приступил к Магнитной, не имея при себе ни одной пушки. Капитан Тихановский оборонялся храбро. Пугачёв был сам ранен картечью в руку и отступил, претерпев значительный урон. Крепость казалась спасена; но в ней открылась измена: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановский с женою были повешены; крепость разграблена и выжжена. В тот же день пришёл к Пугачёву Белобородов⁸¹ с четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генерал-поручик Декалонг из Челябинска, недавно освобождённого от бунтовщиков, двинулся к Верхне-Яицкой крепости, надеясь настигнуть Пугачёва ещё на Белорецких заводах; но, ...получил донесение, что Пугачёв идёт вверх по линии от одной крепости на другую, как в начале своего грозного появления. Декалонг спешил к Верхне-Яицкой. Тут узнал он о взятии Магнитной. Он двинулся к Кизильской. Но прошед уже пятнадцать вёрст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачёв, услыша о приближении войска, шёл же не к Кизильской, а прямыми горами на Карагайску. Ю. Декалонг пошёл наверх. Приближаясь к Карагайской, он увидел одни дымящиеся развалины: Пугачёв покинул её накануне. Декалонг надеялся догнать его в Петрозаводской, но и тут уже его не застал. Крепость была разорена и выжжена, церковь разграблена, иконы ободраны и разломаны в щепи.

І після поранення Пугачов продовжує керувати повстанням

Декалонг, оставя линию, пошёл внутреннею дорогою на Уйскую крепость. У него оставалось овса только на одни сутки. Он думал настигнуть Пугачёва, хотя в Степной крепости; но узнав, что и Степная уже взята, пустился к Троицкой... 21 мая утром приблизился он к Троицкой, ... и наконец увидел Пугачёва, расположившегося лагерем под крепостию, взятой им накануне. Декалонг тотчас на него напал. У Пугачёва было более десяти тысяч войска и до тридцати пушек. Сражение продолжалось более четырёх часов. Во всё это время Пугачёв лежал в своей палатке, страдая от раны, полученной им под Магнитною. Действиями распоряжал Белобородов. Наконец мятежники расстроились. Пугачёв сел на лошадь и с подвязанною рукою бросался всюду, стараясь навести порядок; но всё рассеялось и бежало. Пугачёв ушёл с одною пушкою по Челябинской дороге. Преследовать было невозможно. Конница была слишком изнурена...

Пугачёв и Белобородов, ведая, что усталость войска и изнурение лошадей не позволят Декалонгу воспользоваться своею победою, привели в устройство свои рассеянные толпы и стали в порядке отступать, забирая крепости и быстро усиливаясь. Майоры Гагарин и Жолобов, отряженные Декалонгом на другой день после сражения, преследовали их, но не могли достигнуть»⁸².

На останньому етапі селянської війни найзапопадливіше діяли проти повстанців каральні загони царського підполковника німецького вихідця Міхельсона. Врешті-решт цим каральним

⁸¹ Иван Наумович Белобородов (ум. 5 сентября 1774 г.) – один из предводителей крестьянской войны 1773 – 1775 гг. в России, сподвижник Е. И. Пугачёва. Происходил из приписных к заводам крестьян Урала. В 1759 – 1766 гг. был солдатом, освобождён от службы по болезни. В январе 1774 г. примкнул в составе отряда башкир к восстанию. В январе-феврале 1774 г. развернул деятельность на заводах Среднего Урала. Установил тесную связь с Салаватом Юлаевым и самим Пугачёвым (с последним соединился в мае 1774 г.). Пытался сделать основной базой восстания на Урале сначала Каслинский завод, а затем Саткинский (западнее Златоуста). Предпринимал попытки организовать военное обучение и внедрить дисциплину среди восставших, упорядочить захват и раздел казённого и помещичьего имущества. Был членом Военной коллегии, «главным атаманом и походным полковником». Сыграл выдающуюся роль во взятии Казани (июль 1774 г.). Попал в плен к царским войскам под Казанью и был казнён в Москве. (Советская историческая энциклопедия. Т. 2. Стб. 230.)

⁸² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 409.

загонам, які відзначалися жорстокими кривавими розправами над повстанцями та співчуваючими їм народами, вдалося завдати поріділим загонам Пугачова смертельних ударів. Останні бої розгорнулися на берегах середньої течії Волги.

«Пугачёв не имел средств выбраться из сетей, его стесняющих. Его сообщники, с одной стороны, видя неминуемую гибель, а с другой – надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству.

Пугачёв хотел идти к Каспийскому морю, надеясь как-нибудь пробраться в киргизкай-сакские степи. Казаки на то притворно согласились; но сказав, что они хотят взять с собою жён и детей, повезли его на Узени, обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов. 14 сентября они прибыли в селение тамошних староверов. Тут произошло последнее совещание. Казаки, не согласившиеся отдаться в руки правительства, рассеялись. Прочие прошли к ставке Пугачёва.

Ув'язнення О. І. Пугачова

Пугачёв сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову и спросил: чего им надобно? Они стали говорить о своём отчаянном положении, и между тем, тихо подвигаясь, старались загородить его от висевшего оружия. Пугачёв начал опять их уговаривать идти к Гурьеву городку. Казаки отвечали, что они долго ехали за ним и что уже ему пора ехать за ними. «Что же? – сказал Пугачёв, – вы хотите изменить своему государю?» – «Что делать!» – отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачёв успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «Я давно видел вашу измену», – сказал Пугачёв и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки: «Вяжи!» Творогов хотел ему окрутить локти назад. Пугачёв не сдался. «Разве я разбойник?» – говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачёв им угрожал мстью великого князя. Однажды нашёл он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков, и закричал, чтоб вязали изменников. Но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский высланы были к нему навстречу, приняли Пугачёва, посадили его в колодку и привезли в город, прямо к гвардии капитанпоручику Маврину, члену следственной комиссии.

Маврин допросил самозванца. Пугачёв с первого слова открылся ему. «Богу было угодно, – сказал он, – наказать Россию через моё окаянство». Велено было жителям собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащиеся в оковах. Маврин вывел Пугачёва и показал его народу. Все узнали его: бунтовщики потупили голову. Пугачёв громко стал уличать их и сказал: «Вы погубили меня; вы несколько дней сряду упрашивали принять на себя имя покойного великого государя, а когда и согласился, я долго отрицался, то всё, что ни делал, было с вашей воли и согласия; вы же поступали часто без ведома моего и даже вопреки моей воле». Бунтовщики не отвечали ни слова.

Один з найвидатніших полководців в історії О. В. Суворов розпитує О. І. Пугачова про його військові таланти

Суворов между тем прибыл из Узени и узнал от пустынников, что Пугачёв был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и нашёл на огни, раскладенные в степи ворующими киргизами.

Суворов напал на них и прогнал, потеряв несколько человек, и своего адъютанта Мило-радовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повёз его в Сибирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачёв сидел в деревянной клетке на двухколёсной телеге. Сильный отряд при двух пушках охранял его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во сто сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачёв. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришёл в Симбирск в начале октября.

Пугачёва привезли прямо во двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окружённый своим штабом. – «Кто ты таков?» – спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачёв», – отвечал тот. «Как же смел ты, вор, назваться государем?» – «Я не ворон (возразил Пугачёв, играя словами и изъясняясь, по его обыкновению, иносказательно), я воронёнок, а ворон-то ещё летает». – Надобно знать, что яицкие бунтовщики в опровержение общей молвы распространили слух, что между ими действительно находился некто Пугачёв, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет. Панин, заметя, что дерзость Пугачёва поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клочок бороды. Пугачёв стал на колени и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к спине. Академик Рычков, отец убитого симбирского коменданта, видел его тут и описал своё свидание. Пугачёв ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: «Добро пожаловать», – и пригласил его с ним отобедать. «Из чего, – пишет академик, – я познал его подлый дух». Рычков спросил его, как мог он отважиться на такие великие злодеяния? Пугачёв отвечал: «Виноват перед Богом и государынею, но буду стараться заслужить все мои вины». И подтверждал слова свои божбою (по подлости своей, опять замечает Рычков).

Говоря о своём сыне, Рычков не мог удержаться от слёз; Пугачёв, глядя на него, сам заплакал.

Наконец Пугачёва отправили в Москву, где его участь должна была решиться. Его везли в зимней кибитке на переменных обывательских лошадях; гвардии капитан Галахов и капитан Повало-Шейковский, несколько месяцев перед сим бывший в плену у самозванца, сопровождали его. Он был в оковах. Солдаты кормили его из своих рук и говорили детям, которые теснились у его кибитки: помните, дети, что вы видели Пугачёва. Старые люди ещё рассказывают о его смелых ответах на вопросы проезжих господ.

Во всю дорогу он был весел и спокоен. В Москве встречен он был многочисленным народом, недавно ожидавшим его с нетерпением и едва усмирённым поимкою грозного злодея. Он был посажен на Монетный двор, где с утра до ночи, в течение двух месяцев, любопытные люди могли видеть славного мятежника, прикованного к стене и ещё страшного в своём бессилии. Рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его огненного взора и грозного голоса. Перед судом он оказал неожиданную слабость духа.

Вирок і страта Омеляна Івановича Пугачова та його найближчих соратників

Принуждены были постепенно приготовить его к услышанию смертного приговора. Пугачёв и Перфильев приготовлены были к четвертованию; Чика⁸³ к отсечению головы; Шигаев,

⁸³ Чика (Зарубин Иван Васильевич [1736 – 24.I.1775]) – яицкий казак, активный участник крестьянской войны 1773 – 1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачёва. Участвовал в Яицком восстании 1772 г., после разгрома которого укрывался на хуторах под Яицким городком (ныне Уральск), где в сентябре 1773 г. встретился с Е. И. Пугачёвым. В начале крестьянской войны вместе с А. А. Овчинниковым руководил разгромом войск генерала В. А. Кара 7 – 9 сентября под Оренбургом. Наладил производство пушек и снарядов на Воскресенском заводе. Получил от Пугачёва титул «графа Чернышёва» и в начале декабря 1773 г. отправлен в Уфу, которую осадил с отрядом в 10 тысяч человек, руководил повстанческим движением на Среднем Урале, в Башкирии и Приуралье, налаживал гражданское управление, заготавливал оружие, боеприпасы, провиант и фураж

Падура и Торнов – к виселице; осмнадцать человек – к наказанию кнутом и к ссылке на каторжные работы. Казнь Пугачёва и его сообщников совершилась в Москве 10 января 1775 года. С утра бесчисленное множество народа столпилось на болоте, где воздвигнут был высокий помост. На нём сидели палачи и пили вино в ожидании жертв. Около помоста стояли три виселицы. Кругом выстроены были пехотные полки. Офицеры были в шубах по причине жестокого мороза. Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг всё заколебалось и зашумело: везут, везут! Вслед за отрядом кирасиров ехали сани с высоким амвоном. На нём с открытой головою сидел Пугачёв, насупротив его духовники. Тут же находился чиновник Тайной экспедиции. Пугачёв, пока его везли, кланялся на обе стороны. За санями следовала ещё конница и шла толпа прочих осуждённых. Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище:

«Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачёв и любимец его Перфильев⁸⁴ в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: на караул, и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицмейстер спрашивал его громко: «Ты ли донской казак Емелька Пугачёв?» Он столь же громко отвечивал: «Так, государь, я казак Зимовейской станицы, Емелька Пугачёв». Потом, во всё продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого росту, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупив глаза в землю. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и сошёл с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачёв, сделав с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратился к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся во все стороны, говоря прерывающимся голосом: «Прости, народ православный: отпусти, в чём я согрубил пред тобою... прости народ православный!» При сем слове экзекутор дал знак; палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; начали раздирать рукава шёлкового малинового полукафтаны. Тогда он сплеснул руками, повалился навзничь, и в миг окровавленная голова уже висела в воздухе...»

Палач имел тайное поручение сократить мучения казнённых. У трупа отрезали руки и ноги, палачи отнесли их по четырём углам эшафота, голову показали уже потом и воткнули на высокий кол. Перфильев, перекрестясь, простёрся ниц и остался недвижим.

Палачи его подняли и казнили так же, как и Пугачёва. Между тем Шигаев, Падуров и Торнов уже висели в своих высоких содроганиях... В сие время зазвенел колокольчик. Чичу повезли в Уфу, где казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговые казни; народ разошёлся; осталась небольшая кучка любопытных около столба, к которому один после другого привязывались преступники, присуждённые к кнуту. Отрубленные члены четвертованных мятежников были разнесены по московским заставам и несколько дней после сожжены вместе

для снабжения главных сил под Оренбургом. После упорных боёв (с января 1774 г.) с карательными войсками генерала А. И. Бибикова главные силы Чики 24 марта 1774 г. были разбиты под Уфой отрядом подполковника Михельсона. 26 марта Чика был предательски захвачен в Табынске. Во время следствия проявил необычайное мужество и стойкость, приговорён к смертной казни и казнён в Уфе отсечением головы. (Советская историческая энциклопедия. Т. 16. Стб. 28.)

⁸⁴ Афанасий Петрович Перфильев (1731 – 1775) – яицкий казак, сподвижник Е. И. Пугачёва в крестьянской войне 1773 – 1775 гг. В 1772 г. – один из руководителей восстания яицких казаков. В декабре 1773 г. под Оренбургом примкнул к Пугачёву. В феврале 1774 г. был избран старшиной казаков-повстанцев; один из руководителей осады Яицкого городка. Впоследствии командовал полком яицких казаков, исполнял обязанности судьи. После разгрома Пугачёва 25 августа 1774 г. под Чёрным Яром переправился за Волгу. 12 сентября 1774 г. захвачен в плен после боя с карателями. Следствие над Перфильевым шло в Москве. На следствии отказался принести покаяние. Приговорённый к четвертованию вместе с Пугачёвым... мужественно вёл себя во время казни. (Там само. Т. 11. Стб. 72.)

с телами. Палачи развеяли пепел. Помилованные мятежники были на другой день приведены пред Грановитую палату. Им объявили прощение и при всём народе сняли с них оковы.

Так кончился мятеж, начатый горсткою непослушных казаков, усилившийся по непротительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов. Совершенное спокойствие ещё долго не водворялось. Панин и Суворов ещё целый год оставались в усмирённых губерниях, утверждая в них ослаблённое правление, возобновляя города и крепости и искореняя последние отрасли пресечённого бунта. В конце 1755 года обнародовано было общее прощение и повелено всё дело предать общему забвению. Екатерина, желая истребить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки были переименованы в уральские, а городок их назвался сим же именем. Но имя страшного бунтовщика гремело ещё в краях, где он свирепствовал. Народ живо ещё помнит кровавую пору, которую так выразительно назвал он пугачёвщиною»⁸⁵.

Дотримуючись проголошених у вступі засад, автори цитували видані в далекому минулому твори, не підправляючи їх. Цитоване потребує, на нашу думку, певних пояснень. Особистим цензором найбільшого історичного твору, присвяченого найбільшому селянському повстанню у вітчизняній історії, як відзначалося раніше, був сам цар Микола I (або Микола Палкін). Беручи на себе завдання привернути увагу громадськості до антицарського, нехай і ззовні прикритого зрозумілими тоді громадсько-історичними гаслами повстання, очолюваного Омеляном Пугачовим, О. С. Пушкін мав у деяких випадках користуватися характеристиками, які не мали викликати негативну реакцію цензорів, та обійти її, вдаючися до вживаної у тодішніх історичних творах лексики.

О. С. Пушкін пояснював В. А. Жуковському, своєму близькому другові, тактику, якої він дотримувався у своїй найбільшій історичній праці.

20 січня 1826 р., коли масштаби царської розправи над декабристами далеко не були вже таємницею, висланий у Михайловське Олександр Сергійович звернувся з листом до В. Жуковського. «Я не писал к тебе, во-первых, – пояснював він своєму доброму й впливовому другові, – потому, что мне было не до себя, во-вторых, за неимением верного случая. Вот в чём дело: мудрено мне требовать твоего заступничества перед государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру. Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто ж, кроме полиции и правительства, не знал о нём? О заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Всётаки я от жандарма ещё не ушёл, легко, может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвинённых. А между ними друзей моих довольно НВ: оба ли Раевские взяты, и в самом ли деле они в крепости? напиши, сделай милость. Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться, но вам (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Моё будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения правительства со мною etc.

Итак, остаётся тебе положиться на моё благоразумие. Ты можешь требовать от меня свидетельств об этом новом качестве. Вот они.

В Петербурге я был дружен с майором Раевским, с генералами Пуциным и Орловым.

Я был масоном в Кишинёвской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи.

Я наконец был в связи с большою частью нынешних заговорщиков.

Покойный император, сослав меня, мог только упрекнуть меня в безверии.

⁸⁵ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 178 – 192.

Письмо это неблагоразумно, конечно, но должно же доверять иногда и счастью.

Прости, будь счастлив, это покамест первое моё желание.

Прежде, чем сожжёшь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?

Говорят, ты написал стихи на смерть Александра – предмет богатый! – но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрёк ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры – глас народа. Следовательно, я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба»⁸⁶.

Справжні історичні погляди О. С. Пушкіна

Отже, Олександр Сергійович оцінював велике селянське повстання XVIII століття зовсім не так, як про це можна тлумачити, посилаючись на відредаговану самим царем «Историю Пугачёвского бунта».

Поет-демократ та безсумнівний прихильник декабристського руху виклав свою оцінку, зокрема, в достовірних підготовчих матеріалах, які він ретельно й відповідально збирав, готуючи свій найбільший історичний твір. Про його особисте ставлення до повстання та до керівника народного руху О. І. Пугачова можна напевно дізнатись, звертаючись радше до його «Замечаний о бунте», «Записей устных рассказов, преданий, песен», а також полемічної статті, надрукованої в 1835 році в журналі «Сын отечества». Більша частина двох названих щойно матеріалів друкується нижче.

Замечания о бунте

1

«...Пугачёв был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос графу Гудовичу⁸⁷ был: «Жив ли мой отец?»

2

Пугачёв говорил, что сама императрица помогла ему скрыться.

3

Первое возмутительное воззвание Пугачёва к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объяв-

⁸⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. С. 154.

⁸⁷ Иван Васильевич Гудович (1741 – 1820) – русский фельдмаршал. Во время Русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. отличился под Хотинем (1769), Ларгою, Кагулом (1770) и Журжевой (1771). Во время Русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. руководил взятием Хаджибея (совр. Одесса) и Килии (1790); назначен командующим Кавказской линией. 22 июня 1791 г. штурмом овладел Анапой. В 1806 г. назначен командующим войсками в Закавказье. Руководил покорением Бакинского, Шекинского и Дербентского ханств. Разбил турецкие войска под Арапчае (1807), но потерпел неудачу при штурме Эривани (1808). В 1809 – 1812 гг. главнокомандующий в Москве, член Государственного совета, сенатор. С 1812 г. в отставке. (Советская историческая энциклопедия. Т. 4. Стб. 878 – 879.)

ления или публикации Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов.

6

Чернышёв (тот самый, о котором государыня Екатерина II говорит в своих записках) был некогда камер-лакеем. Он был удалён из Петербурга повелением императрицы Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина, вступив на престол, осыпала его и брата своими милостями. Старший сын умер в Петербурге комендантом крепости.

7

(Генерал-майор) Кар был пред сим употребляем в делах, требовавших твёрдости и даже жестокости (что ещё не предполагает храбрости, и Кар это доказал). Разбитый двумя каторжниками, он бежал под предлогом лихорадки, лома в костях, фистулы и горячки. Приехав в Москву, он хотел явиться с оправданиями к князю Волконскому, который его не принял. Кар приехал в Благородное собрание, но его появление произвело такой шум и такие крики, что он принуждён был поспешно удалиться. Ныне общее мнение если и существует, то уж гораздо равнодушнее, нежели как бывало в старину. Сей человек, пожертвовавший честью для своей безопасности, нашёл, однако ж, смерть насильственную: он был убит своими крестьянами, выведенными из терпения его жестокостию.

10

Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачёва. «Грех сказать, – говорила мне 80-летняя казачка, – на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал». – «Расскажи мне, – говорил я Д. Пьянову, – как Пугачёв был у тебя посажённым отцом». – «Он для тебя Пугачёв, – отвечал мне сердито старик, – а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович...»

12

Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. «Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши». Многие из сих прощённых должны были быть живы во время Пугачёвского бунта.

17

В Саранске архимандрит Александр принял Пугачёва со крестом и Евангелием и во время молебствия, на ектении упомянул государыню Устинию Петровну. Архимандрит предан был гражданскому суду в Казани. 13 октября 1774 года, в полдень, приведен он был в оковах в собор. Его повели в алтарь и возложили на него полное облачение. Солдаты с примкнутыми штыками стояли у северных дверей. Протопоп и протодиакон поставили его посреди церкви во всём облачении и в оковах. После обедни был он выведен на площадь; ему прочли его вины. После того сняли с него ризы, обрезали волоса и бороду, надели мужицкий армяк и сослали на вечное заточение. Народ был в ужасе и жалел о преступнике. В указе велено было выве-

сти Александра в одежде монашеской. Но Потёмкин (Павел Сергеевич) отступил от сего, для большего эффекта.

19

Падуров, как депутат, в силу привилегий, данных именным указом, не мог ни в каком случае быть казнён смертию. Не знаю, прибегнул ли он к защите сего закона; может быть, он его не знал; может быть, судья о том не подумал; тем не менее казнь сего злодея противозаконна.

Общие замечания

Весь чёрный народ был за Пугачёва. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачёв и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны. (Nota bene. Класс приказных и чиновников был ещё малочислен и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся офицерах. Многие из сих последних были в шайках Пугачёва...)

Все немцы, находившиеся в средних чинах, сделали честно своё дело... Но все, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия...

Разбирая меры, предпринятые Пугачёвым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надёжные и действительные к достижению своей цели. Правительство со своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно.

Нет худа без добра. Пугачёвский бунт показал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 последовало новое учреждение губерниям. Государственная власть была сосредоточена; губернии, слишком пространные, разделились; сообщение всех частей государства сделалось быстрее, etc.

Записи устных рассказов, предания, песни

I

Показания Крылова (поэта)

Отец Крылова (капитан) был при Симонове в Яицком городке. Его твёрдость и благоразумие имели большое влияние на тамошние дела и сильно помогли Симонову, который вначале было струсил. Иван Андреевич находился тогда с матерью в Оренбурге. На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25р.! Так как чин капитана в Яицкой крепости был замечен, то найдено было в бумагах Пугачёва в расписании, кого на какой улице повесить, и имя Крыловой с сыном. Рейнсдорп был человек очень глупый. Во время осады он задумал было ловить казаков капканами, чем и насмешил весь город, хоть было и не до смеху. После бунта Ив. Крылов возвратился в Яицкий городок, где завелась игра в пугачёвщину. Дети разделились на две стороны: городовую и бунтовскую, и драки были значительные.

Крылов, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разминывая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сде-

лался некто Анчапов (живой доньне). Мертваго, поймав его в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. Его отцепил прохожий солдат.

II

Из записной дорожной книжки

Из Гурьева городка
Протекла кровью река
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один
Он нечаянно в крепость въехал
Начальников перевешал
Атаманов до пяти
Рядовых сот до шести.

Декабристы привернули увагу, симпатії та добре відчували підтримку видатних своїх сучасників, зокрема найвизначнішого російського поета Олександра Сергійовича Пушкіна. У своїх спогадах І. Д. Якушкін відзначав: «Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языци, если б народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители по приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило всё народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге налево и направо поле было покрыто пёстрой толпой, и мне теперь ещё помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!» В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий, каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле»⁸⁸.

Після завершення Вітчизняної війни 1812 р. нагальні почуття перебудови життя країни заволоділи й Пушкіним. Олександр Сергійович гаряче симпатизував дворянським революціонерам-декабристам. У своєму щоденнику в другій половині липня 1826 р. він занотував звістку про їхню загибель на царській шибениці: «Услышал о смерти Р., П., М., К., Б., 24»⁸⁹.

Декабристи, щоб зберегти поета від царських переслідувань, всіляко приховували найдрібніші відомості про пушкінські симпатії до них та його зв'язки з ними. Пушкін – також добре розуміючи як загальну ситуацію, так і наміри урядових нишпорок – прагнув не видавати свої гарячі симпатії та щиру любов до страчених Рилєєва, Пестеля, Муравйова-Апостола, Каховського, Бестужева-Рюміна.

Геніальний поет Росії у боротьбі з нестерпним гнобленням царизму

Найболючіше тодішне зло самодержавства Пушкін убачав у закабаленні найбільшої частини населення Росії – селянства. Саме тому він докладав незмінних зусиль для викриття

⁸⁸ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 7.

⁸⁹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 17.

цього зла. Першорядним завданням передових сил суспільства поет справедливо вважав боротьбу з кріпосним ладом. Цій проблемі Олександр Сергійович присвятив глибоко вдумливе, науково обгрунтоване дослідження «О дворянстве»⁹⁰. Після коротенького вступу, він, як то кажуть, «бере бика за роги», виявляючи неабияке вміння, іронію та високу майстерність, нарешті органічну прихильність до республіканського устрою рідної країни.

«Что такое дворянство? – запитує Пушкін. – Потомственное сословие народа, высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом и его представителями. С какой целью? с целью иметь мощных защитников или близких ко власти и непосредственных представителей. Какие люди составляют сие сословие? люди, какие имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain*. Образ жизни, т. е. не ремесленный или земледельческий – ибо всё сие налагает на работника или земледельца различные узы. Почему так? Земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства пригготовительное воспитание? Нужно. Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они *la sauve garde* трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества. Кто составляет дворянство в республиках? Богатые люди, которыми народ кормится? А в государствах? Военные люди, которые составляют гвардию и войско государево. Чем кончится дворянство в республиках? Аристократическим правлением. А в государствах? Рабством народа. $a = b$.

Что составило в России древнюю аристократию? – Варяги, богатые военные славяне и воинственные пришельцы. Какие были права их? Равные княжеским, ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому.

Отчего г. Полевой⁹¹ говорит, что они были наравне со смердами? Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем не ограничены. Какое время силы нашего боярства? Во время уделов, удельные князья соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? При Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться. Были ли дворянские грамоты?.. (Минин). Было ли местничество? натурально ли оно? везде ли существовало оно? зачем уничтожено было оно? и было ли в самом деле уничтожено? Пётр. Уничтожение дворянства чинами. Майоратства – уничтоженные плутовством Анны Иоанновны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.

Русское дворянство что ныне значит? какими способами делается дворянин? что из этого следует? Глубокое призвание к сему званию. Дворянин помещик. Его влияние и важность – рекрутство. Права. Дворянин в службе – дворянин в деревне. Происхождение дворянства. Дворянин при дворе.

(1830 – 1835)».⁹²

Саме О. С. Пушкін, його друзі й однодумці з лав декабристів, видатний мислитель П. Я. Чаадаєв розпочали рішуче викриття самодержавства. Водночас характерною рисою взаємодії цих сучасників було почуття щирої дружньої взаємної поваги й любові. Показовим виявом цього залишилися записи у пушкінському «Щоденнику», датовані 9 квітня 1821 року.

⁹⁰ При жизни Пушкина не печаталось. Написано в 1830-е годы. (Там само. С. 392.)

⁹¹ В «Истории русского народа», т. II, с. 87, Полевой говорит: «Но аристократизм существовал собственно только в отношении к народу; перед лицом князя всё сливалось в одно звание – рабов. Его первый чиновник и последний смерд были перед ним равны». (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 393.)

⁹² Там само. С. 104 – 105.

«Утро провёл с Пестелем; умный человек во всём смысле этого слова. “Mon coeur etre materialiste, – говорит он, – mais ma raison s’refuse”⁹³. Мы с ним вели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которые я знаю...

Получил письмо от Чаадаева. – «Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя. – Жалею, что не получил он моих писем: они бы его обрадовали.

Мне надо его видеть»⁹⁴.

О. С. Пушкін не міг писати інакше, бо висловив свої справжні щирі й глибокі дружні почуття до П. Я. Чаадаєва у проникливому, широко знаному вірші, написаному ще 1818 року:

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман.
Но в нас горит ещё желанье,
Под гнётом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждём с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждёт любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!⁹⁵

Про щирю приязнь і непорушну дружбу зі своїми товаришами О. С. Пушкін вірив і пишався ними все своє життя. Ось приклади, запозичені з його «Щоденника»:

«1822

После обеда во сне видел Кюхельбекера.

1 июля день счастливый.

Пушкин.

⁹³ Сердцем я материалист, но мой разум этому противится (франц.).

⁹⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 16.

⁹⁵ Там само. Т. 1. С. 307. Стихотворение получило широкое распространение в списках. Без ведома Пушкина в искажённом виде оно было напечатано в альманахе «Северная звезда» за 1829 г. Это одно из наиболее популярных политических стихотворений Пушкина, сыгравших большую агитационную роль в кругу декабристов. Отнесено к 1818 г. предположительно; возможно, вызвано оживлёнными политическими спорами по поводу обещания конституции и речи Александра на Польском сейме 15 марта 1818 г. Пушкин не верил в обещания Александра и в мирное введение конституционного правления в России. (Там само. С. 456.)

1827 / 15 октября...

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошёл высокий, бледный и худой молодой человек с чёрной бородой в фризовой шинели, и с виду настоящий жид – я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург, для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостью на меня взглянул.

Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга – и я узнаю Кюхельбекера⁹⁶. Мы кинулись друг к другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательствами – я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, – но куда же ли?»⁹⁷

Микола І у боротьбі з повсталими військовими поселеннями

У пушкінському «Щоденнику» зафіксовано не лише сумні, але разом з тим і радісні нотатки про пам'ятні зустрічі з товаришами по серцю й спільними прагненнями друзями. В них йдеться й про суцільно сумні переживання, пов'язані з одверто насильницькими діями царя Миколи І проти повстанців так званих аракчєєвських «військових поселень».

Звертаємось до запису від 26 липня 1831 р.:⁹⁸ «Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших здесь беспокойств. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинной головой и с распискою одного из офицеров, которые перед смертью принудили бунтовщики показать, будто бы он и лекарь отравляли людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всём слушаться графа Орлова⁹⁹, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. “Тогда я вас прощу, – сказал он им. – Кажется, всё усмирено, а если нет ещё, то всё усмирится присутствием государя”»¹⁰⁰.

Останніми днями того-таки липня 1831 року читаємо: «Бунт в Новгородских колониях усмирён его присутствием, – наводит «Щоденник» заангажований офіційний урядовий коментар. – Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчєєвского и короля Прусского почти все перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекли на плаце; над некоторыми жертвами убийцы

⁹⁶ Встреча Пушкина с В. К. Кюхельбекером произошла на ст. Залазы по пути Пушкина из Михайловского в Петербург. В. К. Кюхельбекер в это время препровождался с фельдъегерем Подгорным из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую, куда он 12 октября 1827 г. был отправлен вместо каторжных работ в Сибирь сроком на 20 лет. О встрече Пушкина и Кюхельбекера сохранился следующий рапорт фельдъегеря: «Господину дежурному генералу Главного Штаба его императорского величества генерал-адъютанту и кавалеру Потапову фельдъегеря Подгорного Рапорт Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С. – Петербург некто г. Пушкин, начал после поцелуя с ним разговаривать, я, видя сие, наименее отправил как первого, так и тех двух на полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для прописания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорит, что «по прибытию в С. – Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству, как за недопущение распространиться с другом, так и дать ему на дорогу денег, – сверх того, не премину сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу». Сам же г. Пушкин между прочими угрозами объявил мне, что он был посажен в крепости и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, что сочиняет. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. С. 349.)

⁹⁷ Там само. С. 18.

⁹⁸ Летом 1831 г. Пушкин жил на даче в Царском Селе, где и вёл свои записи. Записи 1831 г. были обработаны Пушкиным в качестве образца политической информации, которую он хотел вести в своей газете «Дневник», предполагавшийся к изданию. Как образцы они были представлены Бенкендорфу. Однако, проект издания газеты не осуществился. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. С. 350.)

⁹⁹ Алексей Фёдорович Орлов (1786 – 1861) – командир гвардейского конного полка, брат М. Орлова. (Там само. Том 1. С. 457.)

¹⁰⁰ Там само. Т. 8. С. 29.

ругались. Посадив на стул одного майора, они подходили к нему с шутками: «Ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои, вы так смирны», – и с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек; один из них спасён больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели, однако же, его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино, чтобы убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жандармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров Прусского короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом; но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и мёдом. Арит¹⁰¹, находившийся при нём, сказал им с негодованием: «Вам бы должно вынести кутью». Государь собрал полк в манеже. Приказал попу читать молитвы, приложился ко кресту и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что не может их простить, и требовал, чтобы они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа императора.

Восемь полков, возмущившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчину»¹⁰².

Запис у незабутню дату – 14 грудня:

«11-го декабря получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращён «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово кумир не пропущено высочайшею ценсурою; стихи:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?), – всё это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным¹⁰³».

Цього ж таки пам'ятного дня О. С. Пушкін лишив красномовний запис: «Кочубей и Несельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. Эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год следует должно стараться о снискании работ и о

¹⁰¹ Николай Фёдорович Арэнд (1785 – 1859) – крупный врач-практик, хирург, стал с 1829 г. лейб-медиком Николая I, сопровождал его в разъездах. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 350.)

¹⁰² Там само. С. 21.

¹⁰³ Александр Филиппович Смирдин (1795 – 1857) – русский издатель, книгопродавец и библиограф. После работы в книжном магазине А. С. Ширияева перешёл на службу к петербургскому издателю А. С. Плавильщикову; в 1825 г. приобрёл его книжный магазин и типографию. Значительно расширив книготорговую деятельность, Смирдин вскоре перевёл книжный магазин из Гостиного двора к Синему мосту, а затем на Невский проспект. Его книжный магазин стал своеобразным салоном, где встречались многие писатели. На «новоселье» присутствовали А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич и др. Все они приняли участие в альманахе «Новоселье», издававшемся Смирдиным (1833 – 1834) по случаю переезда на Невский проспект. Смирдин издал сочинения Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, новые издания сочинений В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина и др. Основав (1834) журнал «Библиотека для чтения», Смирдин положил начало изданию в России «толстых» журналов. Им были выпущены три сборника «Сто русских литераторов» (1839 – 1845). С 1846 г. Смирдин издавал серию «Полное собрание сочинений русских авторов». Находясь в дружеских отношениях со многими писателями своего времени, Смирдин старался оказывать им поддержку. Его издательское дело долгое время развивалось успешно, но впоследствии он разорился и вынужден был прекратить книжную торговлю. Отчасти это объяснялось бескорыстием Смирдина в делах: так Пушкину он платил по червонцу за стихотворную строку, а за стихотворение «Гусар», опубликованное в «Библиотеке для чтения», заплатил 1200 рублей. Крылову за право издания его басен тиражом в 40 тыс. экземпляров было выплачено 40 тыс. рублей. Из библиографических трудов Смирдина особенно ценно справочное издание «Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина» (1828); дополнения к этой библиографии составлялись до 1856 г. (в 4 частях). Как издатель-просветитель Смирдин занимает видное место в истории русской культуры. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. Стб. 973.)

уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Всё это очень соблазнительно. В обществе ропщут, – а у Нессельроде и Кочубей будут балы (это также есть способ льстить двору)»¹⁰⁴.

Ставлення Пушкіна до царської «ласки»

Новий 1834 р. не змінив ані ставлення й намірів царя Миколи I до Пушкіна, ані позиції й творчих планів поета на майбутнє. 1 січня в його «Щоденнику» записано: «Третього дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau»¹⁰⁵.

У новорічному записі за 1834 р. він відзначає: «Встретил Новый год у Натальи Кирилловны Загряжской»¹⁰⁶. Разговор со Сперанским о Пугачёве, о Собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc».

Через тиждень, 7 січня: «Государь сказал княгине Вяземской: “J’espere que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu’a present in m’a tenu parole, et j’ai ete content de lui” etc. etc.»¹⁰⁷. Великий князь наперед поздравил меня в театре: – Покорнейше благодарю, ваше высочество, до сих пор надо мною все смеялись, вы первый меня поздравили»¹⁰⁸. За десять днів, 17 січня, у «Щоденнику» запис: «Бал у графа Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моём камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моём «Пугачёве», он сказал мне: «Жаль, что я не знал, что ты о нём пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей»¹⁰⁹, которая тому три недели умерла в крепости Эрлингфорской» (в 1774 году!). Правда, она жила на свободе в предместьи, но далеко от своей донской станицы, на чужой холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием»¹¹⁰.

А ось запис у «Щоденнику» Олександра Сергійовича від 26 січня:

«Барон д’Антес¹¹¹ и маркиз де Пина¹¹², два шуана¹¹³, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет»¹¹⁴.

Запис 28 лютого: «Протекший месяц был довольно шумен, – много балов, раутов etc... Государь позволил мне печатать «Пугачёва»; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал;

¹⁰⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 26.

¹⁰⁵ Филипп де Куртильон, маркиз де Данжо (1638 – 1720) – автор мелкой придворной хроники последних лет царствования французского короля Людовика XIV.

¹⁰⁶ Наталья Кирилловна Загряжская, рождённая графиня Разумовская (1747 – 1847) – дочь президента Академии наук и гетмана Малороссии графа К. Г. Разумовского. Фрейлина императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Н. Н. Пушкина приходилась ей внучатой племянницей. Пушкин познакомился с ней во время сватовства к Н. Н. Гончаровой и впоследствии (1835), по совету В. А. Жуковского, записывал её рассказы. (Там само. С. 354 – 355.)

¹⁰⁷ Я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону своё назначение. До сих пор он сдержал данное мне слово, и я был доволен им, и т. д. и т. д. (Там само. С. 402.)

¹⁰⁸ Там само. С. 28.

¹⁰⁹ Не сестра Пугачёва, а последняя из его дочерей Аграфена, умершая «от болезни и старости лет». 5 апреля 1833 года в Кексгольме, где она жила под надзором полиции. Эрлингфорс – так иногда в рукописях Пушкина называется Гельсингфорс. (Там само. С. 357.)

¹¹⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 28.

¹¹¹ Барон Жорж Дантес (1812 – 1895) – убийца Пушкина, французский роялист, эмигрант, принятый в русскую службу по экзамену 8 февраля 1834 г. корнетом в Кавалергардский полк. (Там само. С. 357.)

¹¹² Эммануил Иванович де Пина – французский роялист и эмигрант, был принят в русскую службу в один из армейских полков и 1 апреля 1834 г. получил чин прапорщика. (Там само.)

¹¹³ Шуаны – участники контрреволюционного восстания в Бретани во время Французской революции. (Там само. С. 357.)

¹¹⁴ Там само. С. 28.

он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков¹¹⁵, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения»¹¹⁶.

Запис 6 березня: «Царь дал мне займы 20 000 на напечатание «Пугачёва». Спасибо»¹¹⁷.

Запис 17 березня: «Вчера было заседание литераторов у Греча об издании русского Conversations Lexikon. Нас было человек сто, большей частью неизвестных мне русских людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар¹¹⁸ в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его»¹¹⁹. Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощатся Булгарин, Полевой и Свинын¹²⁰. Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашён на сие литературное собрание. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминания о Царском Селе». Устрялов сказывал мне, что издаёт процесс Никонов¹²¹. Важная вещь!¹²²

2 апреля. Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Conversations Lexikon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурак. Этот лексикон будет не что иное, как «Северная пчела»¹²³ и «Библиотека для чтения»¹²⁴ в полном порядке и объёме.

¹¹⁵ Очевидно, російського та французького. (Прим. авт.)

¹¹⁶ Там само. С. 29.

¹¹⁷ 28 февраля Пушкин обратился к гр. А. Х. Бенкендорфу с просьбой выдать ему ссуды в 20 000 рублей на печатание «Истории Пугачёва» сроком на два года. 4 марта Пушкину было сообщено о согласии Николая I. (Там само. С. 357.)

¹¹⁸ Адольф Александрович Плюшар (1806 – 1865) – издатель, предпринявший издание «Энциклопедического лексикона», рассчитанного на 24 тома. Первый том его вышел в июне 1835 г., а затем до 1841 г. было напечатано ещё 16 томов. Издательство закончено не было. (Там само. С. 358.)

¹¹⁹ Шарлатан – здесь в старинном значении: уличный торговец лекарствами. При таких торговцах когда-то стояли паяцы («пальяс»), потешавшие прохожих и привлекавшие их к приобретению лекарств. – Примітка упорядників тому.

¹²⁰ Павел Петрович Свинын (1787 – 1839) – писатель, журналист, основатель журнала «Отечественные записки», слывший лжецом. (Там само.)

¹²¹ Документы следствия и суда над патриархом Никоном Устряловым не были изданы. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 358)

¹²² Там само, с. 31.

¹²³ Русская политическая и литературная (с 1838 г.) газета. Издавалась в Петербурге в 1825 – 1864 гг. (до 1831 г. – три раза в неделю, затем ежедневно). Издатель-редактор – Ф. В. Булгарин, в 1831 – 1850 гг. – он же и Н. И. Греч, с 1860 г. – П. С. Усов. До восстания декабристов 1825 г. газета не чуждалась либерализма (печатала стихи К. Ф. Рыльева, хвалила альманах «Полярная звезда»), затем стала рупором монархизма и реакции. В ней опубликованы доклад следственной комиссии и приговор по делу декабристов. Однако в 1820 – 1830 гг. в «Северной пчеле» появились некоторые произведения А. С. Пушкина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова. Печатались очерки, стихи и путевые заметки. Почти во всех отделах – «Новые книги», «Словесность», «Всякая всячина», «Нравы», о театре – писал сам Булгарин. Греч выступал главным образом по вопросам грамматики и с письмами из-за границы. Критические статьи и рецензии опубликовали О. М. Сомов, М. А. Бестужев-Рюмин. «Северная пчела» положительно оценила «Повести Белкина» Пушкина и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Однако с появлением «Литературной газеты» и особенно «Современника» «Северная пчела» начала нападать на Пушкина, вела полемику с «Московским наблюдателем», в котором сотрудничал В. Г. Белинский. Пушкин отвечал полемическими статьями «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830), «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831). В 1840-х гг. против «Северной пчелы» выступали «Отечественные записки», «Современник» и др. Белинский разоблачал коммерческий подход Булгарина к журналистике, его пресмыкательство перед властями, низкий художественный уровень его произведений. Получив субсидии от правительства, Булгарин продолжал вести борьбу с передовой литературой, привлёк к сотрудничеству В. А. Межевича, Л. В. Бранта, Р. М. Зогова, Ф. М. Толстова (Ростислав), К. А. Полевого и др. С 1860 г. «Северная пчела» вынуждена принять либеральное направление; в ней появлялись произведения писателей-демократов В. А. Слепцова, А. И. Левитова, Ф. М. Решетникова, М. Вовчка и др., корреспонденции И. И. Гольц-Миллера, статьи А. И. Пятковского о Н. А. Некрасове, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Н. А. Добролюбова (некролог), А. В. Кольцове, велась полемика по поводу романа Н. Г. Чернышевского «Что делать» и деятельности А. И. Герцена. В 1864 г. «Северная пчела» прекратила своё существование. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. Стб. 714 – 715.)

¹²⁴ Ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834 – 1865 гг. Издавался с 1834 г. А. Ф. Смирдиным. Редактором был О. И. Сенковский (до 1836 г. совместно с Н. И.

В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского¹²⁵. Он рассказывал мне о своём изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провозатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришёл просить покровительства у своего арестанта: «Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти каналы лошадей нам не дают». Сперанский у себя очень любезен. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени.

7 апреля...

Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семёрку и туза... Гоголь по моему совету начал «Историю русской критики»¹²⁶.

16-го. Вчера проводил Наталию Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашёл у себя приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте¹²⁷. Я догадался, что речь идёт о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в Вербное воскресенье. Так и вышло: Жуковский сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров, и сказал: «Если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить...»

Однако ж я не поехал на головомытьё, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на днях выйдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

3 мая... Вышел указ о русских подданных, пребывающих в чужих краях. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III; но так как допускаются исключения, то и будет одною из бесчисленных пустых мер, принимаемых ежедневно к досаде благомыслящих людей и во вред правительству.

10 мая. Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо моё ходит по городу и что государь о нём ему говорил. Я вообразил, что дело идёт о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства и которое публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, написанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нём отчёт о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всём полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила его государю, который сгоряча также его не понял. К

Гречем), который печатал в журнале свои статьи, фельетоны (большей частью под псевдонимом Б а р о н Б р а м б е у с), «Библиотека для чтения» – первый в России «толстый» журнал (до 30 печ. л.), положивший начало «торговому направлению» в русской журналистике. Ориентировался главным образом на провинциальных читателей (мелкопоместное дворянство, чиновничество, купцов, мещан): в 1830-х гг. пользовался большой популярностью (тираж достигал 7000 экз.). Успеху «Библиотеки для чтения» способствовало напечатание в 1834 – 1835 гг. некоторых произведений А. С. Пушкина («Пиковая дама», «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях и др.); позднее в журнале появились «Хаджи-Абрек» М. Ю. Лермонтова, «Кавказские очерки» А. Марлинского, произведения Д. В. Давыдова, В. П. Даля, Н. А. Полевого и др. В отделе иностранной словесности печатались произведения О. де Бальзака, Жорж Санд, Уильяма Теккерея, Э. Сю, А. Дюма и др. Однако журнал заполнялся главным образом произведениями второстепенных писателей (Н. В. Кукольник, В. Г. Бенедиктов и др.), светскими повестями, переводами французской романтической беллетристики. С 1836 г. журнал повёл борьбу с «Современником» А. С. Пушкина, выступал против В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя и «натуральной школы». Передовая критика резко осуждала охранительные идеи, поверхностный тон критики, беспринципность Сенковского как журналиста. С 1849 г. редактором стал А. В. Старчевский, затем А. В. Дружинин (с 1856 г.), позднее – А. Ф. Писемский (с 1860 г.) и П. Д. Боборыкин (с 1863 г. и до закрытия в 1865 г.). В 1850 – 1860 гг. в журнале эпизодически участвовали Л. Н. Толстой (рассказ «Три смерти»), А. Н. Островский (пьеса «Воспитанница»), И. А. Гончаров, А. Н. Майков, А. А. Фет и др. В отделах «Науки и художества», «Новости учёного мира» и др. в разное время были помещены статьи Н. И. Пирогова, П. Н. Ткачёва, П. Л. Лаврова, Р. В. Шелгунова, А. Гумбольдта и др. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. Стб. 604.)

¹²⁵ Михаил Михайлович Сперанский (1772 – 1839) – крупнейший государственный деятель царствования Александра I. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 356.)

¹²⁶ От замысла по (написанию. – Авт.) истории русской критики не сохранилось никаких материалов.

¹²⁷ Юлий Помпеевич Литте (1763 – 1839) – граф, старший обер-камергер, которому Пушкин был подчинён при дворе как камер-юнкер. (Там само. С. 362.)

счастью, письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Всё успокоилось. Государю неугодно было, что о своём камерюнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства. Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и давать ход интриге, достойной Видока¹²⁸ и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным¹²⁹.

22 июля. Прошедший месяц был бурен¹³⁰. Чуть было не поссорился я со двором, – но всё перемололось. Однако это мне не пройдёт¹³¹.

28 ноября. Я ничего не записывал в течение трёх месяцев. Я был в отсуствии – выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами – своими товарищами... Воротился к 15 октября в Петербург, где и проживаю. «Пугачёв» мой отпечатан. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии¹³².

5 декабря. Завтра¹³³ надобно будет явиться во дворец. У меня ещё нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-летними. Царь рассердится, – да что мне делать...

Я всё-таки не был 6-го во дворце – и рапортовался больным. За мною царь хотел послать фельдъегеря или Арндта¹³⁴.

18-го дек. Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности в пользу будущего Вальтер Скотта.

Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8½ в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно. В 9 часов мы приехали.

На лестнице я встретил старую графиню Бобринскую¹³⁵, которая всегда за меня лжёт и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это ещё не всё)... Граф Бобринский¹³⁶, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели... Я заговорил с Ленским¹³⁷ о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: – *Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche par exemple*¹³⁸...

¹²⁸ Видок – начальник парижской тайной полиции, с которым Пушкин сравнивал Ф. В. Булгарина. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 363.)

¹²⁹ Там само. С. 38.

¹³⁰ 25 июня Пушкин написал письмо А. Х. Бенкендорфу с просьбой об отставке от службы и получил в ответ извещение, что отставка принята, но разрешение, данное ему на занятие в архивах, тем самым отнимается. Под влиянием и воздействием В. А. Жуковского и вследствие раздумий о тягостных последствиях своей ссоры с Николаем I Пушкин взял обратно просьбу об отставке. – Примітка коментаторів видання. (Там само. С. 365.)

¹³¹ Там само. С. 41.

¹³² Николай I ездил в Берлин и вернулся в Петербург вечером 26 ноября. В его отсутствие не решались выпустить в продажу отпечатанный тираж «Истории Пугачёвского бунта». (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 366.)

¹³³ 6 декабря – день именин Николая I. Пушкину, как камер-юнкеру, надлежало явиться в присвоенном ему по придворному званию мундире. (Там само.)

¹³⁴ Там само. С. 42.

¹³⁵ Анна Владимировна Бобринская (1769 – 1846) – графиня, рождённая баронесса УнгернШтернберг, мать графа А. А. Бобринского. (Там само. С. 357.)

¹³⁶ Алексей Алексеевич Бобринский (1800 – 1888) – граф, внук Екатерины II; основатель свеклосахарной промышленности в России, пропагандист устройства железных дорог, добычи каменного угля и торфа, развития сельского хозяйства и садоводства; приятель Пушкина. (Там само. С. 355.)

¹³⁷ Адам Осипович Ленский, помощник статс-секретаря Государственного совета по департаменту дел Царства Польского. (Там само. С. 366.)

¹³⁸ Мій дорогий друже, однак не слід тут говорити про Польщу. Оберемо нейтральний об'єкт розмови, наприклад, про посла Австрії (франц.). Переклад авторів праці.

22 декабря, суббота. В субботу был у Хитровой¹³⁹. Имел долгий разговор с великим князем¹⁴⁰. Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали в «Северной пчеле», дело идёт о пребывании государя в Москве... Пчела говорит: «Государь император обошёл соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца низко (низко!) поклонился народу». Этого не довольно: журналист дурак продолжает: «Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!» – Не забудь, что это читают лавочники. Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп. Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почётном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers etat, сию вечную стихию мятежа и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе как по собственной воле государя. Если в дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать, или (что всё равно) всё будет дворянством. Что же касается до tiers etat, что же значит наше старинное дворянство с именьями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещениями, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много? Говоря о старом дворянстве, я сказал: «Nous, qui sommes aussi bons gentilshommes que l'empereur et vous...» etc. Великий князь был очень любезен и откровенен. «Vous etes bien de votre famille, – сказал я ему: – tous les Romanof sont revolusonnaires et niveleurs». «Спасибо: так ты жалуешь меня в якобинцы! благодарю, voila une reputation que manguait». Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензор Никитенко¹⁴¹ на обахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю¹⁴² напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. (Г)Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: «Если-де я был бы Богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои». Митрополит¹⁴³ (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападков Деларю и Смирдина. Отселе буря.

Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! Когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

¹³⁹ Елизавета Михайловна Хитрово, рождённая Голенищева-Кутузова (1783 – 1839) – дочь знаменитого полководца, приятельница Пушкина. (Там само. С. 364 – 365.)

¹⁴⁰ Великий князь – Михаил Павлович. Он возмущался статьёй, напечатанной в № 206 «Северной пчелы» от 13 сентября 1834 г., где был описан приезд Николая I в Москву 7 сентября. (Там само. С. 366.)

¹⁴¹ Александр Васильевич Никитенко (1805 – 1877) – цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета, впоследствии академик. 8 дней провёл под арестом на гауптвахте за пропуск в печать для 12-й книжки «Библиотеки для чтения» следующего перевода стихотворения В. Гюго: Красавице Когда б я был царём всему земному миру, Волшебница! тогда б поверг перед тобой Всё, всё, что власть даёт народному кумиру: Державу, скипетр, трон, корону и порфиру, За взор, за взгляд единый твой! И если б богом был – селеньями святыми Клянусь – я отдал бы прохладу райских струй, И сонмы ангелов с их песнями живыми, Гармонию и власть мою над ними За твой единый поцелуй! (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 366 – 367.)

¹⁴² Михаил Данилович Деларю (1811 – 1863) – поэт, воспитанник Царскосельского лицея.

¹⁴³ Митрополит новгородский и петербургский Серафим (1857 – 1843). В 1823 г. возбудил дело о «Гаврилади», а в 1833 г. при выборах Пушкина в члены Российской академии не дал своего голоса за Пушкина «единственно потому, что он ему неизвестен». (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 367.)

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошёл бы во всё облачении плясать французский кадрили. А всё виноват Глинка (Фёдор)¹⁴⁴. После его ухарского псалма¹⁴⁵, где он заставил Бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что он¹⁴⁶ пустился во всё тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон.

1835

8 января. Начнём новый год злословием, на счастье...

Бриллианты и дорогие камни были ещё недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Натальи Николаевны¹⁴⁷, заложенные в московском ломбарде, я принуждён был их перезаложить в частном ломбарде, не согласившись продать их за бесценок. Их требуют в кабинет, и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому¹⁴⁸ принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский принёс табакерку. Государю показалась она довольно бедна. – «Дороже нет», – отвечал Волконский. «Если так, делать нечего», – отвечал государь: – я хотел тебе сделать подарок, возьми её себе». Вообразите себе рожу старого скряги. С той поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелись уже в 60 000 р.

Великая княгиня¹⁴⁹ взяла у меня Записки Екатерины II¹⁵⁰ и сходит от них с ума.

Февраль. С генваря очень я занят Петром... Придворными сплетнями мало занят...

Филарет сделал донос на Павского¹⁵¹, будто бы он лютеранин. Павский отставлен от великого князя¹⁵². Митрополит и синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судья; но ласково простился с Павским. Жаль умного, учёного и доброго священника! Павского не любит Шишков¹⁵³, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в корнях президента. Митрополит на место Павского предлагал Кочтова¹⁵⁴, плута

¹⁴⁴ Фёдор Николаевич Глинка (1786 – 1880) – поэт, декабрист. (Там само. С. 367.)

¹⁴⁵ По-видимому, стихотворение Ф. Н. Глинки 1832 г. «Слова Адонай к мечу (из Исаяи)», которое начинается следующими стихами: Сverkaй, мой меч! Играй, мой меч! Лети, губи, как змей крылатый! Пируй, гуляй в раздолье сеч! Щиты их в прах! в осколки латы! (Там само.)

¹⁴⁶ «...он пустился...» – он, т. е. бог. (Там само.)

¹⁴⁷ Принадлежавшие Наталье Николаевне Пушкиной бриллианты были заложены Пушкиным вследствие денежных затруднений сразу же после свадьбы в 1831 г. и в связи с переездом из Москвы в Петербург в мае того же года. Он не смог их выкупить до конца своей жизни. (Там само.)

¹⁴⁸ Князь Пётр Михайлович Волконский (1776 – 1862) – министр двора и управляющий кабинетом, близкий человек и доверенный Николая I. (Там само.)

¹⁴⁹ Елена Павловна. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 367)

¹⁵⁰ Записки Екатерины II тогда были известны только в рукописных списках и считались секретными. Появились в печати лишь в 1859 г. в Лондоне (их издал А. И. Герцен). Пушкин снял с них копию в Одессе со списка, хранившегося в библиотеке графа М. С. Воронцова. (Там само.)

¹⁵¹ Герасим Петрович Паевский (1787 – 1869) – протоиерей, профессор Петербургской духовной академии, крупный филолог. Митрополит Филарет обвинил его в том, что в его двух книгах «Начертание духовной истории» и «Христианское учение в краткой системе» находятся неблагонамеренные места. (Там само. С. 368.)

¹⁵² Наследник Александр Николаевич, у которого Павский был законоучителем. (Там само.)

¹⁵³ Александр Семёнович Шишков (1754 – 1841) – русский писатель, государственный деятель. В 1772 г. окончил Морской кадетский корпус, совершил несколько морских походов, дослужился до адмирала. Был статс-секретарём Александра I, членом Государственного совета, в 1824 – 1828 гг. – министром просвещения. Член Российской академии (с 1789 г.) и её президент (1813 – 1841 гг.). По политическим убеждениям консерватор; активно боролся с идеями отмены крепостного права. В 1826 г. ввёл крайне жёсткий цензурный устав, получивший у современников прозвище «чугунный». Был членом Верховного суда над декабристами (правда, добивался смягчения участи подсудимых). (Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. Стб. 733 – 734.)

¹⁵⁴ Иоаким Семёнович Кочтов (1787 – 1854) – протоиерей Петропавловского собора в Петербурге, профессор Петербургской духовной академии, член Российской академии. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 368.)

и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого человека¹⁵⁵, говорят, очень порядочного. Этот приехал к митрополиту, и старый лукавец сказал:

«Я вас рекомендовал государю». Qui est-ce que l'on trompe ici?¹⁵⁶

В публике очень бранят моего Пугачёва, а что хуже – не покупают. Уваров¹⁵⁷ большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении. Его клеветет Дундуков¹⁵⁸ (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтобы я печатал свои произведения с одного согласия государя... Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрин был на посылках¹⁵⁹. Об нём сказали, что он начал тем, что был б... потом нянькой и попал в президенты Академии, как княгиня Дашкова¹⁶⁰. Он крал казённые дрова и до сих пор на нём есть счёты (у него 11 тысяч душ, казённых слесарей употреблял в собственную работу etc, etc). Дашков (министр)¹⁶¹, который прежде был с ним приятель, встретив Жуковского под руку с Уваровым, отвёл его в сторону, говоря: «Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй лёжа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намёк,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского¹⁶² возвратились. Никитенко глупее Бирукова¹⁶³».

¹⁵⁵ Другой – Василий Борисович Бажанов (1800 – 1883), священник, законоучитель Петербургского университета, с 1837 г. член Российской академии наук. (Там само.)

¹⁵⁶ Кто есть кто, какие же лжецы водятся? (Франц.)

¹⁵⁷ Сергей Семёнович Уваров (1786 – 1855) – с 1818 г. президент Академии наук, с 1834 г. – министр народного просвещения, враг Пушкина. В молодости был членом «Арзамаса». (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. С. 709.)

¹⁵⁸ Князь Михаил Александрович Дундуков-Корсаков (1794 – 1869) – попечитель С. – Петербургского учебного округа (при С. С. Уварове – министре народного просвещения), председатель С. – Петербургского цензурного комитета и с 7 марта 1835 г. вице-президент Академии наук (при С. С. Уварове – президенте). (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 368.)

¹⁵⁹ Граф Егор Францевич Канкрин. (Там само.)

¹⁶⁰ Дашкова – княгиня Екатерина Романовна, рождённая графиня Воронцова (1744 – 1810), директор Академии наук и президент Российской академии. Сын её – князь А. А. Дашков. (Там само.)

¹⁶¹ Дашков Дмитрий Васильевич (1784 – 1839), в то время министр юстиции. (Там само.)

¹⁶² Александр Иванович Красовский (1780 – 1857) – цензор, получивший известность, как тупой гаситель всякой живой и свободной мысли. (Там само. С. 364.)

¹⁶³ Александр Степанович Бируков (1772 – 1844) – цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета. (Там само. С. 369.)

СПОГАДИ СУЧАСНИКІВ ПРО ПУШКІНА

Відкриваючи епоху розквіту рідної літератури, геніальний поет привертає чільну увагу своїх сучасників. Коли ж йдеться про таку громадську життєлюбну товариську особу, яким був Олександр Сергійович Пушкін, така увага подвоюється, якщо не помножується. Спогадів про справжнього фундатора російської літератури безліч. Автори пропонованої праці змогли включити до неї лише одиниці.

Ф. Глінка. «Удаление А. С. Пушкина из С. – Петербурга в 1820 году»¹⁶⁴

Відомий декабрист Ф. Глінка¹⁶⁵ свідчить про перше заслання О. С. Пушкіна: «Познакомившись и сойдясь с Пушкиным с самого выпуска его из лицея, я очень любил его как Пушкина и уважал, как в высшей степени талантливую поэта. Кажется, и он это чувствовал и потому позволял мне говорить прямо на насчёт тогдашней его разгульной жизни. Мне даже удалось отвести его от одной дуэли. Но это постороннее: приступаю к делу. Раз утром выхожу я из своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущего мне навстречу¹⁶⁶. Он был, как и всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере, при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и лёгкий оттенок бледности.

– Я к вам.

– А я от себя!

И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первый:

– Я шёл к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) пьесах, разбежавшихся по рукам, дошёл до правительства. Вчера, когда я возвратился домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесёт

¹⁶⁴ Пушкин в воспоминаниях современников. Ленинград, 1950. Стихи Фёдора Николаевича Глинки не раз служили предметом дружеских эпиграмм Пушкина. Значительно выше ценил Пушкин Глинку – видного деятеля «Союза благоденствия», и даже испытывал близость к его политическим взглядам в петербургский период своей жизни (1817 – 1820 гг.). В 1820 г. Глінка смело приветствовал ссыльного Пушкина посланием, которое вызвало ответные стихи Пушкина «Когда средь оргий жизни шумной...». «Покажи их Глинке, – писал Пушкин брату в январе 1823 года, – обними его за меня и скажи ему, что он всё-таки почтеннейший человек здешнего мира». (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. С. 44.)

¹⁶⁵ Фёдор Николаевич Глінка (1786 – 1880) – русский поэт, публицист... Окончил кадетский корпус в 1803 г. В 1805 – 1806 гг. служил в армии, участвовал в сражении при Аустерлице. Первое стихотворение «Глас патриота» опубликовал в 1807 г. Участник Отечественной войны 1812 г., Бородинского сражения и заграничных походов 1813 – 1814 гг., описанных Глинкой в «Письмах русского офицера (1815 – 1816 гг.), которые принесли ему первую литературную известность. Глінка одним из первых вошёл в «Союз спасения», затем в «Союз благоденствия», примкнув к умеренному крылу декабристов. В 1819 – 1825 гг. – председатель Вольного общества любителей российской словесности. В «Полярной звезде» за 1823 г. опубликовал одну из самых известных своих политических элегий «Плач пленённых иудеев». После поражения восстания декабристов уволен в 1826 г. со службы и сослан в Петрозаводск (до 1830 г.), затем жил в Твери, Москве, Петербурге. В ссылке Глінка изучал этнографию и фольклор Карелии, что отразилось в его «карельских» поэмах (1828 – 1830 гг.): «Дева карельских лесов» и «Карелия». Во второй из них А. С. Пушкин отметил «свежесть живописи» при описании северной природы и народного быта. Наиболее значительна гражданская лирика Глинки декабристского периода, его духовные стихи, окрашенные сентиментальными и библейскими мотивами. К этому времени относятся также стихотворения «Тройка» («Вот мчится тройка удалая»), «Узник» («Не слышно шуму городского»), ставшие популярными народными песнями. Известно стихотворение Глинки «Москва» («Город чудный, город древний...», 1841). Пушкин указывал на оригинальность элегических псалмов Глинки и в то же время однообразие мыслей в них. Книга Глинки «Очерки Бородинского сражения» была положительно оценена В. Г. Белинским. С конца 1830-х гг. Глінка сближается с будущими славянофилами, сотрудничает с М. П. Погодиным и С. П. Шевырём в журнале «Москвитянин». Его «Духовные стихотворения» (1839), поэмы «Июль» (1859) и «Таинственная капля» (1861) проникнуты религиозным мистицизмом. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. Стб. 199 – 200.)

¹⁶⁶ Эта встреча состоялась в середине апреля 1820 года.

их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжёг все мои бумаги. При этом рассказе я тотчас узнал Фогеля с его проделками.

Теперь, – продолжал Пушкин, немного озабоченный, – меня требуют к Милорадовичу! Я знаю его по публике, но не знаю, как и что будет и с чего с ним взяться?.. Вот я и шёл посоветоваться с вами...

Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему:

– Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Он не поэт; но в душе и рыцарских его выходках у него много романтизма и поэзии: его не понимают! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности.

Тут, ещё поговорив немного, мы расстались. Пушкин пошёл к Милорадовичу, а мне путь лежал в другое место.

Часа через три явился и я к Милорадовичу, при котором, как при генерал-губернаторе, состоял я, по высочайшему повелению, по особым поручениям, в чине полковника гвардии. Лишь только ступил я на порог кабинета, Милорадович, лежавший на своём зелёном диване, окутанный дорогими шальями, закричал мне навстречу:

– Знаешь, душа моя! (это его поговорка) у меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все бумаги; но я счёл более деликатным (это тоже любимое его выражение) пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! все мои стихи сожжены! – у меня ничего не найдётся на квартире; но если вам угодно, всё найдётся здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу всё, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что моё и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйся!.. Завтра я отвезу её государю. А знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою (это тоже его словцо) обхождения.

После этого мы перешли к очередным делам, а там занялись разговорами о делах графа, о Вороньках (имение в Полтавской губернии), где он выстроил великолепный дом, развёл чудесный сад (он очень любил садоводство) и всем этим хотел пожертвовать в пользу института для бедных девиц Полтавской губернии.

На другой день я постарался прийти к Милорадовичу пораньше и поджидал его возвращения от государя. Он возвратился, и первым словом его было:

– Ну, вот дело Пушкина и решено!

Разоблачившись потом от мундирной формы, он продолжал:

– Я вошёл к государю с своим сокровищем, подал ему тетрадь и сказал: «Здесь всё, что разбрелось в публике, но вам, государь, этого не надо читать!» Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, и наконец спросил: «А что ж ты сделал с автором?» – Я сказал ему от вашего имени прощение. Тут мне показалось, – продолжал Милорадович, – что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, государь с живостью сказал: «Не рано ли?» Потом, ещё подумав, прибавил: «Ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг».

Вот как было дело. Между тем, в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина ссылают. Гнедич¹⁶⁷, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах), бросился к Оле-

¹⁶⁷ Николай Иванович Гнедич (1784 [Полтава] – 1833 [Петербург]) – русский поэт, переводчик. Родился в небогатой дворянской семье. В 1793 г. поступил в Полтавскую духовную семинарию, в 1800 – 1802 гг. учился в Московском университетском пансионе, где сблизился с Дружеским литературным обществом (А. И. Тургеневым, А. Ф. Мерзляковым, А. С. Кайсаровым) и драматургом Н. Н. Сандуновым. Гнедича увлекают тираноборческие и республиканские идеи, творчество молодого Ф. Шиллера. В 1802 г. вышла повесть Гнедича «Мориц, или Жертва мщения», в 1803 г. перевод трагедии Шиллера «Заго-

нину¹⁶⁸; Карамзин, как говорили, к государыне; а незабвенный для меня Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дело исполнялось буквально по решению...¹⁶⁹

Кто таков упомянутый здесь Фогель? Фогель был одним из знаменитейших, современных ему агентов тайной полиции. В чине надворного советника он числился (для вида) по полиции; но действовал отдельно и самостоятельно. Он хорошо говорил по-французски, знал немецкий язык, как немец, говорил и писал по-русски, как русский.

Во время Семёновской истории¹⁷⁰ он много работал и удивлял своими донесениями. Служил он прежде у Вязмитинова¹⁷¹, потом у Балашова¹⁷², и вот один из фактов его искусства в ремесле. В конце 1811 года с весьма секретными бумагами на имя французского посла в Петербурге выехал из Парижа тайный агент. Его перехватили и перевезли прямо в Шлюссельбургские казематы, а коляску его представили к Балашову, по приказанию которого её обыскали, ничего не нашли и поставили рядом с министерскими экипажами. Фогеля послали на разведку. Он разведал и объявил, что есть надежда открыть, если его посадят как преступника рядом с заключённым. Так и сделали. Там, отделённый тонкою перегородкою от номера арестанта, Фогель своими вздохами, жалобами и восклицаниями привлёк внимание француза, вошёл с ним в сношение, выиграл его доверенность и чрез два месяца неволи вызнал всю тайну. Возвратясь в С. – Петербург, Фогель отправился прямо в каретный сарай, снял правое заднее колесо у коляски, велел отодрать шину и из выдолбленного под нею углубления достал все бумаги, которые, как оказавшиеся чрезвычайно важными, поднёс министру. Вот какого полёта была эта птица, носившаяся и над головою Пушкина!»¹⁷³

вор Фиеско»... и роман «Дон Коррадо де Геррера». Переехав в Петербург (1803), Гнедич долгие годы служил в Императорской публичной библиотеке. Гнедич состоял в «Беседе русского слова». Сблизился также с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, К. Н. Батюшковым, И. А. Крыловым, литературным салоном А. Н. Оленина. Им созданы свободолобивое стихотворение «Общежитие» (вольный перевод с французского оды Тома, 1804), антикрепостническое стихотворение «Перуанец к испанцу» (1805), перевод трагедии Вольтера «Танкред» (1810). В основе творчества Гнедича этого периода – идея народности. Исходя из учения просветителей XVIII века Гнедич стремился создать идеал трудового гармоничного человека. Его интересовал исполненный страстей свободолобивый герой. Отсюда интерес к Шекспиру (в 1808 г. Гнедич опубликовал трагедию «Леар» – перевод «Короля Лира»), к поэзии Оссиана и особенно к античному искусству. В героях Гомера Гнедич увидел образы героического народа, в их жизни – идеал патриархального равенства. В 1807 г. Гнедич начал переводить «Илиаду» александрийским стихом, но под влиянием Н. А. Радищева, А. Х. Востокова перешёл на гекзаметр. Гнедич был близок с декабристами: К. Ф. Рылевым, Н. М. Муравьёвым, Ф. Н. Глинкой и др. Для многих поэтов 1820-х гг. и молодого Пушкина Гнедич был литературным авторитетом и союзником. Его роль раскрывается в стихотворных посланиях к нему Пушкина, Е. А. Баратынского, К. Ф. Рылеева. Последний также посвятил ему думу «Державин». Однако Гнедичу был чужд романтический субъективизм декабристов, он выступал за героический эпос, за повествование о героическом народе. Позиция декабристов была революционнее, Гнедича – демократичнее. Пытаясь создать образ современного народа как синтез гомеровской стилистики и русского фольклора, Гнедич написал идиллию «Рыбаки» (1822), перевёл «Простонародные песни нынешних греков» (1825). После поражения декабристов Гнедич писал мало. В 1829 г. он издал полный перевод «Илиады», над которым работал более 20 лет; перевод имел огромное поэтическое и общекультурное значение. Пушкин оценил труд поэта как совершение «...высокого подвига». В. Г. Белинский утверждал: «Перевод «Илиады» – эпоха в нашей литературе, и придёт время, когда «Илиада» Гнедича будет настольною книгою всякого образованного человека». (Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. Стб. 204 – 205.)

¹⁶⁸ А. Н. Оленин (1763 – 1843) – директор Публичной библиотеки в Академии художеств.

¹⁶⁹ Служебное положение Глинки позволяло ему своевременно предупредить Пушкина о правительственных гонениях. Хлопоты влиятельных людей, среди которых были Карамзин, Жуковский, Чаадаев, Гнедич, Энгельгардт, А. И. Тургенев и др., возымели своё действие и смягчили удар. Вместо грозившей ссылки в Сибирь или, по другим данным, заключения в крепость, опальный Пушкин отделался как чиновник министерства иностранных дел переводом в Екатеринослав, где находилась штаб-квартира главного попечителя колонистов южной России генерала И. Н. Инзова. 6 мая 1820 года Пушкин покинул Петербург, направляясь к месту ссылки. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. С. 538.)

¹⁷⁰ Осенью 1820 года в лейб-гвардии Семёновском полку, расквартированном в Петербурге, вспыхнуло восстание, подготовленное будущими декабристами. Волнения имели место и в других частях гвардии. Правительство Александра I жестоко расправилось с зачинщиками и раскассировало Семёновский полк, обновив его состав. (Там само.)

¹⁷¹ С. К. Вязмитинов (1744 – 1819) – граф, петербургский генерал-губернатор. (Там само. С. 579.)

¹⁷² А. Д. Балашов (1770 – 1837) – генерал-адъютант, министр полиции. (Там само. С. 576.)

¹⁷³ Пушкин в воспоминаниях современников. С. 175 – 178.

В. І. Ленин зазначав: «Декабристы разбудили Герцена». Олександр Іванович і став їхнім першим істориком, їх наступником, який 13(1) вересня 1850 р., як завжди, щиро й одверто та принципово писав знаному італійському революціонеру й сучаснику Джузеппе Мадзіні: «Я не сижу сложа руки, у меня ещё слишком много крови в жилах и энергии в сердце, чтобы удовлетвориться ролью страдательного зрителя. С 13 до 38 лет я служил одной идее, был под одним знаменем: война против всякой власти, против всякой неволи, во имя безусловной независимости лица. Я буду продолжать эту маленькую партизанскую войну, как настоящий казак, “auf eigene Faust”¹⁷⁴, как говорят немцы, связанный с великой революционной армией, но не вступаю в правильные кадры её, пока она совсем не преобразуется, т. е. не станет вполне революционной»¹⁷⁵.

Декабристський рух був, очевидно, першим широким антисамодержавним рухом у Росії. «По вычислениям современного исследователя, – пише інший ґрунтовний знавець декабризму Н. Я. Ейдельман, – офіцери – учасники тайних обществ 1825 г., а также офицеры, не входившие в общества, но принимавшие активное участие в вооружённых выступлениях, составляют всего около 0,6 % от всех офицеров и генералов русской армии того времени (169 декабристов на 26 424 офицера и генерала).

Если же исходить из известного Алфавита декабристов, включающего около 600 имён, и принять во внимание десятикратное число «сочувствующих» (о чём не раз толковали и декабристы и их враги) – тогда получится, что в движении была замешана заметная доля взрослого мужского дворянского населения страны».

За життя спадкоємного дворянина О. С. Пушкіна настали часи, коли більшість передових людей Росії почали віддавати собі звіт у тому, що головною перешкодою на шляху вільного розвитку величезної держави є кріпосництво. Геніальний російський поет, як відомо, шанував Петра I й таврував його наступників. «Аристократія после его, – писав Олександр Сергійович, – неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких¹⁷⁶ и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твёрдое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещёнными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III о вольности дворян, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливо должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их за счёт народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать – значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сём отношении Екатерина заслу-

¹⁷⁴ На свой собственный риск (нем.). – Ред.

¹⁷⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954 – 1965. Т. 24. С. 142.

¹⁷⁶ Замыслы Долгоруких – князей Долгоруковых – Василия Лукича, Алексея Григорьевича и его братьев: попытка ограничить самодержавие аристократической конституцией, с верховным советом во главе правительства. Попытка выразилась в составлении «условий, которые подписала Анна Иоанновна при вступлении на престол в 1730 году. Условия «верховников» были уничтожены Анной в результате оппозиции «шляхетства» (среднего дворянства), а Долгоруковы сосланы и имущество их конфисковано. «Условия» были написаны по образцу шведской конституции, но с устранением народного представительства. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. С. 81.)

живает удивление потомства. Её великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало её владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, она возбуждала гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве.

Много было званых и много избранных; но в длинном списке её любимцев, обречённых презрению потомства имя странного Потёмкина будет отмечено рукою потомства. Он разделит с Екатериной часть воинской её славы, ибо ему обязаны мы Чёрным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в северной Турции».¹⁷⁷

Ю. М. Лотман¹⁷⁸ в ряде работ справедливо отмечает, что главным итогом русской культуры XVIII – начала XIX в. было именно формирование нового просвещённого прогрессивного человеческого типа. «Именно эти люди двигают вперёд, живут русское просвещение, учат и учатся в первых университетах, лицеях. Это они – «дети 1812 года», разделившие с солдатами все тяготы двухлетней кампании, увидевшие на Западе многое (по мнению начальства, слишком многое) и ожидающие перемен в собственной стране. Это они – активные читатели Истории Карамзина и ранних стихов Пушкина.

Общественное значение мыслящего меньшинства умножалось разнообразными формами дружеских, литературных, политических объединений, в которых они участвовали (Арзамас, Зелёная лампа, Вольные литературные общества, лицейские, полковые содружества, «артели», масонские ложи, наконец, первые тайные общества). Это были люди той эпохи, о которой Чаадаев позже скажет «время надежд».

Появление на исторической сцене такого яркого, энергичного слоя и для многих современников и для позднейших наблюдателей-исследователей казалось неожиданным, отчасти загадочным.

«Богатыри не вы!» – восклицает лермонтовский герой, противопоставляя сегодняшних – вчерашним; и сам Лермонтов, понятно, согласен, что к людям 1812 – 1825 гг. не применимо его «толпой угрюмою...». Всё, что угодно, только не угрюмость. Девиз той эпохи – в пушкинских строчках:

Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой,
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой...»¹⁷⁹

Ясність у розумінні рушійних сил декабристського руху, його місця й ролі в боротьбі проти самодержавства з'ясував В. І. Ленін, аналізуючи новий, вищий етап революційного руху – першу народну революцію в Росії, що відбулася на самому початку XX століття. «Особенно интересно, – пише він у «Докладе о революции 1905 года», – сравнить военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов в 1825 году. Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время

¹⁷⁷ Бесплодными, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россиею. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале Французской революции, когда Европа не могла обратитъ деятельного внимания на воинские наши предприятия и изнурённая Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот. (Там само. С. 91.)

¹⁷⁸ Юрий Михайлович Лотман (1922 – 1993) – русский советский литературовед и культуролог. В 1950 г. окончил ЛГУ. С 1963 г. – профессор Тартуского университета. Основные работы посвящены истории русской литературы и общественной мысли конца XVIII – начала XIX века и современным проблемам теории литературы. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. Стб. 431.)

¹⁷⁹ М. С. Лунин. Письма из Сибири. М., 1987. С. 303 – 304.

наполеоновских войн. Масса солдат, состоявшая тогда из крепостных крестьян, держалась пассивно»¹⁸⁰.

У цій же доповіді декабристський рух отримав більш розгорнуту характеристику. «В 1825 году, – відзначав В. І. Ленін, – Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами. С того момента и до 1881 года, когда Александр II был убит террористами, во главе движения стояли интеллигенты из среднего сословия. Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно эти жертвы пали не напрасно, несомненно. Они способствовали – прямо или косвенно – последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть»¹⁸¹.

Герцен – історик і наступник революційного декабристського руху

О. І. Герцен був не лише безмежно відданим справі боротьби революціонерів, а їх вдумливим проникливим істориком і наступником декабристського руху. У надрукованому в «Колоколі» циклі статей-листів «Концы и начала» він зазначав: «Казалось бы, что могло зародиться, вырасти, окрепнуть путного на этих грядках между Аракчеевыми¹⁸² и Маниловыми¹⁸³? Что воспитаться этими матерями, брившими лбы, резавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами, подобострастными перед всеми высшими, дикими тиранами со всем низшим? А именно между ними развились люди 14 декабря, фаланга героев, вскормленная, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Оно им пошло впрок! Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рождённых в среде палачества и раболепия. Но кто же их-то душу выжиг огнём очищения, что за непочатая сила оторвалась в них-то самих от своей грязи, он наносного гноя и сделала их мучениками будущего?..»¹⁸⁴

Досвід цих дворянських революціонерів мав стати надбанням всіх громадських сил, що виступали проти царського самодержавства в Росії. Це й стало поштовхом до створення дослідження «О развитии революционных идей в России», виданого німецькою мовою у 1851 р. Значну увагу приділено в ньому діяльності декабристів та її місцю в розвитку вітчизняного революційного руху. Однак, перший переклад цієї праці не був авторизованим, що одразу ж відзначив О. І. Герцен у листі з Парижа московським друзям від 19 червня 1851 року і негайно взявся за виправлення її: «Я напечатал в Ницце небольшую брошюрку о России. Это исправленное издание статей, бывших в журнале Колачека¹⁸⁵ о России, исправленных¹⁸⁶ редакцией и переводчиком»¹⁸⁷. Виправлений твір було видано французькою мовою у 1853 р. «В русском переводе впервые издано в 1863 г., без участия Герцена, в Москве, нелегально, литографским способом, под названием «Историческое развитие революционных идей в России А. Герцена.

¹⁸⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 318.

¹⁸¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 315.

¹⁸² Алексей Андреевич Аракчеев (1769 – 1834) – генерал от кавалерии, временщик при Павле I и Александре I, военный министр в 1808 – 1810 гг., организатор военных поселений. (Там само. С. 484.)

¹⁸³ Манилов – действующее лицо в «Мёртвых душах» Н. В. Гоголя (Там само, с. 501.)

¹⁸⁴ А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 171.

¹⁸⁵ Адольф Колачек (1796 – 1861) – австрийский публицист и политический деятель, член Франкфуртского парламента; в 1850 – 1851 гг. издавал в Штутгарте журнал «Deutsche Monatschrift fur Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», в котором напечатано несколько работ Герцена; в 1851 г. переселился в Париж, а в 1853 г. в Америку. (Там само. С. 554.)

¹⁸⁶ В комментарии к упомянутому исследованию Герцена (Т. 7. С. 412) – испорченных.

¹⁸⁷ А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. С. 183.

Издание первое в переводе. Посвящается студентам Московского университета». М., 1861. Это издание было выпущено московским студенческим кружком П. Г. Заичневского¹⁸⁸ и П. Э. Аргиропуло¹⁸⁹».

Звернемось до російського перекладу останнього, надрукованого в зібранні творів визначного революційного демократа та полум'яного борця з кріпосницькою Росією¹⁹⁰. З семи розділів «небольшой брошюрки» один цілком присвячений декабристському повстанню, ще два – його незаперечному впливу на подальший розвиток історичної епохи.

Місце знакової праці в творчості О. І. Герцена. Його історичні погляди

Зосередимо увагу на характеристиці, складеній дослідниками-літературознавцями щодо книги Олександра Івановича Герцена «О развитии революционных идей в России»: їй «принадлежит особое место в литературном наследстве Герцена. В ней с наибольшей полнотой раскрывается его историческая концепция в том виде, в каком она сложилась к началу 50-х годов. Это сочинение Герцена, целостно и разносторонне освещающая как историю России от древнейших времён до середины XIX века, так и историю развития русского освободительного движения и передовой мысли, занимает исключительно важное место среди произведений русских революционеров-демократов, касающихся тех же вопросов. Подробный анализ развития русской литературы, данный в книге Герцена, ставит её рядом с «Очерками гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского.

Понимание Герценом ряда важных проблем русского исторического процесса, при всех отличиях, находится в глубоком внутреннем сродстве с исторической концепцией Белинского, а также с высказанными позднее взглядами Чернышевского и Добролюбова. Используя своё положение революционного эмигранта, Герцен имел возможность открыто выступить с такими суждениями о русской действительности и её прошлом и настоящем, которые не могли быть выражены в России ни Белинским, ни даже впоследствии Чернышевским, Добролюбовым, их соратниками и единомышленниками.

¹⁸⁸ Пётр Григорьевич Заичневский (1842 – 1896) – русский революционер, основатель якобинского направления в общественном движении пореформенной России. Происходил из среднепоместного дворянства Орловской губернии. В 1858 г. поступил в Московский университет и сразу же стал активным участником студенческого, а затем революционного движения, входил в «Библиотеку казанских студентов». Вместе с П. Аргиропуло организовал революционный кружок, напечатавший ряд нелегальных изданий. Был одним из активных деятелей воскресных школ. Встречался с Н. Г. Чернышевским. Обладая ораторским талантом, в революционных речах на студенческих сходках и собраниях пропагандировал идеи утопического социализма, воспринятые им от А. И. Герцена. Летом 1864 г. выступал перед крестьянами Подольского и Мценского уездов, призывая их к неповиновению властям, к чёрному переделу земель и общественному владению ими. Был арестован. В заключении написал знаменитую прокламацию «Молодая Россия» (май 1862 г.), призывавшую к свержению самодержавия. Правительству не удалось открыть автора прокламации. В 1862 г. Заичневский был приговорён к 2 годам и 8 мес. каторги. В 1869 г. вернулся из Сибири. Несмотря на неоднократные высылки, продолжал пропагандистскую работу. В Орле вокруг Заичневского сгруппировался революционный молодёжный кружок якобинского направления. Последним местом ссылки был Иркутск, где Заичневский сотрудничал в газете «Восточное обозрение». В 1895 г. вернулся в Европейскую Россию. Умер в Смоленске. Заичневский был революционером и социалистом, но главную роль в революции отводил интеллигенции и войску. Не возлагал больших надежд на революционные возможности крестьянства, подчёркивая, что массы «всегда становятся на сторону совершившегося факта». Роль политической власти и захват её занимали большое место во взглядах Заичневского. (Советская историческая энциклопедия. Т. 5. Стб. 596 – 697.)

¹⁸⁹ Перикл Эммануилович Аргиропуло (1839 – 1862) – русский революционер. По национальности – грек. Студент юридического факультета Московского университета. С 1859 г. – участник кружка «Библиотека казанских студентов». В 1860 – 1861 гг. с П. Г. Заичневским создал студенческий кружок, занимавшийся переводами, литографированием и распространением запрещённых книг (Л. Фейербаха, А. И. Герцена, Н. П. Огарёва и др.), устройством воскресных школ. Участвовал в приобретении типографского станка для тайной типографии. Арестован 22 июня 1861 г. Умер до объявления приговора. (Советская историческая энциклопедия. Т. 1. Стб. 714 – 715.)

¹⁹⁰ А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 193 – 206.

Всем этим и определяется большое значение книги Герцена как для изучения его исторической концепции, так и для раскрытия системы исторических взглядов идеологов русской революционной демократии.

Герцен не сводил историю России к истории самодержавно-крепостнического государства, он выдвигал на первый план историю народа, судьбы которого всегда находились в центре его внимания. Говоря о трудностях, преодоленных русским народом в процессе его исторического развития, Герцен показал, что в борьбе с ними закалились и окрепли его силы, складывались такие черты русского национального характера, как свободолюбие, патриотизм, энергия в труде и высокая духовная одаренность.

Освещая основные этапы исторического развития русского народа, Герцен в разрешении некоторых вопросов сумел выдвинуть новые и оригинальные положения, имевшие несомненное научное значение. Так он указывал на выдающееся историческое значение древнерусского государства – Киевской Руси; он справедливо гордился её высокой культурой и проницательно отметил, что русский народ в своём государственном и культурном развитии до монголо-татарского нашествия не уступал западноевропейским народам. Оценивая героическую борьбу русского народа с иноземными завоевателями, Герцен указывал на прогрессивное значение преодоления удельной раздробленности и складывания в процессе этой борьбы единого русского государства. В отличие от Карамзина и позднейших буржуазных историков (Кавелина, Соловьёва), идеализировавших развитие государственности в России и замалчивавших социальные противоречия, Герцен пытался раскрыть сложный и противоречивый характер социально-политического развития России после образования централизованного государства. Он показал различие интересов угнетённых народных масс и закрепощавших их бояр и помещиков, которым активно содействовала великокняжеская власть, с течением времени превратившаяся в самодержавную и всё более враждебную народным массам. Герцен отметил крестьянские движения XVII – XVIII веков, выразивших народный протест против закрепощения.

Значительное внимание уделил Герцен характеристике преобразований в России, связанных с деятельностью Петра I. Оценивая эти преобразования, Герцен по сути дела выступал как против огульного отрицания их значения славянофилами, так и против идеализации западниками-космополитами. Герцен пытался раскрыть исторические предпосылки преобразований Петра I, он указывал на их необходимость и прогрессивное значение, но вместе с тем подчёркивал дальнейшее ухудшение положения народных масс в результате укрепления самодержавно-крепостнического строя на протяжении XVIII века. Герцен подверг резкой критике политику правящих кругов после Петра I, показал противоположность между Россией самодержавно-помещичьей и Россией народной, крестьянской.

Герцен отмечал, что одновременно с нарастанием стихийного возмущения крестьянских масс крепостническим гнётом в России начали зарождаться освободительные идеи в среде дворянской интеллигенции, передовые представители которой постепенно переходили от критики пороков дворянского общества к отрицанию самодержавнокрепостнического строя.

О. I. Герцен – фундатор вивчення декабристського руху

Исходным историческим рубежом в развитии освободительного движения в нашей стране Герцен считал Отечественную войну 1812 г. и порождённый ею подъём национального самосознания.

В оценке истории революционного движения и передовой общественной мысли в России с особой силой выявились новаторство и самостоятельность исторических взглядов Герцена, заложивших научное изучение этих важнейших проблем русской истории. В своей книге Герцен дал развёрнутую характеристику декабристскому движению, он раскрыл его исторические

корни, оценил деятельность и программные требования тайных декабристских организаций, показал историческое значение героических выступлений 14 декабря 1825 г., а также отметил главную причину поражения декабристов, заключающуюся в отсутствии связи у них с народом. Вместе с тем Герцен, оставаясь на позициях дворянской революционности, по-прежнему считал, что основной движущей силой революционного движения является передовая дворянская интеллигенция. Важнейшую задачу развивавшегося освободительного движения в России Герцен видел в установлении прочных связей с народными массами. Соединение стихийных стремлений народа к освобождению от крепостнического гнёта с революционными идеями, выработанными деятелями освободительного движения, Герцен считал решающим условием уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России. Развитие общественной мысли в России после выступления декабристов Герцен рассматривал с точки зрения борьбы за решение этой важнейшей задачи.

Герцен раскрыл сложный процесс роста общественной мысли в России, освоение лучшими её представителями исторического и идейного опыта человечества в интересах разрешения коренных национальных задач. Он показал, как прогрессивная политическая мысль в России и в особенности передовая русская литература всё более полно отражали назревающий протест народных масс против крепостничества и самодержавия.

Герценовская характеристика истории русской литературы находится в органической связи с историко-литературной концепцией Белинского...

Герцен переконливо доводить велику роль провідних російських письменників у поширенні визвольних ідей у суспільстві

Опираясь в своей характеристике развития русской литературы на общую концепцию, намеченную в своё время Белинским, Герцен, однако, впервые смог открыто и отчётливо установить связь русской литературы с революционным движением. Он, в частности, по-новому осмыслил и осветил политическую роль творчества Пушкина и впервые в нашей историографии неразрывно связал автора «Евгения Онегина» и «Истории Пугачёва», с одной стороны, с декабристами, а с другой – с передовой литературой и общественной мыслью 30-х и 40-х годов, с Лермонтовым, Гоголем и Белинским.

Герцен со всей силой подчеркнул значение передовой русской литературы как могучего средства распространения освободительных идей в России. Постоянно углублявшееся в русской литературе изображение действительности и отражение стремлений угнетённого народа определяли, по мнению Герцена, рост её реализма, её творческое своеобразие.

Герцен дал классические по идейной точности и эстетическому чутью характеристики деятельности и творчества виднейших писателей – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, показав их связь с русским освободительным движением, подробно обрисовав в завершающей главе общественно-политическую борьбу в России в 40-х годах.

В то же время в книге отразились и слабые стороны воззрений Герцена. Идеалистическое понимание истории не позволило ему раскрыть глубочайшие экономические и социальные основы русского исторического процесса, подлинную картину классовой борьбы. С этим, например, связана слишком высокая оценка им внешних влияний – варяжского, византийского, монголо-татарского – в историческом развитии России. Древнерусское государство Герцен, в отличие от Чернышевского и Добролюбова, рассматривал как бесклассовое. Герцен несколько переоценивал значение политических факторов в русской истории, в частности, Петра I и других государственных деятелей.

Загальна оцінка книжки «О развитии революционных идей в России»

Система исторических взглядов Герцена с её сильными и слабыми сторонами, отразившаяся в книге «О развитии революционных идей в России», – при всей её оригинальности – в значительной мере опиралась на итоги предшествующего развития исторической мысли в России, прежде всего, на суждения прогрессивных деятелей по вопросам русской истории. Так, например, высказывания Герцена о своеобразии «удельного периода» в истории России, заключающемся в отсутствии феодальных отношений, его оценки татарского ига, борьбы русского народа за национальную независимость, его понимания прогрессивности создания единого русского государства, оценка Герценом преобразований Петра I и Отечественной войны 1812 г. находились, несомненно, в тесной связи с суждениями по этим вопросам Пушкина, декабристов, Белинского. В трактовке вопроса о происхождении крепостного права в России значительное влияние на Герцена оказала, кроме того, книга Н. Тургенева «Россия и русские».

Сила й слабкість історичних поглядів О. І. Герцена

Взгляды Герцена на историю России и перспективы её развития, нашедшие выражение в книге «О развитии революционных идей в России», основывались на деятельном и глубоком изучении им отечественной истории. Но на исторической концепции Герцена отразилась и его теория «русского социализма». Эта утопическая теория получила своё первоначальное обоснование в 1849 г. в статье «La Russie» («Россия» – см. т. VI наст. издания), отрывок из которой, раскрывающий народнические взгляды Герцена, дан им в виде приложения к книге. Крайне переоценив значение сельской общины в русской истории, Герцен неправомерно преувеличивал и своеобразие русского исторического процесса сравнительно с западноевропейским, особенно до реформ XVIII в.

Однако следует учитывать, что при всей ошибочности суждений Герцена о роли общины в русском историческом процессе, доказательство прочности общинных отношений в России было связано у него со стремлением сохранить общину от посягательств помещиков и царского правительства, обосновать право крестьян на обладание землёй, т. е. преследовало цель защиты интересов крестьянства, что подчёркивает демократическую основу этих народнических взглядов Герцена.

В некоторых суждениях и оценках, содержащихся в книге, проявились колебания во взглядах Герцена. Так доверяя демагогической славянофильской критике западноевропейского буржуазного общества, он ошибочно пытался сблизить их воззрения с идеями социализма, вступая в противоречия с собственной оценкой их реакционной идеологии. В своей книге, появившейся на французском и немецком языках, Герцен обращался прежде всего к западноевропейскому читателю, ибо на проникновение сколько-нибудь значительного числа экземпляров в Россию в то время рассчитывать не приходилось. Герцен стремился опровергнуть легенды о положительной роли самодержавия, имевшие известное хождение в реакционных кругах Западной Европы, и дать верное представление о русском народе и русском освободительном движении, значение которого в то время за рубежом грубо недооценивалось...

В книге Герцена заметна переключка с вышедшей в 1849 г. анонимно в Лейпциге брошюрой М. А. Бакунина «Russische Zustände». Герцен ставил эту брошюру очень высоко... Особенно близки были ему народнические идеи книги Бакунина. В комментируемом сочинении Герцен воспользовался данной Бакуниным характеристикой русского сектантства, а также крестьянского патриотического движения в эпоху Отечественной войны 1812 г.

Но в отличие от Бакунина Герцен не придаёт сектантству безусловного революционного значения, допуская, в частности, возможность и того, что оно, к радости царизма, враждебно столкнётся с революционным движением, возглавляемым передовыми людьми.

В то время как Бакунин утверждал, что в 1812 г. «вольные отряды» крестьян «громко заявляли: «Мы завоевали себе волю в бою»... Герцен говорит о всенародном патриотическом характере движения...

В России первыми прочитали книгу немногие представители правящих кругов, высшей придворной знати, имевшие возможность получать без каких-либо цензурных ограничений заграничные издания. С их слов судили о книге и московские друзья Герцена, полагавшие, что книга эта способна вызвать лишь новые правительственные преследования против прогрессивного лагеря, принести последнему только вред. В. П. Боткин дошёл до того, что назвал эту книгу «доносиком»... Таким настроением поддался даже Т. Н. Грановский, охарактеризовав ее в 1851 г. в полном несправедливых упрёков письме Герцену. Примерно так же оценивал книгу в 1853 г. и М. С. Щепкин... Однако в письме, отправленном Герцену в августе 1853 г., Грановский признал ошибочность первоначальной своей оценки, сложившейся «под влиянием толков и сплетен о книге»...

П. Я. Чаадаев благодарил Герцена за упоминание его имени в книге «О развитии революционных идей в России»... Гоголь болезненно переживал критику Герценом его отступничества, как о том свидетельствуют воспоминания современников... Специальным постановлением Комитета иностранной цензуры в октябре 1851 г. французское издание книги Герцена подлежало «безусловному» запрещению в России.

Глубокий интерес возбудила книга Герцена в среде молодой, революционно настроенной интеллигенции, которой она внушала веру в силу русского освободительного движения. Большое значение придавал этой книге Н. А. Добролюбов... Об интересе революционной молодёжи к книге свидетельствует и... литографированное издание её»¹⁹¹.

Отже спочатку – безпосередньо присвячений декабризму та декабристам розділ книги О. І. Герцена.

IV

1812 – 1825

Первая часть петербургского периода закончилась войною 1812 года. До этого времени во главе общественного движения стояло правительство; отныне вместе с ним идёт дворянство. До 1812 года сомневались в силе народа и питали несокрушимую веру во всемогущество правительства: Аустерлиц был далеко, Эйлау принимали за победу, а Тильзит – за славное событие. В 1812 г. неприятель вошёл в Мемель и, пройдя через всю Литву, очутился под Смоленском, этим «ключём» России. Объятый ужасом Александр примчался в Москву молить о помощи дворянство и купечество. Он пригласил их в заброшенный Кремлёвский дворец, чтобы обсудить, как помочь отечеству. Со времён Петра I русские государи не говорили с народом; надо думать, что велика была опасность, если император Александр во дворце, а митрополит Платон в соборе заговорили об угрозе, которая нависла над Россией. Дворяне и купцы протянули руку помощи правительству и выручили его из затруднения. А народ, забытый даже в это время всеобщего несчастья или слишком презираемый, чтобы просить его крови, которую вправе проливать и без его согласия, – народ этот, не дожидаясь призыва, поднимался всей массой за своё собственное дело.

Впервые со времени восшествия на престол Петра I имело место это безмолвное единение всех классов. Крестьяне безропотно вступали в ряды ополчения, дворяне давали каждого десятого из своих крепостных и сами брались за оружие; купцы жертвовали десятую часть своих доходов. Народное волнение охватило всю империю; спустя шесть месяцев после остав-

¹⁹¹ А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 413 – 422.

ления Москвы на границах Азии появились толпы вооружённых людей, спешивших из глубины Сибири на защиту столицы. Весть о её взятии и пожаре потрясла всю Россию, ибо для народа подлинной столицей была Москва. Она искупила, пожертвовала собой усыпляющий царский строй; она вновь поднималась в ореоле славы; сила врага сломилась в её стенах; в Кремле началось отступление завоевателя, которому предстояло закончиться лишь на острове Св. Елены. При первом же пробуждении народа Петербург затмился, а Москва, столица без императора, принеся себя в жертву для общего отечества, приобрела новое значение.

Впрочем, после этого кровавого крещения вся Россия вступила в новую фазу.

Невозможно было сразу перейти от волнений национальной войны, от славной прогулки по всей Европе, от взятия Парижа к мёртвому штилю петербургского деспотизма. Само правительство не могло сразу же вернуться к своим старым замашкам. Александр, тайком от князя Меттерниха, притворялся либералом, высмеивал ультрамонархические проекты Бурбонов и разыгрывал роль конституционного короля Польши¹⁹².

Что же до нищего крестьянина, то он возвратился в свою общину, к своей сохе, к своему рабству. Ничто для него не изменилось, ему не пожаловали никаких льгот в благодарность за победу, купленную его кровью. Александр подготавливал ему в награду чудовищный проект военных поселений.

Вскоре после войны в общественном мнении обнаружилась большая перемена. Гвардейские и армейские офицеры, храбро подставлявшие грудь под неприятельские пули, были уже не так покорны, не так стоворчивы, как прежде. В обществе стали часто проявляться рыцарские чувства чести и личного достоинства, неведомые до сих пор русской аристократии плебейского происхождения, вознесённой над народом милостью государей. В то же время дурное управление, продажность чиновников, полицейский гнёт стали вызывать всеобщий ропот. Было ясно, что правительство, организованное таким образом, не могло, при всей его доброй воле, ограждать от этих злоупотреблений, что нечего было ждать справедливости от богадельни для стариков, которую торжественно именовали правительствующим сенатом, – от этого собрания смиренных невежд, игравшего роль кладовой, куда правительство убирало старых чиновников, не заслуживавших ни быть оставленными в аппарате управления, ни быть оттуда изгнанными. Государственные люди, пользующиеся большим авторитетом, как, например, старик адмирал Мордвинов, говорили вслух о крайней необходимости многих реформ. Сам Александр желал улучшений, но не знал, как приступить к ним. Историк-абсолютист Карамзин и Сперанский, составитель свода законов Николая I, работали по его приказу над проектом конституции¹⁹³.

Люди энергичные и серьёзные не стали ждать окончания этих несбыточных проектов. Они задумали создать большое тайное общество. Это общество должно было заниматься политическим воспитанием молодого поколения, распространять идеи свободы и тщательно изучать сложный вопрос радикальной и полной реформы образа правления в России. Не удовольствовавшись одной лишь теорией, они в то же время организовали своё общество таким образом, чтобы воспользоваться первым удобным случаем и поколебать императорскую власть. Все самые благородные среди русской молодёжи – молодые военные, как Пестель, Фонвизин, Нарышкин, Юшневский, Муравьёв, Орлов, самые любимые литераторы, как Рылеев и Бестужев, потомки самых славных родов, как князь Оболенский, Трубецкой, Одоевский, Вол-

¹⁹² Александр I на Венском конгрессе в 1815 г. заявил о «даровании» Польше конституции, рассчитывая вызвать этим волнения в польских областях, принадлежавших Австрии и Пруссии, с целью воссоединения Польши под своим владычеством. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 427 – 428.)

¹⁹³ М. М. Сперанский подготовил по поручению Александра I проект государственных преобразований – «Введение к уложению государственных законов», представленный им в 1809 г. Этот проект, так же как некоторые реформы, проведенные по инициативе Сперанского, вызвал резкое недовольство дворянства, выражением чего явилась «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина, написанная им в 1811 г. в противовес проекту Сперанского. (Там само. С. 428.)

конский, граф Чернышёв, – поспешили вступить в ряды этой первой фаланги русского освобождения. Вначале общество приняло название «Союза благоденствия».

Как ни странно, но в то самое время, когда эти пылкие молодые люди, полные веры и сил, давали клятву ниспровергнуть петербургский абсолютизм, Александр давал клятву накрепко связать Россию с неограниченными монархиями Европы. Он только что создал знаменитый Священный союз – союз мистический, бесполезный, невозможный, нечто вроде абсолютистского Грютли, Тугендбунда¹⁹⁴, образованного тремя коронованными студентами, среди которых Александр играл роль горячей головы.

Те и другие сдержали клятву: одни – идя умирать за свои идеи на виселицу или на каторгу, а Александр – оставив корону своему брату Николаю.

Десять лет, со времени возвращения войск и до 1825 года, являются апогеем петербургского периода. Россия Петра I чувствовала себя сильной, юной, полной надежд. Она полагала, что свобода может привиться с такою же лёгкостью, как цивилизация, забывая, что цивилизация ещё не проникла дальше поверхности и является достоянием лишь очень незначительного меньшинства. Но меньшинство это действительно обладало таким развитием, что не могло мириться с провизорными условиями царского строя.

Это была первая поистине революционная оппозиция, создававшаяся в России. Оппозиция, встреченная цивилизацией в начале XVIII столетия, была консервативной. И даже та, что её образовали в царствование Екатерины II несколько вельмож, подобно графу Панину, не выходила из круга строго монархических идей: порою она была энергичной, но всегда оставалась покорной и почтительной. Направление умов после 1812 года было совершенно иным. Столкновение между покровителем – деспотизмом и покровительствуемой – цивилизацией стало неминуемым. Первая битва между ними состоялась 14(26) декабря. Победителем остался абсолютизм, показав, какой силой он располагал для причинения зла.

Слово провизорный¹⁹⁵, употреблённое нами применительно к условиям императорского режима, могло показаться странным, но оно хорошо передаёт то характерное, что больше всего поражает при близком рассмотрении действий русского правительства.

Его установление, законы, проекты – всё в нём явно непостоянно, преходяще, лишённое определённости и законченной формы. Это не какое-нибудь консервативное правительство, в духе австрийского, например, потому что ему нечего сохранять, кроме материальной силы и целостности своей территории. Оно дебютировало тираническим разгромом установлений, традиций, нравов, законов и обычаев страны, а продолжает – целым рядом переворотов, не приобретая устойчивости и упорядоченности. Каждое царствование ставит под вопрос большую часть прав и установлений; то, что предписано было вчера, сегодня воспрещается; законы то меняются, то воспрещаются, то упраздняются. Свод законов, изданный Николаем, – лучшее свидетельство отсутствия принципов и единства в императорском законодательстве. Этот свод представляет собою собрание всех существующих законов, это смесь распоряжений, повелений, указов, более или менее противоречивых, которые гораздо лучше выражают характер государя или интересы дня, нежели дух единого законодательства. Основой служат Уложения царя Алексея, а продолжением указы Петра I, проникнутые совсем иной тенденцией; рядом с законом Екатерины в духе Беккариа и Монтескье (?), находишь там суточные приказы Павла I, превосходящие всё нелепое и своевластное, что было в эдиктах римских императоров. Русское правительство, подобно всему, что лишено исторических корней, не только не консерва-

¹⁹⁴ Грютли – швейцарская буржуазно-реформистская организация, основанная в 1838 г. и названная в честь луга в Грютли, где в 1307 г. был заключён союз между тремя кантонами, положивший начало Швейцарской республике. Тугендбунд – политическое общество, возникшее в Пруссии в 1808 г. в период французской оккупации для тайной подготовки отпора. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 428)

¹⁹⁵ 1. Предварительный, предположительный. 2. Временный. (Словарь современного русского языка. Том 11. М. – Л.: 1961. С. 962 – 963.)

тивно, но, совсем напротив, оно до безумия любит нововведения. Оно ничего не оставляет в покое и, если редко что улучшает, зато постоянно изменяет. Такова история непрерывного и беспричинного видоизменения форменной одежды как гражданских, так и военных чинов, – это развлечение обошлось, разумеется, в огромную сумму... Порою в России совершаются целые революции, но это остаётся вовсе неизвестным за границей вследствие недостатка гласности и общей немоты. Так в 1838 году коренным образом было изменено управление всеми сельскими общинами империи. Правительство вмешалось в дела общины, установило двойной полицейский надзор за каждой деревней, начало вводить принудительную организацию полевых работ, обездолило одни общины, обогатив за их счёт другие, наконец, создало для 170 000 000 человек новую форму управления¹⁹⁶, причём даже это событие, чуть ли не достигшее размеров революции, осталось не известным Европе.

Крестьяне, опасаясь кадастра¹⁹⁷ и вмешательства чиновников, которых знали как одетых в мундир привелигированных грабителей, во многих местах взбунтовались. В некоторых уездах Казанской, Вятской и Тамбовской губерний дело дошло до того, что крестьян расстреливали картечью, и новый порядок был сохранён¹⁹⁸.

Подобное положение вещей долго длиться не может, и впервые это почувствовали после 1812 года.

Время для тайного политического общества было выбрано прекрасно во всех отношениях. Литературная пропаганда велась очень деятельно. Душой её был знаменитый Рылеев; он и его друзья придали русской литературе энергию и воодушевление, которыми она никогда не обладала ни раньше, ни позже. То были не только слова, то были дела. Знали, что принято решение, что есть определённая цель и, не заблуждаясь относительно опасности, шли твёрдым шагом, с высоко поднятой головой, к неотвратимой развязке.

У народа, лишённого общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести.

Влияние литературы в подобном обществе приобретает размеры, давно утраченные другими странами Европы. Революционные стихи Рылеева и Пушкина можно найти у молодых людей, в самых отдалённых областях империи. Нет ни одной благовоспитанной барышни, которая бы не знала их наизусть, ни одного офицера, который бы не носил их в своей полевой сумке, ни одного поповича, который не снял бы с них дюжину копий. В последние годы пыл этот значительно охладел, ибо они уже сделали своё дело: целое поколение подверглось этой пылкой юношеской пропаганде.

Заговор с необычайной быстротой распространился в Петербурге, Москве и Малороссии, среди офицеров гвардии и 2-й армии. Полные безразличия, пока у них отсутствует побуждение к действию, русские легко дают себя увлечь. А увлечшись, они идут на все последствия и не ищут какого-либо соглашения.

Со времени Петра I много говорилось о способности русских к подражанию, которое они доводят до смешного. Несколько немецких учёных утверждали, будто славяне вовсе лишены

¹⁹⁶ Герцен имеет в виду законы 1838 – 1841 гг., так называемые реформы графа П. Д. Киселёва, реорганизовавшие управление государственными крестьянами в несколько видоизменённой, но ещё более усиливавшие подчинение крестьянской общины органам чиновничьего управления. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 428)

¹⁹⁷ Имеется в виду опись и оценка земель, установление крестьянских наделов и повинностей, предусмотренных реформой П. Д. Киселёва. (Там само.)

¹⁹⁸ Имеются в виду события в Симбирской губернии, которая, как и ряд других губерний, была по словам отчёта III Отделения, охвачена в 1839 г. «пожарами и восстанием народным»; массовый протест, которым, начиная с 1841 г., государственные крестьяне, в частности в Казанской и Вятской губерниях, ответили на реформу П. Д. Киселёва, на усиление бюрократически-полицейской опеки, некоторые крестьянские восстания, в частности 1843 г., когда крестьяне «под предводительством бессрочно-отпускных и уволенных в отставку нижних чинов с оружием в руках встретили посланные для усмирения их воинские команды и только усиленными отрядами приведены в повиновение». (Крестьянское движение 1827 – 1869 гг. Соцэкгиз, 1931, в. 1, с. 32, 53, 57). (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 429.)

самобытности, будто отличительным их свойством является лишь переимчивость. Славяне действительно обладают большой эластичностью. Выйдя однажды из своей патриотической исключительности, они уже не находят непреодолимого препятствия для понимания других национальностей. Немецкая наука, которая за Рейном, и английская поэзия, которая ухудшается, переправляясь через Па-де-Кале, давно приобрели право гражданства у славян. К этому надо прибавить, что в основе переимчивости славян есть нечто своеобразное, нечто такое, что хотя и поддается внешним влияниям, всё же сохраняет свой собственный характер.

Мы встречаем эту черту русской души и в ходе интересующего нас заговора. Вначале он имел конституционную и либеральную тенденцию в английском смысле. Но стоило этому воззрению получить поддержку, как Союз преобразился: он стал более радикальным, вследствие чего многие его покинули. Ядро заговорщиков стало республиканским и не пожелало более довольствоваться представительной монархией. Они справедливо считали, что если хватит у них силы ограничить самодержавие, то её хватит и на то, чтобы её уничтожить. Главари Южного общества имели в виду республиканскую федерацию славян, они подготавливали революционную диктатуру, которая должна была установить республиканские формы.

Более того, когда полковник Пестель посетил Северное общество, то он там поставил вопрос по-иному. Он полагал, что провозглашение республики ни к чему не приведёт, если не вовлечь в революцию поземельную собственность. Не будем забывать, что дело здесь идёт о событиях, которые произошли между 1817 и 1825 годами. Социальные вопросы никого тогда не занимали в Европе, «безумец и дикарь» Гракх Бабеф был уже забыт, Сен-Симон писал свои трактаты, но никто не читал их, в том же положении был Фурье, не больше интересовались и опытами Оуэна. Самые видные либералы того времени – Бенжамены Констаны, П. Л. Курье – встретили бы негодующими криками предложения Пестеля, – предложения, сделанные не в клубе, членами которого были пролетарии, но перед большим обществом, целиком состоявшим из самых богатых дворян. Пестель предлагал этим дворянам добиваться, пусть даже ценою жизни, экспроприации их собственных имений. С ним не соглашались, его убеждения ниспровергали только что усвоенные принципы политической экономии. Но ему не приписывали желания грабить и убивать: Пестель всё же оставался истинным вождём Южного общества, и весьма вероятно, что в случае успеха он стал бы диктатором, – он, который был социалистом, прежде чем появился социализм.

Пестель не был ни мечтателем, ни утопистом: совсем напротив, он весь принадлежал действительности, он знал дух своей нации. Оставить земли дворянам означало бы создать олигархию; народ даже не понял бы своего освобождения, ибо русский крестьянин хочет быть свободным не иначе, как владея собственной землёй.

Именно Пестель первый задумал привлечь народ к участию в революции. Он соглашался с друзьями, что восстание не может иметь успеха без поддержки армии, но во что бы то ни стало хотел также увлечь за собой раскольников – глубокий замысел, правильность и дальновидность которого докажет будущее.

После всех событий мы можем сказать, что Пестель заблуждался: ни друзья его не могли подготовить социальную революцию, ни народ – участвовать в общем деле с дворянством; но только великим людям дано ошибиться подобным образом, предвосхищая развитие народных масс.

Он ошибался практически, в сроке, теоретически же это было откровением. Он был пророком, а всё общество – огромной школой для нынешнего поколения.

14(26) декабря действительно открыло новую фазу нашего политического воспитания, и – что может оказаться странным – причиной огромного влияния, которое приобрело это дело и которое сказалось на обществе больше, чем пропаганда, и больше, чем теория, – было само восстание, геройское поведение заговорщиков на площади, на суде, в кандалах, перед лицом императора Николая, в сибирских рудниках. Русским недоставало отнюдь не либеральных

стремлений или понимания совершавшихся злоупотреблений: им не доставало случая, который дал бы им смелость инициативы. Теория внушает убеждения, пример определяет образ действий. Подобный пример всего необходимей там, где человек не привык осуществлять свою волю, выступать открыто, полагаться на себя и чувствовать свои силы; где, напротив, он всегда был несовершеннолетним, не имея ни голоса, ни своего мнения, хоронился за общиной, будто за неприступной стеной, и был поглощён государством, как бы затерявшимся в нём. Вместе с цивилизацией, естественно, развивались также идеи свободы, но пассивное недовольство слишком вошло в привычку, – от деспотизма хотели избавиться, но никто не хотел взяться за дело первым.

И вот эти первые пришли, явив такое величие души, такую силу характера, что правительство не посмело в своём официальном донесении ни унижить их, ни заклеить позором; Николай ограничился жестоким наказанием. Безмолвию, немому бездействию был положен конец; с высоты своей виселицы эти люди пробудили душу у нового поколения; повязка спала с глаз.

Не менее решительным было действие заговора 14 декабря на самое правительство; от Петра до Николая правительство высоко держало знамя прогресса и цивилизации; с 1825 года – ничего похожего: власть только о том и думает, как бы замедлить умственное движение; уже не слово «прогресс» пишется на императорском штандарте, а слова «самодержавие, православие и народность» – это *mane, fares, takel* деспотизма¹⁹⁹, причём последние два слова стояли там только для проформы. Религия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие, народ никогда не обманывался насчёт национализма Николая; ярчайшее выражение его царствования: «Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой». Этот дикарский девиз устраняет все недоразумения, именно 14 декабря принудило правительство отбросить лицемерие и открыто провозгласить деспотизм.

Незадолго до мрачного царствования, которое началось на русской, а продолжалось на польской крови²⁰⁰, появился великий русский поэт Пушкин, а появившись, сразу стал необходим, словно русская литература без него не могла обойтись. Читали других поэтов, восторгались ими, но произведения Пушкина – в руках у каждого образованного русского, и он перечитывает их всю свою жизнь. Его поэзия уже не проба пера, не литературный опыт, не упражнение: она – его призвание, и она становится зрелым искусством; образованная часть русской нации обрела в нём впервые дар поэтического слова.

Пушкин как нельзя более национален и в то же время понятен иностранцам. Он редко подделяется под просторечие русских песен, он передаёт свою мысль такой, какой она рождается в нём. Подобно всем великим поэтам он всегда на уровне своего читателя. Он становится величавым, мрачным, грозным, трагичным, стих его шумит, как море, как лес, раскачиваемый бурей, и в то же время он ясен, прозрачен, сверкает, полон жаждой наслаждения и душевных волнений. Русский поэт всегда реален во всём, в нем нет ничего болезненного, ничего от того преувеличенного патологического психологизма, от того абстрактного христианского спиритуализма, которые так часто встречаются у немецких поэтов. Муза его – не бледное создание с расстроенными нервами, закутанное в саван, а пылкая женщина, сияющая здоровьем, слишком богатая подлинными чувствами, чтобы искать поддельных, и достаточно несчастная, чтобы иметь нужду в выдуманных несчастьях. У Пушкина была пантеистическая и эпикурейская натура греческих поэтов, но был в его душе и элемент вполне современный. Углубляясь в себя, он находил в душе горькую думу Байрона, едкую иронию нашего века.

¹⁹⁹ По библейскому преданию, – слова, начертанные огненной рукой во время Валтасарова пира и предвещавшие гибель Валтасару и его державе – Вавилону. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 428.)

²⁰⁰ Имеется в виду расправа с декабристами, ознаменовавшая вступление на престол Николая I, и разгром польского восстания 1830 – 1831 гг. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 428.)

В Пушкине видели подражателя Байрона. Английский поэт действительно оказал большое влияние на русского. Общаясь с сильным и привлекательным человеком, нельзя не испытать его влияния, нельзя не созреть в его лучах. Сочувствие ума, которое мы высоко ценим, даёт нам вдохновение и новую силу, утверждая то, что дорого нашему сердцу.

Но от этой естественной реакции далеко до подражания. После первых своих поэм, в которых очень сильно ощущается влияние Байрона, Пушкин с каждым новым произведением становится всё более оригинальным; всегда глубоко восхищаясь великим английским поэтом, он не стал ни его клиентом, ни паразитом²⁰¹, ни *traduttore*, ни *traditore*²⁰².

К концу своего жизненного пути Пушкин и Байрон совершенно отдаляются друг от друга, и по весьма простой причине: Байрон был до глубины души англичанин, а Пушкин – до глубины души русский, – петербургского периода. Ему были ведомы все страдания цивилизованного человека, но он обладал верой в будущее, которой человек Запада уже лишён. Байрон, великая свободная личность, человек, уединившийся в своей независимости, всё более замыкающийся в своей гордости, в своей надменной, скептической философии, становится все более мрачным и непримиримым. Он не видел перед собой никакого близкого будущего и, удручённый горькими мыслями, полный отвращения к свету, готов связать свою судьбу с племенем славяно-эллинских морских разбойников, которых принимает за греков античных времён. Пушкин, напротив, всё более успокаивается, погружается в изучение русской истории, собирает материалы о Пугачёве, создаёт историческую драму «Борис Годунов», – он обладает инстинктивной верой в будущность России; в душе его звучали торжествующие, победные клики, поразившие его ещё в детстве, в 1813 и 1814 годах; одно время он даже увлекался петербургским патриотизмом, который похвалается количеством штыков и опирается на пушки. Эта спесь, конечно, столь же мало извинительна, как и доведенный до крайности аристократизм лорда Байрона, однако причина её не ясна. Грустно сознаться, но патриотизм Пушкина был узким; среди великих поэтов встречались царедворцы, свидетельством тому Гёте, Расин и др.; Пушкин не был ни царедворцем, ни сторонником правительства, но грубая сила государства льстила его патриотическому инстинкту, вот почему он разделял варварское желание отвечать на возражения ядрами. Россия – отчасти раба и потому, что она находит поэзию в материальной силе и видит славу в том, чтобы быть пугалом народов.

Те, кто говорит, что пушкинский «Онегин» – это русский «Дон Жуан», не понимают ни Байрона, ни Пушкина, ни Англии, ни России: они судят по формальным признакам. «Онегин» – самое значительное творение Пушкина, поглотившее половину его жизни. Возникновение этой поэмы относится именно к тому периоду, который нас занимает, она созрела под влиянием печальных лет, последовавших за 14 декабря. И кто же поверит, что подобное произведение, поэтическая автобиография, может быть простым подражанием?

Онегин – это ни Гамлет, ни Фауст, ни Манфред, ни Оберман, ни Тренмор, ни Карл Моор; Онегин – русский, он возможен лишь в России; там он необходим, и там его встречаешь на каждом шагу. Онегин – человек праздный, потому что он никогда и ничем не был занят; это лишний человек в той среде, где он находится, не обладая нужной силой характера, чтобы вырваться из неё. Это человек, который испытывает жизнь вплоть до самой смерти и который хотел бы отведать смерти, чтобы увидеть, не лучше ли она жизни. Он всё начинал, но ничего не доводил до конца. Он тем больше размышлял, чем меньше делал, в двадцать лет он старик, а к старости он молодеет благодаря любви. Как и все мы, он постоянно ждал чего-то, ибо человек не так безумен, чтобы верить в длительность настоящего положения в России... Ничто не пришло, а жизнь уходила. Образ Онегина настолько национален, что встречается во всех

²⁰¹ Эти слова даются в буквальном переводе с французского. Слово «клиент» Герцен употребляет в том его смысле, который оно имело в древнем Риме – человек, зависимый от патрона, покровительствуемый им. (Там само.)

²⁰² Ни переводчиком, ни предателем (итал.). – Ред.

романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и не потому, что хотели копировать его, а потому, что его постоянно находишь возле себя или в себе самом.

Чацкий, герой знаменитой комедии Грибоедова – это Онегин-резонёр, старший его брат.

Герой нашего времени Лермонтова – его младший брат. Онегин появляется даже во второстепенных сочинениях; утрировано ли он изображён – его всегда легко узнать. Если это не он сам, то, по крайней мере, его двойник. Молодой путешественник в «Тарантасе» гр. Соллогуба²⁰³ – ограниченный и дурно воспитанный Онегин. Дело в том, что все мы в большей или меньшей степени Онегины, если только не предпочитаем быть чиновниками или помещиками.

Цивилизация нас губит, сбивает нас с пути; именно она делает нас – бездельных, бесполезных, капризных. В тягость другим и самим себе, заставляет переходить от чудачества к разгулу, без сожаления растрчивать наше состояние, наше сердце, нашу юность в поисках занятий, ощущений, развлечений. Подобно тем ахенским собакам у Гейне, которые, как милости, просят у прохожих пинка, чтобы разогнать скуку²⁰⁴. Мы занимаемся всем: музыкой, философией, любовью, военным искусством, мистицизмом, чтобы только рассеяться, чтобы забыть об угнетающей нас огромной пустоте.

Цивилизация и рабство – даже без всякого лоскутка между ними, который помешал бы раздробить нас физически или духовно меж этими двумя насильственно сближенными крайностями!

Нам дают широкое образование, нам прививают желания, стремления, страдания современного мира, а потом кричат: «Оставайтесь рабами, немыми и пассивными, иначе вы погибли». В возмещение за нами сохраняется право драть шкуру с крестьянина и проматывать за зелёным сукном или в кабаке ту подать крови и слёз, которую мы с него взимаем.

Молодой человек не находит ни малейшего живого материала в этой игре низкопоклонства и мелкого честолюбия. И однако именно в этом обществе он осуждён жить, ибо народ ещё более далёк от него. «Этот свет» хотя бы состоит из падших существ одной с ним породы, тогда как между ним и народом ничего нет общего. Пётр I так разорвал все традиции, что никакая сила человеческая не соединит их – по крайней мере, в настоящее время. Остаётся одиночество или борьба, но у нас не хватает нравственной силы ни на то, ни на другое. Таким-то образом и становятся Онегины, если только не погибают в домах терпимости или в казематах какой-нибудь крепости.

Мы похитили цивилизацию, и Юпитер с той же яростью пожелал наказать нас, с какой он терзал Прометея.

Рядом с Онегиным Пушкин поставил Владимира Ленского, другую жертву русской жизни, *vice versa*²⁰⁵ Онегина. Это – острое страдание рядом с хроническим. Это одна из тех целомудренных чистых натур, которые не могут акклиматизироваться в развращённой и безумной среде, – приняв жизнь, они больше ничего не могут принять от этой нечистой почвы, разве только смерть. Эти отроки – искупительные жертвы – юные, бледные, с печатью рока на челе, проходят, как упрёк, как угрызения совести, и печальная ночь, в которой «мы движемся и пребываем», становится ещё чернее.

Пушкин обрисовал характер Ленского с той нежностью, которую испытывает человек к грёзам своей юности, к воспоминаниям о временах, когда он был так полон надежды, чистоты поведения. Ленский – последний крик совести Онегина, ибо это он сам, это его юношеский идеал. Поэт видел, что такому человеку нечего делать в России, и он убил его рукою Онегина – Онегина, который любил его и, целясь в него, не хотел ранить. Пушкин сам испугался этого

²⁰³ Иван Васильевич, персонаж повести В. А. Соллогуба. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 428)

²⁰⁴ Имеется в виду поэма Г. Гейне «Германия», глава III. (Там само.)

²⁰⁵ Другую сторону (лат.). – Ред.

трагического конца; он спешит утешить читателя, рисуя ему пошлую жизнь, которая ожидала бы молодого поэта.

Рядом с Пушкиным стоит другой Ленский – то Веневитинов, правдивая поэтическая душа, сломленная в свои двадцать два года грубыми руками русской действительности.

Между этими двумя типами, между самоотверженным энтузиастом-поэтом и человеком усталым, озлобленным, лишним, между могилой Ленского и скукой Онегина медленно течёт глубокая и грязная река цивилизованной России, с её аристократами, бюрократами, офицерами, жандармами, великими князьями и императором, – бесформенная и безгласная масса низости, жестокости и раболепства, жестокости и зависти, увлекающая и поглощающая всё, «сей омут, – как говорит Пушкин, – где мы с вами купаемся, дорогой читатель»²⁰⁶.

Пушкин дебютировал великолепными революционными стихами. Александр выслал его из Петербурга к южным границам империи, и, новый Овидий, он провёл часть своей жизни от 1819 до 1825 года в Херсонесе Таврическом. Разлученный с друзьями, вдали от политической жизни, среди роскошной, но дикой природы, Пушкин, поэт прежде всего, весь ушёл в свой лиризм; его лирические стихи – это фазы его жизни, биография его души; в них находишь следы всего, что волновало эту пламенную душу: истину и заблуждение, мимолётное увлечение и глубокие неизменные симпатии.

Николай вернул Пушкина из ссылки через несколько дней после того, как были повешены по его приказу герои 14 декабря. Своею милостью он хотел погубить его в общественном мнении, а знаками своего расположения – покорить его.

Возвратившись, Пушкин не узнал ни московского общества, ни петербургского. Друзей своих он уже не нашёл, даже имена их не осмеливались произносить вслух; только и говорили, что об арестах, обысках, ссылке; всё было мрачно и объято ужасом. Он встретился мельком с Мицкевичем, другим славянским поэтом; они протянули друг другу руки, как на кладбище. Над их головами грохотала гроза. Пушкин возвратился из ссылки, Мицкевич отправлялся в ссылку²⁰⁷. Их встреча была горестной, но они не поняли друг друга. Курс, прочитанный Мицкевичем в *College de France*²⁰⁸, обнаруживал существование между ними разногласий: для русского и поляка время взаимного понимания ещё не наступило.

Продолжая комедию, Николай произвёл Пушкина в камер-юнкеры. Тот понял этот ход и не явился ко двору. Тогда ему предложили на выбор: ехать на Кавказ или надеть придворный мундир. Он уже был женат на женщине, которая позже стала причиной его гибели, и вторичная ссылка ему казалась теперь ещё более тяжкою, чем первая; он выбрал двор. В этом недостатке гордости и сопротивления, в этой странной податливости узнаёшь дурную сторону русского характера.

Как-то великий князь-наследник поздравил Пушкина с производством: «Ваше высочество, – ответил ему тот, – вы первый поздравляете меня по этому случаю»²⁰⁹.

В 1837 г. Пушкин был убит на дуэли одним из чужеземных наёмных убийц, которые подобно наёмникам средневековья или швейцарцам наших дней, готовы предложить свою шпагу к услугам любого деспотизма. Он пал в расцвете сил, не допев своих песен и не досказав того, что мог бы сказать.

²⁰⁶ Неточная цитата из «Евгения Онегина» (глава VI, строфа XVI).

²⁰⁷ Пушкин познакомился с Адамом Мицкевичем в сентябре 1826 г. по приезде в Москву из Михайловского, где находился в ссылке. Мицкевич, будучи выслан из пределов Польши, жил в России в 1824 – 1829 гг. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 428.)

²⁰⁸ Курс истории славянских литератур Мицкевич читал в *College de France* в 1840 – 1844 гг. (см. отзыв Герцена о лекциях Мицкевича в «Дневнике», записи от 12 и 17 февраля 1844 г.) (Там само. С. 429.)

²⁰⁹ С производством в камер-юнкеры поздравил Пушкина не наследник, а великий князь Михаил Павлович; ответ Пушкина приведен Герценом неточно (см. в дневнике Пушкина запись от 7 января 1834 г.). (Там само.)

За исключением двора с его окружением, весь Петербург оплакивал Пушкина; только тогда стало видно, какую популярность он пользовался. Когда он умирал, плотная толпа теснилась около его дома в ожидании известий о здоровье поэта. Это происходило в двух шагах от Зимнего дворца, и император мог наблюдать из своих окон толпу; он проникся чувством ревности и лишил народ права похоронить своего поэта; морозной ночью тело Пушкина, окружённое жандармами и полицейскими, тайком переправили в церковь чужого прихода, там священник поспешно отслужил по нём панихиду, и сани увезли тело поэта в монастырь, в Псковскую губернию, где находилось его имение. Когда обманутая таким образом толпа бросилась к церкви, где отпевали покойного, снег уже замёл всякий след погребального шествия.

Ужасный, скорбный удел уготован у нас каждому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин мыслитель – всех их толкает в могилу неумолимый рок. История нашей литературы – это или мартиролог, или реестр каторги. Погибают даже те, которых пощадило правительство – едва успев расцвести, они спешат расстаться с жизнью.

La sotto giorni brevi e nebulosi
Nasce una gente a cui il morir non duole²¹⁰.

Рылеев повешен Николаем.

Пушкин убит на дуэли, тридцати восьми лет.

Грибоедов предательски убит в Тегеране.

Лермонтов убит на дуэли, тридцати лет, на Кавказе.

Веневитинов убит обществом, двадцати двух лет.

Кольцов убит своей семьёй, тридцати трёх лет.

Белинский убит, тридцати пяти лет, голодом и нищетой.

Полежаев умер в военном госпитале, после восьми лет принудительной солдатской службы на Кавказе.

Баратынский умер после двенадцатилетней ссылки²¹¹.

Бестужев погиб на Кавказе совсем ещё молодым, после сибирской каторги...

«Горе народам, которые побивают камнями своих пророков!» – говорит Писание²¹².

Но русскому народу нечего бояться, ибо ничем уже не ухудшить несчастной его судьбы».

Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года

Глибокий, щирый та назвичайно чуйний Герцен всім своїм еством відчував зміни, які відбулися в напруженому й складному громадсько-політичному житті Росії після відкритого виступу декабристів проти царського самодержавства. Цим історичним процесам Олександр Іванович присвятив окремих – п'ятих – розділ свого піонерського дослідження.

«Двадцать пять лет, которые следуют за 14 (26) декабря, труднее характеризовать, нежели весь истекший период со времени Петра I. Два противоположных течения, – одно на поверхности, а другое в глубине, где его едва можно различить, – приводят в замешательство наблю-

²¹⁰ Там, под облачным небом, где краток день, рождается племя, которому умирать не жалко (итал.). – Ред. Герцен несколько неточно цитирует два стиха канцоны Петрарки из цикла «Сонеты и канцоны на жизнь мадонны Лауры», пропуская среднюю строку «Nemica naturalmente di rase». Эти же два стиха использует Пушкин в качестве эпиграфа к шестой главе «Евгения Онегина». (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 429.)

²¹¹ Герцен допускает тут ряд фактических неточностей.

²¹² Видимо, имеется в виду евангельское сказание о гонениях, которым подверглись посланные в Иерусалим «пророки, и мудрые, и книжники» (Евангелие от Матфея, глава 23; от Луки, глава 13). (Там само.)

дателя. С виду Россия продолжала стоять на месте, даже, казалось, шла назад, но, в сущности, всё принимало новый облик, вопросы становились всё сложнее, а решения менее простыми.

На поверхности официальной России, «фасадной империи», видны были только потери, жестокая реакция, бесчеловечные преследования, усиление деспотизма. В окружении посредственностей, солдат для парадов, балтийских немцев и диких консерваторов, виден был Николай, подозрительный, холодный, упрямый, безжалостный, лишённый величия души, – такая же посредственность, как и те, что его окружали. Сразу же под ним располагалось высшее общество, которое при первом ударе грома, разразившемся над его головой после 14 декабря, растеряло слабо усвоенные понятия о чести и достоинстве. Русская аристократия уже не оправилась в царствование Николая, пора её цветения прошла; всё, что было в ней благородного и великодушного, томилось в рудниках или в Сибири. А то, что осталось или пользовалось расположением властелина, докатилось до той степени глупости или раболепия, которая известна нам по картине этих нравов, нарисованной Кюстином.

Затем следовали гвардейские офицеры, – прежде блестящие и образованные, они всё больше превращались в отупелых унтеров. До 1825 года все, кто носил штатское платье, признавали превосходство эполет. Чтобы слыть светским человеком, надо было прослужить года два в гвардии или хотя бы в кавалерии. Офицеры являлись душою общества, героями праздников, балов, и, говоря правду, это предпочтение имело свои основания. Военные были более независимы и держались более достойно, чем пресмыкающиеся, трусливые чиновники. Обстоятельства изменились, и гвардия разделила судьбу аристократии; лучшие из офицеров были сосланы, многие оставили службу, не в силах выносить грубый и наглый тон, введенный Николаем. Освободившиеся места поспешно заполнялись усердными служаками или столпами казармы и манежа. Офицеры упали в глазах общества, победил фрак, – мундир преобладал лишь в провинциальных городишках да при дворе – этой первой гауптвахте империи. Члены императорской фамилии, как и её глава, выказывают военным подчёркнутое и недопустимое для царских особ предпочтение. Холодность публики к мундиру всё же не доходила до того, чтобы допускать гражданских чиновников в общество. Даже в провинции к ним испытывали неотвратимое отвращение, что отнюдь не помешало росту влияния бюрократии. После 1825 года вся администрация, ранее аристократическая и невежественная, стала мелочной и искусной в крючкотворстве. Министерства превратились в конторы, их главы и высшие чиновники стали дельцами или писарями. По отношению к гражданской службе они являлись тем же, чем тупые служаки по отношению к гвардии. Большие знатоки всевозможных формальностей, холодные и нерассуждающие исполнители приказов свыше, они были преданы правительству из любви к лихоимству. Николаю нужны были такие офицеры и такие администраторы.

Казарма и канцелярия стали главной опорой николаевской политической науки. Слепая и лишённая здравого смысла дисциплина в сочетании с бездушным формализмом австрийских налоговых чиновников – таковы пружины знаменитого механизма сильной власти в России. Какая скудость правительственной мысли, какая проза самодержавия, какая жалкая пошлость! Это самая простая и самая грубая форма деспотизма.

Добавим к сему и графа Бенкендорфа, шефа корпуса жандармов – этой вооружённой инквизиции, полицейского масонства, имевшего во всех уголках империи, от Риги до Нерчинска, своих братьев, слушающих и подслушивающих, – начальника III Отделения канцелярии его величества (так именуется центральная контора шпионажа), который судит всё, отменяет решения судов, вмешивается во всё, а особенно в дела политических преступников. Время от времени перед лицо этого судилища-конторы приводили цивилизацию под видом какого-либо литератора или студента, которого ссылали или запирали в крепость, и на месте которого вскоре появлялся другой.

Словом, официальная Россия внушала только отчаянье: здесь – Польша, рассеянная во все стороны и терзаемая с чудовищным упорством; там – безумие войны, длящейся всё время

царствования, поглощающей целые армии, не продвигая ни на шаг завоевание Кавказа; в центре – всеобщее опошление и бездарность правительства.

Зато внутри государства совершалась великая работа, – работа глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная; всюду росло недовольство, революционные идеи за эти двадцать пять лет распространились шире, чем за всё предшествующее столетие, и тем не менее, в народ они не проникли.

Русский народ продолжал держаться вдали от политической жизни, да и не было у него оснований принимать участие в работе, происходившей в других слоях нации. Долгие страдания обязывают к своеобразному чувству достоинства; русский народ слишком много выстрадал и поэтому не имел права волноваться из-за ничтожного улучшения своей участи, – лучше попросту остаться нищим в лохмотьях, чем переодеться в заштопанный фрак. Но если он и не принимал никакого участия в идейном движении, охватившем другие классы, это отнюдь не означает, что ничего не произошло в его душе. Русский народ дышит тяжелее, чем прежде, глядит печальней; несправедливость крепостничества и грабёж чиновников становятся для него всё невыносимей. Правительство нарушило спокойствие общины принудительной организацией работ; с учреждением в деревне сельской полиции (становых приставов), досуг крестьян был урезан и взят под надзор в самой его избе. Значительно увеличилось число дел против поджигателей, участились убийства помещиков, крестьянские бунты. Огромное раскольничье население ропщет; эксплуатируемое и угнетаемое население духовенством и полицией, весьма далеко, чтобы сплотиться, но порой и в этих мёртвых, недоступных для нас морях слышится смутный гул, предвещающий ужасные бури. Недовольство русского народа, о котором мы говорим не способен уловить поверхностный взгляд. Россия кажется всегда спокойной, что трудно поверить, будто в ней может что-либо происходить. Мало кто знает, что делается под тем саваном, которым правительство прикрывает трупы, кровавые пятна, экзекуции, лицемерно и надменно заявляя, что под этим саваном нет ни трупов, ни крови. Что знаем мы о поджигателях из Симбирска, о резне помещиков, устроенной крестьянами одновременно в ряде имений? Что знаем мы о местных бунтах, вспыхнувших в связи с новым управлением, которое ввёл Киселёв? Что знаем мы о казанских, вятских, тамбовских восстаниях, когда власти прибегли к пушкам?..

Умственная работа, упомянутая нами, совершалась не на вершине государства, не у его основания, но между ними, т. е. главным образом, среди мелкого и среднего дворянства. Факты, которые мы приведём, казалось бы, не имеют большого значения, но не надо забывать, что пропаганда, как и всякое воспитание, лишена внешнего блеска, в особенности, когда она даже не осмеливается показаться при свете дня.

Влияние литературы заметно усиливается и проникает гораздо далее, чем прежде; она не изменяет своему призванию и сохраняет либеральный и просветительский характер, насколько это удаётся ей при цензуре.

Жажда образования овладевает всем новым поколением, гражданские ли школы или военные, гимназии, лицеи, академии переполнены учащимися; дети самых бедных родителей стремятся в различные институты. Правительство, которое ещё в 1804 году приманивало детей в школы разными привилегиями, теперь всеми способами сдерживает их прилив; создаются трудности при поступлении, при экзаменах; учеников облагают платой; министр народного просвещения издаёт приказ, ограничивающий право крепостных на образование. Тем не менее, Московский университет становится храмом русской цивилизации; император его ненавидит, сердится на него, ежегодно отправляет в ссылку целую партию его воспитанников и, приезжая в Москву, не устаивает его своим посещением, но университет процветает, влияние его растёт; будучи на плохом счету, он не ждёт ничего, продолжает свою работу и становится подлинной силой. Цвет молодёжи из соседних с Москвой губерний направляется в её

университет, и каждый год фаланга закончивших курс рассеивается по всему государству в качестве чиновников, врачей или учителей.

В недрах губерний, а главным образом, в Москве, заметно увеличивается прослойка независимых людей, которые, отказавшись от государственной службы, сами управляют своими имениями, занимаются наукой, литературой; если они и просят о чём-либо правительство, то разве только оставить их в покое. То была полная противоположность петербургскому дворянству, связанному с государственной службой, двором и снедаемому низким честолюбием, уповая во всём на правительство, он жило его милостями.

Не домогаться ничего, беречь свою независимость, не искать места – всё это, при деспотическом режиме, называется быть в оппозиции. Правительство косилось на этих праздных людей и было ими недовольно. Действительно, они представляли собой ядро людей образованных, дурно относящихся к петербургскому режиму. Одни из них жили целые годы за границей, привозя оттуда либеральные идеи; другие приезжали на несколько месяцев в Москву, остальную же часть года сидели взаперти в своих поместьях, где читали всё, что выходило нового, и были хорошо осведомлены об умственном движении в Европе. Среди провинциального дворянства чтение стало модою. Люди хвастались тем, что у них есть библиотека, и выписывали на худой конец новые французские романы, «*Journal des Debats*» и «Аугсбургскую газету»; иметь у себя запрещённые книги считалось образцом хорошего тона. Я не знаю ни одного приличного тома, где бы не нашлось сочинения Кюстина о России²¹³, которое было запрещёно специальным приказом Николая. Молодёжь, лишённая участия в какой бы то ни было деятельности, находившаяся под вечной угрозой тайной полиции, с тем большей горячностью увлекалась чтением. Сумма идей, бывших в обращении, всё возрастала.

Каковы же были эти новые мысли и тенденции, появившиеся после 14 декабря?²¹⁴

Первые годы, последовавшие за 1825-м, были ужасны. Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своём горестном положении порабождённого и гонимого существа. Людями овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей. Не было почти ни одной аристократической семьи, которая не имела бы близких родственников в числе сосланных, и почти ни одна не осмелилась надеть траур или выказать свою скорбь. Когда же отворачивались от этого печального зрелища холопства, когда погружались в размышления, чтобы найти какое-либо указание или надежду, то сталкивались с ужасной мыслью, леденящей сердце.

Невозможны уже были никакие иллюзии: народ остался безучастным зрителем 14 декабря. Каждый сознательный человек видел страшные последствия полного разрыва между Россией национальной и Россией европеизированной. Всякая живая связь между обоими лагерями была оборвана, её надлежало восстановить, но каким образом? В этомто и состоял великий вопрос. Одни полагали, что нельзя ничего достигнуть, оставив Россию на буксире у Европы; они возлагали свои надежды не на будущее, а на возврат к прошлому. Другие видели в будущем лишь несчастье и разорение, они проклинали убудочную цивилизацию и безразличный ко всему народ. Глубокая печаль овладела душою всех мыслящих людей.

²¹³ Книга Кюстина – *La Russie en 1839. Par le marquis de Custine*. Т. 1 – 4. Paris, 1843. О ней запрещалось упоминать в печати; книгопродавцам было предложено отослать за границу выписанные экземпляры. Но нелегальными путями книга Кюстина широко распространилась в России. О впечатлении, произведённом на Герцена книгой Кюстина, см. в Дневнике за 1843 г. (т. II наст. изд., с. 311 – 313, 315, 340). А также в статье Герцена «Россия». (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 429.)

²¹⁴ Примітка О. І. Герцена: Не без некоторого страха приступаю я к этой части моего обозрения. Читатель поймёт, что у меня нет возможности всё сказать, а во многих случаях – и назвать имена людей; чтобы говорить о каком-нибудь русском, надо знать, что он в могиле или в Сибири. И лишь по зрелом размышлении решился я на эту публикацию; молчание служит поддержкой деспотизму, то, о чём не осмеливаешься сказать, существует лишь наполовину. (Там само, с. 214.)

Только звонкая и широкая песнь Пушкина создавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далёкое будущее. Поэзия Пушкина была залогом и утешением. Поэты, живущие во времена безнадёжности и упадка, не слагают своих песен – они нисколько не подходят к похоронам.

Вдохновение Пушкина его не обмануло. Кровь, прихлынувшая к сердцу, поражённому ужасом, не могла там остановиться, скоро она дала о себе знать вовне.

Уже появился публицист, мужественно возвысивший свой голос, чтобы объединить боязливых. Этот человек, проживший всю свою молодость на родине, в Сибири, занимаясь торговлей, которая быстро ему наскучила, пристрастился к чтению. Лишённый всякого образования, он самостоятельно изучил французский и немецкий языки и приехал жить в Москву. Тут, без сотрудников, без знакомств, без имени в литературе, он задумал издавать ежемесячный журнал. Вскоре он изумил читателей энциклопедическим разнообразием своих статей. Он смело писал о юриспруденции и музыке, о медицине и санскритском языке. Одной из его специальностей была русская история, что не мешало ему писать рассказы, романы и, наконец, критические статьи, которыми он скоро приобрёл большую известность.

Тщетно искать в писаниях Полевого²¹⁵ большой эрудиции, философской глубины, но он умел в каждом вопросе выделить его гуманистическую сторону; его симпатии были либеральными. Его журнал «Московский телеграф» пользовался большим влиянием, мы тем более должны признать его заслугу, что печатался он в самые мрачные времена. Что можно было писать назавтра после восстания, накануне казней? Положение Полевого было очень трудным. В эту эпоху писали мало: половина литераторов была в ссылке, другая – хранила молчание.

²¹⁵ Николай Алексеевич Полевой (1796, Иркутск – 1856, Петербург) – русский писатель, журналист, историк, переводчик. Родился в семье купца, систематического образования не получил. Изучал французский, немецкий и древние языки. На литературном поприще выступил в 1817 г. В 1820 г. переехал в Москву. С 1825 г. издавал журнал «Московский телеграф», закрытый правительством в 1834 г. Один из первых буржуазных идеологов в России, Полевой оставался сторонником монархической власти и не выходил за пределы либерально-реформистской критики дворянского общества. Но в условиях политической реакции 1830-х гг. деятельность Полевого играла демократическую роль и расценивалась в высших цензурно-полицейских кругах как «якобинство». С 1836 г. Полевой, переехав в Петербург, взял на себя по договору с А. Ф. Смирдиным негласную редакцию «Сына отечества» и «Северной пчелы» (под контролем В. Ф. Булгарина и Н. И. Греча). В 1841 – 1842 гг. безуспешно пытался оживить «Русский вестник». Основной проблемой художественных произведений Полевого являлся вопрос о месте русского буржуа в дворянском обществе. Любимый герой Полевого – представитель третьего сословия, наделённый лучшими с точки зрения автора качествами (религиозностью и твёрдой нравственностью), но недовольный узостью интересов и культурной отсталостью своей среды... конфликт героя с обществом кончается обычно трагически и выражен в романтической форме столкновения «мечты» и «существенности». Полевой патетически изображает переживания героя, утрирует его язык. Представители аристократического общества изображаются как безнравственные эгоисты, люди внешнего блеска и фальшивой культуры. Им противостоит патриархальная простота и нравственная нетронутость носителей буржуазной идеологии... После репрессий, постигших Полевого в 1834 г. и лишивших его журнальной трибуны, прямые его нападки на дворянство уменьшились, но он ещё больше подчёркивал нравственную доблесть и патриотизм купечества... В 1837 г. Полевой перевёл «Гамлета» У. Шекспира. Произведения Полевого, пользовавшиеся успехом, были скоро забыты. В. Г. Белинский, хваливший его повести в 1830-е гг., резко отрицательно характеризовал их в 1840-е гг. с позиций реализма... Выступая против эстетики классицизма, Полевой, в противовес ей, выдвигал принцип исторической оценки искусства как органического воплощения национального самосознания в определённых «условиях жизни в обществе». Полевой противопоставлял классицизму романтизм, как течение народное, выявляющее национальную самобытность. Характерно одобрительное отношение Полевого к В. Гюго. Демократическое понимание романтизма Полевой проводил в критических статьях, которые были для своего времени выдающимся явлением в русской критике. Литературные взгляды Полевого связаны с его историческими воззрениями, на которые повлияли французские историки Ф. Гизо и О. Тьерри. Полевой выступил против аристократической концепции «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Само название основного исторического труда Полевого – «История русского народа» (т. 1 – 6, 1829 – 1833) – было полемически направлено против Карамзина. В публицистических выступлениях Полевой защищал интересы русской национальной культуры, торговли и промышленности. Печатал переводы иностранных авторов... выпустил обширное издание «Русская Библиофика, или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы» (1833). Усиление верноподданнических тенденций у Полевого вызвало неприязнь к нему со стороны радикальных слоёв общества. После его смерти Белинский всё же оценил деятельность Полевого как прогрессивную силу в литературной борьбе конца 1820 – начала 1830-х гг. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 216.)

Небольшая группа ренегатов вроде сиамиских близнецов Греча²¹⁶ и Булгарина²¹⁷, связалась с правительством, загладив своё участие в 14 декабря доносами на друзей и устранением фактора, который по их приказанию набирал в типографии Греча революционные прокламации²¹⁸. Они одни господствовали тогда в петербургской журналистике – но в роли полицейских, а не литераторов. Полевой сумел удержаться, наперекор всякой реакции, до 1834 года, не изменив своему делу; нам не должно этого забывать.

Полевой начал демократизировать русскую литературу, он заставил её спуститься с аристократических высот и сделал её более народной или по крайней мере более буржуазной. Наибольшими его врагами были литературные авторитеты, на которые он нападал с безжалостной иронией. Он был совершенно прав, думая, что всякое уничтожение авторитета есть революционный акт и что человек, сумевший освободиться от гнёта великих имён и схоластических авторитетов, уже не может быть полностью ни рабом в религии, ни рабом в обществе. До Полевого критики порой отваживались – хоть и не без множества недомолвок и извинений – делать незначительные замечания по адресу Державина, Карамзина и Дмитриева²¹⁹, признавая вместе

²¹⁶ Николай Иванович Греч (1787 – 1867) – русский журналист, писатель, филолог. Родился в семье чиновника. В 1804 г. окончил юнкерскую школу, затем состоял вольнослушателем педагогического института. В 1805 г. начал печататься. В 1812 – 1839 гг. – редактор-издатель (с 1825 г. совместно с Ф. В. Булгариным) журнала «Сын отечества», который до середины 1820-х гг. был связан с передовыми декабристскими кругами. Однако в 1825 г. Греч, по собственному признанию, «уже вытрезвился от либеральных идей» и вскоре стал ярким монархистом и реакционером. В 1831 – 1859 гг. совместно с Булгариным издавал газету «Северная пчела», пользовавшуюся покровительством 3-го отделения (ведавшего политическим сыском), в течение всей последующей жизни вёл активную борьбу с передовым направлением русской литературы. Именно за эту деятельность Н. А. Добролюбов назвал Греча «поборником лжи и мрака». Греч – автор романа в письмах «Поездка в Германию» (1854), очерков о странах Западной Европы. Наибольшую известность получил роман «Чёрная женщина»... Гречу принадлежит «Учебная книга русской словесности» (1819 – 1822), «Опыт краткой истории русской литературы» (1822) – первая книга по истории литературы в России... В журналах 1860 – 1870 гг. печатались мемуары Греча «Записки о моей жизни»... содержащие обширный литературно-исторический и бытовой материал. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. Стб. 339 – 340.)

²¹⁷ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789 – 1860) – русский журналист и писатель. Родился в семье польского шляхтича. До 1825 г. сотрудничал в «Полярной звезде» К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева, сохранил постоянную дружбу с А. С. Грибоедовым. Позднее превратился в крайнего реакционера и беспринципного журналиста. В 1825 – 1860 гг. издавал (с 1831 г. совместно с Н. И. Гречем) реакционную газету «Северная пчела», в 1822 – 1828 гг. – журнал «Северный архив» (с 1825 г. совместно с Гречем), в 1825 – 1839 гг. также совместно с Гречем – «Сын отечества». Дидактически-правописательные романы Булгарина «Иван Выжигин» (1829) и «Пётр Иванович Выжигин» (1831) имели, по выражению В. Г. Белинского, «... успех только минутный», т. к. при своём появлении в некоторой мере отвечали потребностям русского общества в повестях и романах из русской жизни. Булгарин одним из первых начал публиковать отличавшиеся наблюдательностью нравоописательные т. н. физиологические очерки – жанр, который несколько позднее, в 1840-х гг., стал весьма популярным в русской литературе. Однако большая часть очерков Булгарина проникнута благонамеренными, верноподданныческими идеями. Романы Булгарина «Дмитрий самозванец» (1830), «Мазепа» (ч. 1 – 2, 1833 – 1834) носят псевдоисторический характер и избылуют мелодраматическими эффектами. Как литературный критик Булгарин выступал против А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского и реалистического направления 1830 – 1840-х гг., которое он назвал в одной из полемических статей натуральной школой... Был постоянным осведомителем политической полиции («3 отделения»), писал доносы на писателей. Против Булгарина вели борьбу А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, позднее Н. А. Добролюбов, считая его олицетворением политической реакции и продажности в литературе и журналистике. Булгарин – автор «Воспоминаний», представляющих некоторый интерес. (Краткая литературная энциклопедия Т. 1. Стб. 770.)

²¹⁸ Устаревшее. Управляющий технической частью типографии (в дореволюционной России). (Словарь современного русского литературного языка. Т. 16. С. 1215.) Агитационные произведения декабристов (революционные воззвания, оды, сатиры, массовые песни, памфлеты) распространялись только в рукописных копиях и к печати никогда не предназначались. Ни одной печатной прокламации не вышло из рядов тайного общества ни в пору междоусарствия, ни в самый день 14 декабря. В типографии же Н. И. Греча, как ныне установлено, нелегально печатались не революционные воззвания, а мasonicкие уставные документы и листовки... Возможно, что к печатанию этих материалов имел отношение «фактор и распорядитель типографии Греча» Е. Фридрих, убитый и ограбленный в Петербурге в 1821 г. В пору следствия над декабристами широкое распространение получили слухи о том, что Фридрих был убит вовсе не с целью грабежа, а по заданиям членов тайного общества... Политическая беспринципность Булгарина и Греча, как литературных дельцов, связанных в своё время с писателями-декабристами, а после их гибели с органами тайной полиции, объясняет появление их имён в легенде, передаваемой Герценом... (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 429 – 430.)

²¹⁹ Иван Иванович Дмитриев (1760 – 1837) – русский поэт. Родился в семье помещика. В 14 лет начал военную службу рядовым, в 1796 г. – вышел в отставку полковником. В 1796 – 1814 гг. занимал различные посты – оберпрокурора Сената, министра юстиции и др. Выступал в печати с 1777 г. Наиболее интенсивный период творчества – 1784 – 1805 гг., в дальнейшем почти не выступал. Был дружен с Г. Р. Державиным и особенно с Н. М. Карамзиным. Поэзия Дмитриева – типичный образец русского дворянского сентиментализма. Отвергая присущую классицизму иерархию жанров и стилей, Дмитриев стремился

с тем всю неоспоримость их величия. А Полевой, с первого же дня став с ними на совершенно равную ногу, начал предъявлять обвинения этим исполненным важности и догматизма особам, этим великим мастерам. Старик Дмитриев, поэт и бывший министр юстиции, с грустью и ужасом говорил о литературной анархии, которую вводил Полевой, лишённый чувства почтения к людям, заслуги коих признавались всей страной.

Полевой атаковал не только литературные авторитеты, но и учёных; он, этот мелкий сибирский торговец, нигде не учившийся, дерзнул усомниться в их науке. Учёные *ex officio*²²⁰ объединились с заслуженными седовласыми литераторами и начали форменную войну против мятежного журналиста.

Зная вкусы публики, Полевой уничтожал своих врагов язвительными статьями. На учёные возражения он отвечал шуткой, а на скучные рассуждения – дерзостью, вызывавшей громкий хохот. Трудно себе представить, с каким любопытством следила публика за ходом этой полемики. Казалось, она понимала, что, нападая на авторитеты литературные, Полевой имел в виду и другие. Действительно, он пользовался всяким случаем, чтобы затронуть самые щекотливые вопросы политики, и делал это с изумительной ловкостью. Он говорил почти всё, но так, что никогда не давал повода к себе придраться. Надо сказать, что цензура чрезвычайно способствует развитию слога и искусства сдерживать свою речь. Человек, раздражённый оскорбляющим его препятствием, хочет победить его и почти всегда преуспевает в этом. Иносказательная речь хранит следы волнения, борьбы; в ней больше страсти, чем в простом изложении. Недомолвка сильнее под своим покровом, всегда прозрачным для того, кто хочет понимать. Сжатая речь богаче смыслом, она острее; говорить так, чтобы мысль была ясна, но чтобы слова для неё находил сам читатель, – лучший способ убеждать. Скрытая мысль увеличивает силу речи, обнажённая – сдерживает воображение. Читатель, знающий, насколько писатель должен быть осторожен, читает его внимательно; между ним и автором устанавливается тайная связь: один скрывает то, что он пишет, а другой – то, что понимает. Цензура – та же паутина: маленьких мух она ловит, а большие её прорывают. Намёки на личности, нападки умирают под красными чернилами: но истинные мысли, подлинная поэзия с презрением проходят через эту переднюю, позволив, самое большее, немного себя почистить²²¹.

выработать единый для различных жанров литературный язык на основе светской разговорной речи. Однако язык Дмитриева сохранял условность и книжность. Дмитриев – по преимуществу сатирик, разрабатывавший светские и нравоучительные темы... Его сатира «Чужой толк», высмеивавшая риторическую оду, стала одним из программных произведений карманизма. Многочисленные басни Дмитриева поэтичны и изящны, стиль их отмечен салонной слаженностью. Большой известностью пользовались переложённые на музыку песни Дмитриева, в которых фольклорная традиция перерабатывалась в духе камерной сентиментальности («Стонет сизый голубочек» и др.). Драматическая поэма «Ермак» – первый в русской поэзии опыт романтической трактовки национально-исторического сюжета. Значительное место в творчестве Дмитриева занимают переводы и переложения французских поэтов... Дмитриев оказал влияние на поэтов «Арзамаса» П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова. Его записки «Взгляд на мою жизнь» содержат ценные общественнолитературные сведения. А. С. Пушкин относился к поэзии Дмитриева отрицательно; в письмах 1824 г. он полемизировал с П. А. Вяземским, автором апологетической статьи о Дмитриеве: «Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова...» «Дмитриев, несмотря на всё старое своё влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков». Отмечая ограниченность творчества Дмитриева, В. Г. Белинский указывал и на его историческое значение, как этап на «пути сближения с простотою и естественностью, словом – с жизнью и действительностью...» (Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. Стб. 704 – 705.)

²²⁰ По должности (франц.). – Ред.

²²¹ После революции 1848 года цензура стала манией Николая. Не удовлетворённый обычной цензурой и двумя цензурами, которые он учредил за пределами своих владений, в Яссах и Бухаресте, где по-русски не пишут, он создал ещё вторую цензуру в Петербурге, мы склонны надеяться, что эта двойная цензура будет полезней, чем простая. Дойдя до того, что будут печатать русские книги вне России, это уже делают, и, как знать, кто окажется более ловок, свободное слово, или император Николай. (Примітка О. І. Герцена.) О введении русской цензуры в Яссах и Бухаресте не обнаружено. Возможно, что Герцен имеет в виду оккупационный режим, введённый в Молдавии и Валахии русскими властями на основе Балта-Лиманской конвенции 1849 г. с Турцией; эта конвенция предусматривала совместную борьбу против всяких привилегий революционного движения. В Петербурге 28 февраля 1848 г. была организована правительственная комиссия под председательством Меншикова, преобразованная 2 апреля в комитет под председательством Бутурлина для высшего надзора над журналистикой и наблюдающими за ней учреждениями. Затем был создан комитет под председательством Блудова для рассмотрения заключений комитета 2 апреля. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 430.)

С «Телеграфом» в русской литературе начинают господствовать журналы. Они вбирают в себя всё умственное движение страны. Книг покупали мало, лучшие стихи и рассказы появлялись в журналах, и нужно было что-нибудь из ряда вон выходящее, – поэма Пушкина или роман Гоголя, – чтобы привлечь внимание публики столь разбросанной, как читатели в России. Ни в одной стране, исключая Англию, влияние журналов не было так велико. Это действительно лучший способ распространить просвещение в обширной стране. «Телеграф», «Московский вестник», «Телескоп», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и побочный их сын «Современник», независимо от их весьма различных направлений, распространили за последние двадцать пять лет огромное количество знаний, понятий, идей...

Полевой ухитрился выпускать «Телеграф» до 1834 года. Однако после польской революции преследование передовой мысли усилилось. Победивший абсолютизм потерял всякий стыд, всякую скромность. Школьные шалости наказывались, как вооружённые восстания, детей 15 – 16 лет ссылали или отдавали пожизненно в солдаты. Студент Московского университета Полежаев²²², уже известный своими поэтическими произведениями, написал несколько

²²² Александр Иванович Полежаев (1804 – 1838) – русский поэт. Отец – пензенский помещик Струйский; мать – крепостная девушка Аграфена, после рождения «незаконного» младенца обвенчанная с саранским мещанином Полежаевым, который вскоре бесследно исчез. Мать Полежаева возвратилась в среду дворовых Струйского и умерла, оставив 5-летнего сына. В 10-летнем возрасте отец отвёз его в Москву и определил в частный пансион швейцарца Визара. Во время обучения мальчика Струйский за жестокое обращение с крепостными был сослан в Сибирь, где и умер. В 1820 г. Полежаев поступил вольнослушателем на словесное отделение Московского университета. Помощь Струйских «незаконному» внуку была нерегулярной. Горькая нужда вызывала частые перерывы в обучении. В университете Полежаев сошёлся с родственным ему кругом студентов из разночинной среды; здесь по рукам ходили запретные рукописи, складывались революционные кружки. В этой атмосфере возникала поэзия Полежаева... В духе декабристской поэзии написано стихотворение «Балтасар», подражание 5-й главе пророка Даниила – легенда о гибели восточного деспота, как отклик на коронацию Николая I. Кроме стихов, печатавшихся в «Вестнике Европы», в альманахах, Полежаев создал несколько повестей в стихах, распространявшихся в студенческой среде. В их числе была поэма «Сашка». Написанная в 1825 г., она стилизована в духе только что напечатанной первой главы «Евгения Онегина». Поэма полна своеобразного юмора, реалистических черт, остроумных общественных характеристик, сатирических выпадов по адресу университета, необычайно резких – против «столпов» и «устоев» самодержавного порядка. В противовес скептическому «баричу» Онегину, Сашка – студент, плебей, разбитной малый, которому автор сообщил некоторые черты собственного темперамента. «Сашка» – это поэтический протест против реакционных порядков, утвердившихся в университете, против социального уклада в целом, против царя, церкви, невежества, лицемерной морали дворянского общества. Вместе с тем это – стихийный порыв порабощённой личности к раскрепощению. В иронической манере гиперболизирован разгул кружка студентов, служителей «буйственной» свободы. В июне 1826 г. по доносу И. П. Бибикина рукопись «Сашки» была доставлена Николаю I. Заставив автора прочитать свою поэму вслух, царь воскликнул: «Это всё ещё следы, последние остатки, я их искореню!» и приказал только что окончившего университет Полежаева отдать в солдаты без права выслуги. В 1828 г. Полежаев томился в подземном каземате при Спасских казармах, обвинённый по делу тайного общества братьев Критских. В тюрьме написана поэма «Арестант», содержащая атеистические мотивы. В эти годы (1826 – 1828) творчество Полежаева достигло полной зрелости. Спротивление деспотизму стало содержанием его лирики, оно же подняло его веру в себя, как поэта. Для выражения напряжённых переживаний поэт находит резкую и острую форму. Таковы и символика его образов, и могучие ритмы стиха, и сильные эмоциональные и пагетические средства самовыражения в лирике, своеобразной по стихотворным размерам, короткой строке, сплошным мужским рифмам. В лирике Полежаева преобладают мрачные, кандалные песни («Песнь пленного Ирокезца»), исполненные гнева и протеста, или скорбные жалобы («Вечерняя зоря», «Ожесточённый»). Почти четыре года (1829 – 1833) поэт пробыл на Кавказе, участвуя в боях в Дагестане и Чечне. Вырвавшись из казармы и тюрьмы, поэт жил несколько вольнее в походах и на стоянках в станицах кубанских, терских и гребенских казаков, вслушиваясь в их песни, что отразилось в стихотворениях «Ночь на Кубани», «Казачьи», «Русские песни». Впечатления войны отражены в кавказских поэмах «Эрпели» (1830) и «Чир-Юрт» (1832), почти документальных по своей правдивости и реализму. В лирических стихах «Герменчугское кладбище» (1833), «Акташ-Аух», «Мёртвая голова» и других поэт остаётся глубоко человеческим в своих чувствах к порабощённому населению Чечни и Дагестана. Поклонник Дж. Байрона в своих анти-воинных призывах Полежаев верен завету великого поэта «заставить говорить кровавые обломки и камни». Одно из лучших стихотворений Полежаева – «Чёрная коса»: Там, где свистящие картечи Метала бранная гроза, Лежит в пыли на поле сечи В три грани чёрная коса... Полежаев ввёл в русскую поэзию образ рядового солдата. Большое место в его наследии занимают поэтические переводы, преимущественно из французских писателей: Вольтера, А. Ламартина, В. Гюго, К. Делавини и др. Наиболее значителен перевод «Прощания с жизнью» Вольтера. В октябре 1831 г. за участие в боях под Гимрами, проявив «отличное мужество», Полежаев был представлен к производству в офицеры, однако «высочайшего» утверждения не последовало. Возвращение с Кавказа в Москву в 1833 г. не оживило в Полежаеве прежних надежд на освобождение от солдатчины. Преследования продолжались. Доносы, предательства чередовались с омертвляющей работой цензуры. Литературный труд составлял единственную радость поэта: «Одно под сердцем есть добро – неочинённое перо», – говорил он своим друзьям. Цензурой изуродованы были прижизненные книги стихов Полежаева. Несколько лет цензура запрещала сборники «Разбитая арфа» (опубликован под названием «Арфа», 1838) и «Часы выздоровления» (1842). Большая часть литературного наследия

либеральных стихотворений. Николай под суд его не отдал, а велел привести его к себе, приказал ему прочесть вслух стихи, поцеловал его и послал в полк простым солдатом; мысль о таком нелепом наказании могла возникнуть лишь в уме потерявшего рассудок правительства, которое принимало русскую армию за исправительное заведение или за каторгу. Восемь лет спустя солдат Полежаев умер в военном госпитале. А через год братья Крицкие²²³, тоже московские студенты, отправились в тюрьму за то, что – если я не ошибаюсь, – разбили бюст императора. С тех пор никто о них не слышал. В 1832 году, под предлогом, что это тайное общество, арестовали дюжину студентов²²⁴ и тут же отправили в оренбургский гарнизон, где присоединили к ним и сына лютеранского пастора, Юлия Кольрейфа, который никогда не был русским подданным, никогда ничем не занимался, кроме музыки, но осмелился сказать, что не считает своим долгом доносить на друзей. В 1834 году и нас, моих друзей и меня²²⁵, бросили в тюрьму, а спустя восемь месяцев сослали писцами в канцелярии отдалённых губерний. Нас обвиняли в намерении создать тайное общество и желании пропагандировать сен-симонистские идеи; нам прочитали в качестве скверной шутки смертный приговор, а затем объявили, что император, по своей поистине непростительной доброте, приказал подвергнуть нас лишь исправительному наказанию – ссылке. Это наказание длилось более пяти лет.

В том же 1834 году был запрещён «Телеграф». Потеряв журнал, Полевой оказался выбитым из колеи. Его литературные опыты успеха более не имели; раздражённый и разочарованный, он покинул Москву и переселился в Петербург. Первые номера его нового журнала («Сын отечества») были встречены с горестным удивлением. Он стал покорен, лъстив. Печально было видеть, как этот смелый боец, этот неутомимый работник, умевший в самые трудные времена оставаться на своём посту, лишь только прикрыли его журнал, пошёл на мировую со своими врагами. Печально было слышать имя Полевого рядом с именами Греча и Булгарина; печально было присутствовать на представлениях его драматических пьес, вызывавших рукоплескания тайных агентов и чиновных лакеев.

Полевой чувствовал, что терпит крушение, это заставляло его страдать, он пал духом. Ему даже хотелось оправдаться, выйти из своего ложного положения, но у него не было на это сил, и он лишь вредил себе в глазах правительства, ничего не выигрывая в глазах общества. Более благородный по своей натуре, нежели по поступкам, он не мог долго выносить эту борьбу. Вскоре он умер, оставив свои дела в совершенном расстройстве. Все его уступки ни к чему не привели.

Было два продолжателя дела Полевого – Сенковский²²⁶ и Белинский.

Полежаева сохранена его другом А. П. Лозовским. Муштра, военный суд, годичное заточение в подземелье положили начало развитию чахотки. Самовольный побег из полка на несколько дней завершился жестоким наказанием розгами. В сентябре 1837 г. Полежаев был отправлен в Лефортовский военный госпиталь, где через несколько месяцев скончался. Похоронен на Семёновском кладбище. Могила не сохранилась. Место Полежаева в русской поэзии – между творчеством декабристов и гражданской лирикой М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова. Песни и романсы Полежаева многократно привлекали внимание русских композиторов. Популярнейший «Сарафанчик» известен с музыкой А. А. Алябьева и А. Л. Гурилёва. Тексты Полежаева обрабатывались в гитарных песенниках. Способствовали распространению стихов Полежаева и сведений о его судьбе А. И. Герцен и Н. П. Огарёв в своих зарубежных изданиях. После Октябрьской революции поставлены памятники Полежаеву в городах Саранске (1940) и Грозном (1950). (Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. Стб. 838 – 840.)

²²³ Критские, братья: Василий (1810 – 1831), Михаил (1809 – 1836) и Пётр (1806 – после 1885) – основатели политического кружка. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 456.)

²²⁴ Очевидно, имеется в виду так называемый «сунгуровский заговор» 1831 г., – дело, по которому была осуждена группа студентов Московского университета, обвинявшаяся в недонесении правительству о намерении Н. П. Сунгурова создать тайное революционное общество. (Там само. С. 430.)

²²⁵ Виділено нами. – Автори.

²²⁶ Осип (Юлиан) Иванович Сенковский (1800 – 1858) – русский писатель, журналист, востоковед. Член-корреспондент Академии наук (с 1828 года). Родился в старинной польской шляхетской семье. После окончания Виленского университета (1819) совершил путешествие по Ближнему Востоку и Африке. Блестяще изучив многие восточные языки, Сенковский с 1822 по 1847 год был профессором Петербургского университета по кафедре арабского, персидского языков. Позднее он изучил китайский, монгольский, тибетский языки. Сенковский опубликовал ряд работ по истории, этнографии, филологии мусульманского Востока на французском и польском языках и переводы арабских классиков. В юности Сенковский был близок к

Обрусевший поляк, ориенталист и академик Сенковский был очень остроумным писателем, большим тружеником, но совершенно беспринципным человеком, если только не счесть принципами глубокое презрение к людям и событиям, к убеждениям и теориям. В Сенковском нашёл своего подлинного представителя тот духовный склад, который приняло общество с 1825 года, – блестящий, но холодный лоск, презрительная улыбка, нередко скрывавшая за собой угрызения совести, жажда наслаждений, усиливаемая неуверенностью каждого в собственной судьбе, насмешливый и всё же невесёлый материализм, принуждённые шутки человека, сидящего за тюремной решёткой.

Белинский являлся полной противоположностью Сенковскому – то был типичный представитель московской учащейся молодёжи; мученик собственных сомнений и дум, поэт в диалектике, оскорбляемый всем, что его окружало, он изнурял себя волнениями. Этот человек трепетал от негодования и дрожал от бешенства при вечном зрелище русского самодержавия.

Сенковский основал свой журнал²²⁷, как основывают торговое предприятие. Мы не разделяем всё же мнения тех, кто усматривал в журнале какую-либо правительственную тенденцию. Его с жадностью читали по всей России, чего никогда не случилось бы с газетой или книгой, написанной в интересах власти. «Северная пчела», пользовавшаяся покровительством полиции, являлась лишь кажущимся исключением из этого правила: то был единственный политический, но не официальный листок, который терпели, этим и объясняется его успех; но как только официальные газеты приобрели сносную реакцию, «Северная пчела» была покинута своими читателями. Нет славы, нет репутации, которые устояли бы при мертвящем и принижающем соприкосновении с правительством. В России все те, которые читают, ненавидят власть; все те, кто любит её, не читают вовсе или читают французские пустячки. От Пушкина – величайшей славы России – одно время отвернулись за приветствие, обращённое им к Николаю после прекращения холеры, и за два политических стихотворения²²⁸. Гоголь, кумир русских читателей, мгновенно возбудил к себе глубочайшее презрение своей раблепной брошюрой²²⁹. Звезда Полевого померкла в тот день, когда он заключил союз с правительством. В России ренегату не прощают.

деятелям польского освободительного движения: А. Мицкевичу, А. Снядецкому, И. Лелевелю. Сотрудничал в первой половине 1820-х гг. в альманахе «Полярная звезда» А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева. В 1834 – 1847 гг. (номинально – до 1846 г.) Сенковский редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения», в котором печатал под псевдонимом Б арон Брамбеус свои художественные произведения и статьи. В 1856 – 1858 гг. вёл в журнале «Сын отечества» отдел «Листок барона Брамбеуса». В 1858 г. незадолго до смерти начал редактировать журнал «Весельчак». Личность Сенковского противоречива и сложна. Один из основателей русского востоковедения, путешественник и дипломат, предприимчивый журналист-коммерсант, Сенковский вместе с тем известен пренебрежительным отношением к воле авторов, печатавшихся в его журнале. «Библиотека для чтения» положила начало т. н. «торговому направлению» в русской журналистике, завоевав популярность преимущественно в провинциальных читательских слоях многообразием и пестротой публикуемых материалов, лёгкостью и занимательностью изложения. Ещё до «Библиотеки для чтения» в польской газете «Balamut», издаваемой в Петербурге в 1830 – 1836 гг., создателем которой был Сенковский, проявились характерные для него черты журналиста-сатирика. Иронический непринуждённый слог, характерный для этой газеты, перешёл затем в беллетристическое творчество Сенковского, когда он стал писать на русском языке. Сенковский писал «восточные», светские, психологические, сатирические повести, очерки о путешествиях по азиатским и африканским странам. Сторонник экспериментального естествознания, он создал жанр научно-философской повести. Тонкий критик и эссеист, Сенковский по двум прочитанным главам «Пиковой дамы» оценил прозу А. С. Пушкина как начало новой эпохи в русской литературе. Сенковский настаивал на опубликовании комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», много лет ходившей в списках. Обладая литературным талантом, эрудицией, лёгкостью слога, он, однако, не создал ничего долговечного в художественной литературе. В многочисленных литературных критических статьях и рецензиях Сенковский обнаружил консервативность воззрений. Будучи сторонником теории «чистого искусства», отрицательно относился к Н. В. Гоголю и реалистическому направлению. (Краткая литературная энциклопедия. Т. 65. Стб. 759 – 760.)

²²⁷ В 1834 г. О. И. Сенковский основал ежемесячный журнал «Библиотека для чтения», издателем которого был А. Ф. Смирдин.

²²⁸ Приветствие Николаю, напечатанное Пушкиным, – стихотворение «Герой» («Да, слава в прихотях вольна»), поводом для которого явилось прибытие царя в Москву во время холерной эпидемии 1830 г. Два политических стихотворения – «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 430.)

²²⁹ «Выбранные места из переписки с друзьями».

Сенковский с презрением отзывался о либерализме и о науке, зато он не питал уважения и ни к чему другому. Он воображал себя в высшей степени практичным, ибо проповедовал практический материализм, но, как всякий теоретик, он был превзойдён другими теоретиками, мыслившими ещё более отвлечённо, но имевшими пламенные убеждения, – а это несравненно практичнее и ближе к действию, нежели практология.

Поднимая на смех всё самое святое для человека, Сенковский невольно разрушал в умах идею монархии. Проповедуя комфорт и чувственные удовольствия, он наводил людей на весьма простую мысль, что невозможно наслаждаться жизнью, непрестанно думая о жандармах, доносах и Сибири, что страх – не комфортабелен, и что нет человека, который мог бы с аппетитом пообедать, если он не знает, где будет спать.

Сенковский целиком принадлежал своему времени, подметая у входа в новую эпоху, он выметал вместе с пылью и вещи ценные, но он расчищал почву для другого времени, которого не понимал. Он и сам это чувствовал; как только в литературе проглянуло что-то новое и живое, Сенковский убрал паруса и вскоре совсем стухнул.

Возле Сенковского был кружок молодых литераторов, которых он губил, развращая их вкус. Они ввели стиль, казавшийся с первого взгляда блестящим, а со второго – фальшивым. В поэзии петербургской, или ещё лучше, в васьильеостровской²³⁰, в этих исторических образцах, порождённых Кукольниками, Бенедиктовыми, Тимофеевыми и др., не было ничего жизненного, реального. Подобные цветы могли расцвести лишь у подножья императорского трона или под сенью Петропавловской крепости.

Славнозвісний лист П. Я. Чаадаєва, його значення й вплив

В Москве вместо запрещённого «Телеграфа» стал выходить журнал «Телескоп»; он не был столь долговечен, как его предшественник, зато смерть его была поистине славной. Именно в нём было помещено знаменитое письмо Чаадаева²³¹. Журнал немедленно запретили,

²³⁰ Нечто вроде Латинского квартала, где живут главным образом литераторы и артисты, не известные в других частях города. (Примітка О. І. Герцена.)

²³¹ Пётр Яковлевич Чаадаев (1794 – 1856) – русский мыслитель. Из дворян (мать – дочь историка князя М. М. Щербатова). В 1808 – 1811 гг. учился в Московском университете, где сблизился с А. С. Грибоедовым, И. Д. Якушкиным, Н. И. Тургеневым. В 1812 г. поступил в лейб-гвардию; участник Бородинской битвы и заграничного антинаполеоновского похода. Подобно многим будущим декабристам прошёл через масонство; в 1821 г. согласился вступить в Северное общество декабристов; в марте 1820 г. приветствовал бескровную революцию в Испании. Облик и умонастроения Чаадаева на рубеже 1810 – 1820 гг. частично отразились в стихотворении «К портрету Чаадаева» и трёх поэтических посланиях (1818 – 1824) А. С. Пушкина, с которым он подружился в 1816 г. Многие факты биографии Чаадаева остаются загадочными: уже при жизни о нём ходили противоречивые легенды и слухи, чему способствовал сам характер и образ жизни Чаадаева, человека гордого и замкнутого. В 1820 г. он неожиданно подал в отставку; по свидетельству близких пребывал в состоянии «гипохондри»; в 1825 г. уехал в Европу; в 1825 г. встречался и вёл философские беседы с Ф. Шеллингом (его «философия тождества» и учение о свободе воли воздействовали на убеждения Чаадаева). В 1826 г., через 8 месяцев после разгрома декабристов возвратился в Россию и вёл затворническую жизнь до 1831 г.; в этот период завершилось становление нового религиозного мировоззрения Чаадаева. В 1829 – 1831 гг. написал «Философические письма» (1-е опубликовано в журнале «Телескоп», 1836, № 15; 6-е и 7-е в России впервые опубликовано в «Вопросах философии и психологии», 1906, кн. 92 и 94, а 2 – 5-е и 8-е лишь в 1935 г. в «Литературном наследстве», т. 22 – 24). За 1-е письмо, прозвучавшее, по выражению автора, «обвинительным актом» против России, Чаадаев «высочайше» объявлен сумасшедшим и лишён права печататься. Письмо исполнено пессимистических мотивов в оценке прошлого, настоящего и будущего России, в суждениях о её социальном, умственном и духовном состоянии (акцентированы: неразвитость представлений о «долге, справедливости, праве, порядке» и отсутствии какой-либо самобытной общечеловеческой «идеи», содействующей мировому прогрессу: «ни одна великая истина не вышла из нашей среды»). В последующих письмах раскрыты истоки чаадаевского отрицания – его религиозные, философские, историко-социальные и социальные идеи в их единстве (последнее станет характерной чертой русской философской мысли. Первоосновой и лейтмотивом суждений Чаадаева является «христианское учение», но не столько его метафизическая и трансцендентная сущность, сколько его социально-устроительная роль (историческое становление «земного царства») и прежде всего – в историческом развитии Запада, достигшего высокого уровня культуры (мысли и нравственности) и цивилизации («свободы и благосостояния»), – отсюда исходит предпочтение католицизма православию. Чаадаев усматривает в христианстве также глубинную постижения добра и зла в человеке, дух самоотвержения, преодоление индивидуализма («уничтожение своего личного бытия и замена его бытием социальным»), враждебность всякому рабству, «отвращение от разделения, страстное влечение

цензора уволили в отставку, главного редактора сослали в Усть-Сысольск. Публикация этого письма была одним из значительнейших событий. То был вызов, признак пробуждения; письмо разбило лёд после 14 декабря. Наконец пришёл человек с душой, переполненной скорбью, он нашёл страшные слова, чтобы с похоронным красноречием, с гнетущим спокойствием сказать всё, что за десять лет накопилось горького в сердце образованного русского. Письмо это было завещанием человека, отрекающегося от своих прав не из любви к своим наследникам, но из

к единству» всех людей, сословий, наций и, наконец, утверждение возможности и долга человеческой личности преобразоваться посредством свободной «самодеятельности». Такое истолкование христианства (А. И. Герцен называет его «революционным католицизмом») послужило Чаадаеву основой тотальной критики всей истории и всего строя России: от принятия православия до «громадного несчастья» – декабристского восстания, от полного подчинения всей духовной жизни политическим властям до «физического рабства» (крепостничества), от «порабощения личности и мнений» до «пустоты души», «умственного бессилия» и «мёртвого застоя» современной России. Впрочем, пафос обличения России перед лицом христианского Запада, доходящий до национального «самоотрицания» в 1-м письме и других письмах трактата и особенно в дальнейших суждениях Чаадаева («Апология сумасшедшего», 1837, в России опубл. в 1906 г., переписка 1830 – 1840 гг. с русскими и зарубежными современниками) умеряется критикой современной западной культуры, а с другой стороны – нахождением потенциальных преобразующих сил России. В современной Европе Чаадаева настораживает нарастание «груды искусственных потребностей», хаоса частных интересов, позитивистских концепций человека (как существа обособленного и конечного, «т. е. «насекомого-подёнки»). В духовном же (религиозно-нравственном и психологическом) образе русских он открывает (не без воздействия своих оппонентов-славянофилов) ряд достоинств, точнее, позитивные стороны тех качеств, которые прежде казались ему преимущественно негативными для исторического творчества и самобытности «социального принципа»: способность к «отречению» во имя общего дела, «смирный аскетизм», «бескорыстие сердца», «личная совесть» и простодушие. В самой социально-исторической незначительности прошлого и неразвитости современной России он видит негативные приметы «непочатости» и нераскрытости её сил; а что силы таятся направляет свидетельство явление трёх гениев – Петра I, М. В. Ломоносова и А. С. Пушкина – в течение одного века. К тому же русское общество не сковано многовековыми традициями и может воспользоваться всеми достижениями Европы – залог широкого выбора завтрашнего исторического пути. Из всего этого Чаадаев выводит возможность всемирных, даже мессианских свершений России в недалёком будущем: «...Мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей... ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество...» Но непременным условием пробуждения России и осуществления её призвания Чаадаев всегда полагал освоение достижений европейской культуры, духовное единение с католическим Западом и созидание новой религиозно-философской системы (наподобие шеллингианской сочетавшей, по Чаадаеву, «откровение», философию и науку). Проникнутое утверждением единства духа и материи, религии и философии, общества и природы, вечности («божественного промысла») и истории, и одновременно – жадной практического всемирного единения народов при сохранении самобытности их социальноисторического облика, умозрение Чаадаева оказалось необычайно синкретичным. Оно непосредственно пробудило два влиятельнейших противоборствующих направлений русской идеологии – западничество и славянофильство, которые с равным правом могут считать его «своим» и «чужим» (в частности «духовный» Запад Чаадаева противоположен светскому, в основе – просветительскому Западу русских «европейцев»); оно выдвинуло ряд кардинальных проблем, над разрешением которых будут биться многие крупнейшие представители русской общественной мысли (в том числе революционные демократы В. Г. Белинский и А. И. Герцен), философии (в том числе К. Н. Леонтьев и особенно В. Соловьёв), литературы (Пушкин, Достоевский). Верность христианской первооснове определила художественные пристрастия Чаадаева. В античном искусстве, начиная с Гомера, ему претит «гибельный героизм страстей, грязный идеал красоты, необузданное пристрастие к земному (подобные пороки Л. Н. Толстой найдёт в новоевропейском искусстве – трактат «Что такое искусство?»); возрождение современного человечества невозможно, по Чаадаеву, без разрушения всемирного культа «нечистой красоты», созданного античной традицией. Культуру Возрождения за «возврат к язычеству» он называет историческим заблуждением. Просвещение критикует за религиозную индифферентность, отсутствие историзма и мрачные домыслы, искажающие высокую культуру средневековья. Для объяснения и подкрепления заветных идей Чаадаев прибегал к авторитету Платона, Данте, Т. Тассо, Б. Паскаля, к ссылкам на И. В. Гёте, немецких романтиков. В русской литературе высоко чтит заслуги Н. М. Карамзина (в том числе его «Историю...»), Н. В. Гоголя («резко высмеивал нашу грешную сторону») и особенно Пушкина – его «грациозный гений» и историческую мысль (в том числе в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина»). Чаадаев явился первым самобытным властителем дум мыслящей России, до него ориентирующейся на авторитеты Запада. Сильное воздействие на самосознание русского общества оказали не только его «Философические письма», но и живое слово его «салонного просветительства», дружеских бесед, эпистолярных излияний (ср. аналогичное влияние Н. В. Станкевича, позже Ф. И. Тютчева); его убеждения, как и вся его личность, пробуждали у современников стоицизм, «любовь к высокому» (Пушкин), стремление к нравственной свободе, способствовали повышению духовной атмосферы общества в мрачную эпоху официального благополучия. Под влиянием Чаадаева складывалось мировоззрение Пушкина; его облик и идеи явились «прообразами» Евгения Онегина (его ирония и «резкий охлаждённый ум», – одноименный роман Пушкина), Чацкого («Горе от ума» Грибоедова), Версилова («Подросток» Достоевского). Чаадаевские моменты ощутимы в гражданской лирике, в романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова («Дума», «Родина», образ Печорина). Многие идейно-тематические линии романов Достоевского могут быть поняты только с учётом его отношения к Чаадаеву: имя Чаадаева не раз возникало в качестве прообраза героя в замыслах писателя («Бесы», «Подросток», поэма о «великом инквизиторе», замысел «Жития Великого Грешника»). Испытавшие влияние Чаадаева не стали его последователями; он явился для них и для всей русской мысли не «учителем», а мощным «катализатором» идей и убеждений». (Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. Стб. 417 – 420.)

отвращения; сурово и холодно требует автор от России отчёта во всех страданиях, причиняемых ею человеку, который осмеливается выйти из скотского состояния. Он желает знать, что мы покупаем такой ценой, чем мы заслужили своё положение; он анализирует это с неумолимой, приводящей в отчаяние пронизательностью, а закончив эту вивисекцию, с ужасом отворачивается, проклиная свою страну, в её прошлом, в её настоящем и в её будущем. Да, этот мрачный голос зазвучал лишь затем, чтобы сказать России, что она никогда не жила по-человечески, что она представляет собой «лишь пробел в человеческом сознании, лишь поучительный пример для Европы»²³². Он сказал России, что прошлое её было бесполезно, настоящее тщетно, а будущего никакого у неё нет. Не соглашаясь с Чаадаевым, мы всё же отлично понимаем, каким путём он пришёл к этой мрачной и безнадежной точке зрения, тем более, что и до сих пор факты говорят за него, а не против него. Мы верим, а ему довольно указать пальцем; мы надеемся, а ему довольно лишь развернуть газету, чтобы доказать свою правоту. Заключение, к которому приходит Чаадаев, не выдерживает никакой критики, и не тем важно это письмо; своё значение оно сохраняет благодаря лиризму сурового негодования, которое потрясает душу и надолго оставляет её под тяжёлым впечатлением. Автора упрекали в жестокости, но она-то и является его наибольшей заслугой. Не надобно нас щадить: мы слишком быстро забываем своё положение, мы слишком привыкли развлекаться в тюремных стенах.

Статья эта была встречена воплем скорби и изумления, она испугала, она глубоко задела даже тех, кто разделял симпатии Чаадаева, и всё же она лишь выразила то, что смутно волновало душу каждого из нас. Кто из нас не испытывал минут, когда мы, полные гнева, ненавидели эту страну, которая на все благородные порывы отвечает лишь мучениями, которая спешит нас разбудить лишь затем, чтобы подвергнуть пытке? Кто из нас не хотел вырваться навсегда из этой тюрьмы, занимающей четвертую часть земного шара, из этой чудовищной империи, в которой всякий полицейский надзиратель – царь, а царь – коронованный полицейский надзиратель? Кто из нас не предавался всевозможным страстям, чтобы забыть этот морозный, ледяной ад, чтобы хоть на несколько минут опьяниться и рассеяться? Сейчас мы видим всё по-другому, мы рассматриваем русскую историю с иной точки зрения, но у нас нет оснований ни отречься от этих минут отчаяния, ни раскаиваться в них; мы заплатили за них слишком дорогой ценой, чтобы забыть о них; они были нашим правом, нашим протестом, они нас спасли.

Чаадаев замолк, но его не оставили в покое. Петербургские аристократы – эти Бенкендорфы, эти Клейнмихели – обиделись за Россию. Важный немец Вигель, – по-видимому, протестант, – директор департамента иностранных вероисповеданий, ополчился на врагов русского православия²³³. Император велел объявить Чаадаева впадшим в умственное расстройство. Этот пошлый фарс привлек на сторону Чаадаева даже его противников; влияние его в Москве возросло. Сама аристократия склонила голову перед этим мыслителем и окружила его уважением и вниманием, представив тем самым блистательное опровержение шутке императора.

Письмо Чаадаева прозвучало подобно призывной трубе: сигнал был дан, и со всех сторон послышались новые голоса: на арену вышли молодые бойцы, свидетельствуя о безмолвной работе, производившейся в течение этих десяти лет.

14 (26) декабря слишком резко отделило прошлое, чтобы литература, которая предшествовала этому событию, могла продолжаться. На завтра после этого великого дня мог ещё появиться Веневитинов²³⁴, юноша, полный мечтаний и идей 1825 года. Отчаяние, как и боль

²³² В «Философическом письме» Чаадаев писал: «Мы жили, мы живём, как великий урок для отдалённых потомств, которые воспользуются им непременно, но в настоящем времени, что бы ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумения». (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 430.)

²³³ Имеется в виду послание Ф. Ф. Вигеля, занимавшего в то время должность управляющего департаментом духовных дел иностранных вероисповеданий, митрополиту Серафиму, написанное по поводу публикации «Философического письма» Чаадаева. Это послание носило характер политического доноса. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 430.)

²³⁴ Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805 – 1827) – русский поэт, критик. Родился в старинной дворянской семье.

после ранения, наступает не сразу. Но, едва успев промолвить несколько благородных слов, он увял, словно южный цветок, убитый леденящим дыханием Балтики.

Веневитинов не был жизнеспособен в новой русской атмосфере. Нужно было иметь другую закалку, чтобы дышать воздухом этой зловещей эпохи, надо было с детства приспособиться к этому резкому и непрерывному ветру, сжиться с неразрешимыми сомнениями, с горчайшими истинами, с собственной слабостью, с каждодневными оскорблениями; надобно было с самого нежного детства приобрести привычку скрывать всё, что волнует душу, и не только ничего не терять из того, что в ней схоронил, а напротив, – давать вызреть в безмолвном гневе всему, что ложилось на сердце. Надо было уметь ненавидеть из любви, презирать из гуманности, надо было обладать безграничной гордостью, чтобы с кандалами на руках и ногах высоко держать голову.

Каждая часть «Онегина», появлявшаяся после 1825 года, отличалась всё большей глубиной. Первоначальный план поэта был непринуждённым и безмятежным; он его наметил в другие времена, поэта окружало тогда общество, которому нравился этот иронический, но доброжелательный и весёлый смех. Первые песни «Онегина» весьма напоминают нам язвительный, но сердечный комизм Грибоедова. И слёзы и смех – всё переменялось.

Два поэта, которых мы имеем в виду и которые выражают новую эпоху русской поэзии – это Лермонтов и Кольцов. То были два мощных голоса, доносившихся с противоположных сторон.

Ничто не может с большей наглядностью свидетельствовать о перемене, произошедшей с 1825 года, чем сравнение Пушкина с Лермонтовым, Пушкин – часто недовольный и печальный, оскорблённый и полный негодования, всё же готов заключить мир. Он желает его, он не теряет на него надежды; в его сердце не переставала звучать струна воспоминаний о временах императора Александра. Лермонтов же так свыкся с отчаяньем и враждебностью, что не только не искал выхода, но и не видел возможности борьбы или соглашения. Лермонтов никогда не знал надежды, он не жертвовал собой. Ибо ничто не требовало такого самопожертвования. Он

Получил отличное домашнее образование. Серьёзно занимался музыкой и живописью. В качестве вольнослушателя посещал лекции в Московском университете. Сдав экзамены в университете в 1824 г., поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. В октябре 1826 г. переведен на дипломатическую службу в Петербург, где и умер. Необычайная одарённость Веневитинова проявилась очень рано и поражала современников своей глубиной и разносторонностью. Веневитинов был одним из инициаторов «Общества любомудрия» (основано в 1823 г.), занимавшегося изучением философии, главным образом немецкой (Ф. Шеллинг, Л. Окен и др.). В 1826 г. Веневитинов разработал план литературно-философского журнала нового типа, частично реализованный в журнале «Московский вестник»; вместе с А. С. Пушкиным он был одним из участников первого номера (1827). Небольшое по объёму литературное наследие Веневитинова выделяется среди романтической поэзии 1820-х гг. своей философской направленностью и социальной значительностью. По характеристике В. Г. Белинского «в его стихах просвечивается действительно идеальное, а не мечтательно-идеальное направление; в них видно содержание, которое заключало в себе самодеятельную силу развития». В поэзии Веневитинова отразились вольнолюбивые идеи эпохи декабристов («Песнь грека», «Освобождение скальда», «Евпраксия», «Смерть Байрона»). Тема древней новгородской вольницы отражена в стихотворении «Новгород», дважды запрещавшемся цензурой. Цикл стихов посвящён культуре дружбы – чувству, которое Веневитинов возвышал до всеобъемлющей любви к людям-братьям. Высокому назначению поэзии и поэта посвящены многие стихи и теоретические высказывания Веневитинова в его статьях. Философские мотивы лирики Веневитинова получили дальнейшее развитие в поэзии Б. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. Веневитинову принадлежат переводы в стихах и прозе с латинского (Вергилий), французского (Ж. Б. Грессе, Ш. Мильвуа) и немецкого языков (Э. Т. А. Гофман и др.). Лучшими являются переводы Веневитинова из Гёте (отрывки из «Фауста», из трагедии «Эгмонт», драмы в стихах «Земная участь художника» и «Апофеоз художника»). Среди критических статей Веневитинова выделяется «Разбор статьи о «Евгении Онегине», высоко оценённый А. С. Пушкиным. Веневитинов писал также о живописи, музыке. В эстетике он выдвигал идею исторического усложнения форм искусства, противостоя нормативности эстетики классицизма. Выступая за народность и самобытность искусства, он призывал поэта к гражданскому служению (статья «Ответ г. Полевому» и др.). В философских статьях («О состоянии просвещения в России», опубликованной под названием «Несколько мыслей в план журнала», 1831) Веневитинов оперирует диалектическими категориями, видя в борьбе противоречий источник движения и развития. Ранняя смерть Веневитинова, «задушенного» по словам А. И. Герцена, «грубыми тисками русской жизни», вызвала поэтические эпитафии А. А. Дельвига, А. В. Кольцова, А. И. Одоевского, Лермонтова и др. Н. Г. Чернышевский писал о нём: «Проживи Веневитинов хотя десятью годами более – он на целые десятки лет двинул бы нашу литературу...» (Полн. собр. соч., т. 2, 1940, с. 926). (Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. Стб. 910 – 912.)

не шёл, гордо неся голову, навстречу палачу, как Пестель и Рылеев, потому что не мог верить в действенность жертвы; он метнулся в сторону и погиб ни за что.

Пистолетный выстрел, убивший Пушкина, пробудил душу Лермонтова. Он написал энергическую оду, в которой заклеил низкие интриги, предшествовавшие дуэли, – интриги, затеянные министрами-литераторами и журналистами-шпионами, – воскликнул с юношеским негодованием: «Отмщенье, государь, отмщенье!»²³⁵ Эту единственную свою непоследовательность поэт искупил ссылкой на Кавказ. Это произошло в 1837 году; в 1841-м тело Лермонтова было опущено в могилу у подножья Кавказских гор.

И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый
...Твоих последних слов.
Глубокое и горькое значенье
Потеряно²³⁶.

К счастью для нас, не потеряно то, что написал Лермонтов за последние четыре года своей жизни. Он полностью принадлежит к нашему поколению. Все мы были слишком юны, чтобы принять участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днём, мы увидели лишь казни и изгнания. Вынужденные молчать, сдерживая слёзы, мы научились, замыкаясь в себе, вынашивать свои мысли – и какие мысли! Это уже не были идеи просвещённого либерализма, идеи прогресса, – это были сомнения, отрицания, мысли, полные ярости. Свыкшись с этими чувствами, Лермонтов не мог найти спасение в лиризме, как находил его Пушкин. Он влачил тяжёлый груз скептицизма через все свои мечты и наслаждения. Мужественная, печальная мысль всегда лежит на его челе, она сквозит во всех его стихах. Это не отвлечённая мысль, стремящаяся украсить себя цветами поэзии; нет, раздумье Лермонтова – его поэзия, его мученье, его сила²³⁷. Симпатии его к Байрону были глубже, чем у Пушкина. К несчастью быть пронизательным у него присоединялось и другое – он смело высказывался о многом без всякой пощады и без прикрас. Существа слабые, задетые этим, никогда не прощают подобной искренности. О Лермонтове говорили как о балованном отпрыске аристократической семьи, как об одном из тех бездельников, которые погибают от скуки и пресыщения. Не хотели знать, сколько боролся этот человек, сколько выстрадал, прежде чем отважился выразить свои чувства и мысли. Люди гораздо снисходительней относятся к брани и ненависти, нежели к известной зрелости мысли, нежели к отчуждению, которое, не желая разделить ни их надежды, ни их тревоги, смеет открыто говорить об этом разрыве. Когда Лермонтов, вторично приговорённый к ссылке, уезжал из Петербурга на Кавказ, он чувствовал сильную усталость и говорил своим друзьям, что постарается как можно скорее найти смерть. Он сдержал слово. Что же это, наконец, за чудовище, называемое Россией, которому нужно столько жертв и которое предоставляет детям своим лишь печальный выбор погибнуть нравственно в среде, враждебной всему человечеству, или умереть на заре своей жизни? Это бездонная пучина, где тонут лучшие пловцы, где величайшие усилия, величайшие таланты, величайшие способности исчезают прежде, чем успевают чего-либо достигнуть.

Но можно ли сомневаться в существовании находящихся в зародыше сил, когда из самых глубин нации зазвучал такой голос, как голос Кольцова.

²³⁵ Цитата из трагедии французского драматурга Ротру «Венцеслав». Была использована в качестве эпиграфа в некоторых списках стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 430.)

²³⁶ Стихи, посвящённые Лермонтовым памяти князя Одоевского, одного из осуждённых по делу 14 декабря, умершего на Кавказе солдатом. (Там само. С. 225.)

²³⁷ Стихотворения Лермонтова превосходно переведены на немецкий язык Боденштедом. Существует французский перевод его романа «Герой нашего времени», сделанный Шопеном.

В течение века или даже полутора веков народ пел одни лишь старинные песни или уродливые произведения, сфабрикованные в первой половине царствования Екатерины II²³⁸. Правда, в начале нашего века появились несколько довольно удачных подражаний народной песне, но этим искусственным творениям недоставало правды; то были попытки, причуды. Именно из самых недр деревенской России вышли новые песни. Их вдохновенно сочинял пра-сол, гнавший через степи свои стада. Он родился в Воронеже, до десяти лет посещал приходскую школу, где научился читать и писать без всякой орфографии. Отец его, скотопромышленник, заставил сына заняться тем же делом. Кольцов водил стада за сотни вёрст и привык благодаря этому к кочевой жизни, нашедшей отражение в лучших его песнях. Молодой пра-сол любил книги и постоянно перечитывал кого-нибудь из русских поэтов, которых брал себе за образец, попытки подражания давали ложное направление его поэтическому инстинкту. Наконец проявил себя его подлинный дар; он создал народные песни, их немного, но каждая – шедевр. Это настоящие песни русского народа. В них чувствуется тоска, которая составляет характерную их черту, раздирающая душу печаль, бьющая через край жизнь (удаль молодецкая). Кольцов показал, что в душе русского народа кроется много поэзии, что после долгого и глубокого сна в его груди осталось что-то живое. У нас есть ещё и другие поэты, государственные мужи и художники, вышедшие из народа, но они вышли из него в буквальном смысле слова, порвав с ним всякую связь. Ломоносов был сыном беломорского рыбака. Он бежал из отчего дома, чтобы учиться, поступил в духовное училище, затем уехал в Германию, где перестал быть простолюдином. Между ним и русской земледельческой Россией нет ничего общего, если не считать той связи, что существует между людьми одной расы. Кольцов же остался при стадах и при делах своего отца, который его ненавидел и с помощью других родственников сделал жизнь такой тяжёлой, что в 1842 году он умер. Кольцов и Лермонтов вступили в литературу и скончались почти в одно и то же время. После них русская поэзия онемела.

Но в области прозы деятельность усилилась и приняла иное направление.

Гоголь, не будучи в отличие от Кольцова, выходцем из народа по своему происхождению, был им по своим вкусам и складу ума. Гоголь полностью свободен от иностранного влияния; он не знал никакой литературы, когда сделал уже себе имя. Он больше сочувствовал народной жизни, нежели придворной, что естественно для малоросса.

Малоросс, даже став дворянином, никогда так резко не порывает с народом, как русский. Он любит отчизну, свой язык, предания о казачестве и гетманах. Независимость свою, дикую и воинственную, но республиканскую и демократическую, Украина отстаивала на протяжении веков, вплоть до Петра I. Малороссы, терзаемые турками, поляками и москалями, втянутые в вечную войну с крымскими татарами, никогда не складывали оружия. Добровольно присоединившись к Великороссии, Малороссия выговорила себе значительные права. Царь Алексей поклялся их соблюдать. Пётр I, под предлогом измены Мазепы, оставил одну лишь тень от этих привилегий. Елизавета и Екатерина ввели там крепостное право. Несчастливая страна протестовала, но могла ли она устоять перед этой роковой лавиной, катившейся с севера до Чёрного моря и покрывавшей всё, что носило русское имя, одинаковым ледяным саваном рабства? Украина претерпевает судьбу Новгорода и Пскова, хотя и немного позже; но одно столетие крепостного состояния не могло уничтожить всё, что было независимого и поэтического в этом славном народе. Там наблюдается более самобытное развитие, там ярче местный колорит, чем у нас, где вся народная жизнь, без различия, втиснута в жалкую форменную одежду. Люди у нас рождаются, чтобы склонить голову перед несправедливым роком, и умирают бесследно, предоставляя своим детям начать сначала ту же безнадёжную жизнь. Наш народ не знает своей

²³⁸ Имеются в виду сентиментально-любовные романсы и псевдонародные песни, созданные Н. П. Николаевым, И. И. Дмитриевым, Ю. А. Нелединским-Мелецким и другими. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 431.)

истории, тогда как в Малороссии каждая деревушка имеет своё предание. Русский народ помнит лишь о Пугачёве и 1812 году.

Рассказы, с которыми выступил Гоголь, представляют собою серию подлинно прекрасных картин, изображающих нравы и природу Малороссии, – картин, полных весёлости, изящества, живости и любви. Подобные рассказы невозможны в Великороссии за отсутствием сюжета и героев. У нас народные сцены сразу приобретают мрачный и трагический характер, угнетающий читателя; я говорю «трагический» только в смысле Лаокоона²³⁹. Это трагические судьбы, которой человек уступает без сопротивления.

Скорбь превращается здесь в ярость и отчаяние, смех – в горькую и полную ненависти иронию. Кто может читать, не содрогаясь от ненависти и стыда, замечательную повесть «Антон Горемыка» или шедевр И. Тургенева «Записки охотника»?

С переводом Гоголя из Малороссии в среднюю Россию исчезают в его произведениях простодушные, грациозные образы. Нет в них больше полудикого героя, наподобие Тараса Бульбы, нет добродушного патриархального старика, так хорошо описанного в «Старосветских помещиках». Под московским небом всё в его душе становится мрачным, пасмурным, враждебным. Он продолжает смеяться, даже больше, чем прежде, но это другой смех, он может обмануть лишь людей с чёрствым сердцем или слишком уж простодушных. Перейдя от своих малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет в стороне народ и принимается за двух его заклятых врагов: за чиновника и за помещика. Никто и никогда до него не написал такого полного курса патологической анатомии русского чиновника. Смеясь, он безжалостно проникает в самые сокровенные уголки этой нечистой зловедной души. Комедия Гоголя «Ревизор», его роман «Мёртвые души» – это страшная исповедь современной России, под стать разоблачениям Кошихина²⁴⁰ в XVII веке.

Присутствуя на представлениях «Ревизора», император Николай умирал со смеху!!! Поэт, в отчаянии, что всего лишь это августейшее веселье да самодовольный смех чиновников, совершенно подобных тем, которых он изобразил, но пользовавшихся большим покровительством цензуры, счёл своим долгом разъяснить в предудомлении, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, что «за его улыбкой кроются горячие слёзы»²⁴¹.

После «Ревизора» Гоголь обратился к поместному дворянству и вытащил на белый свет его неведомое племя, державшееся за кулисами, вдалеке от дорог и больших городов, сгорбившееся в деревенской глуши, – эту Россию дворянчиков, которые, уйдя втихомолочку в своё хозяйство, таят развращённость, более глубокую, чем западная. Благодаря Гоголю мы видим их, наконец, за порогом их барских палат, их господских домов; они проходят перед нами без масок, без прикрас, пьяницы и обжоры, угодливые невольники власти и безжалостные тираны своих рабов, пьющие жизнь и кровь народа с той же естественностью и простодушием, с каким ребёнок сосёт грудь своей матери.

«Мёртвые души» потрясли всю Россию.

Предъявить современной России подобное обвинение было необходимо. Это история болезни, написанная рукой мастера. Поэзия Гоголя – это крик ужаса и стыда, которые издаёт человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале своё оскотинившееся лицо. Но чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтобы в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Тот, кто откровенно

²³⁹ Имеется в виду известная античная скульптурная группа (I век до н. э.), изображающая смерть жреца Лаокоона и его двух сыновей, обречённых велением богов на неизбежную гибель, – задушенных змеями. (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 437)

²⁴⁰ Русский дипломат времён Алексея, отца Петра I; опасаясь преследований царя, и был обезглавлен в Стокгольме за убийство. (Примітка О. І. Герцена.)

²⁴¹ Близкие по смыслу высказывания содержатся у Гоголя в «Мёртвых душах» (часть I, гл. 7), в «Театральном разезде после представления в новой комедии» и в «Развязке «Ревизора». (А. И. Герцен. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. С. 431.)

сознаётся в своих слабостях и недостатках, чувствует, что они не являются сущностью его природы, что он не поглощён ими целиком, что есть ещё в нём нечто, не поддающееся, сопротивляющееся падению, что он может ещё искупить прошлое и не только поднять голову, но, как в трагедии Байрона, стать из Сарданапаланеженки – Сарданапалом-героем.

Тут мы вновь сталкиваемся лицом к лицу с важным вопросом: где доказательство того, что русский народ может воспрянуть, и каковы доказательства противоположного? Вопрос этот, как мы видели, занимал всех мыслящих людей, но никто из них не нашёл решения.

Полевой, ободрявший других, ни во что не верил; разве иначе он так скоро впал бы в уныние, перешёл бы на сторону врага при первом ударе судьбы? «Библиотека для чтения» одним прыжком перемахнула через эту проблему, она обошла вопрос, даже не попытавшись разрешить его. Решение Чаадаева – не решение.

Поэзия, проза, искусство и история показали нам образование и развитие этой нелепой среды, этих оскорбительных нравов, этой уродливой власти, но никто не указал выхода. Нужно ли было приспособляться, как это впоследствии сделал Гоголь, или бежать навстречу своей гибели, как Лермонтов? Приспособиться нам было невозможно, погибнуть – противно; что-то в глубине нашего сердца говорило, что ещё слишком рано уходить; казалось, за мёртвыми душами есть ещё души живые.

И вновь вставали эти вопросы, с ещё большей настойчивостью; всё, что надеялось, требовало решения любой ценой.

После 1840 года внимание общества было приковано к двум течениям. Из схоластических споров они вскоре перешли в литературу, а оттуда – в общество.

Мы говорим о московском панславизме и о русском европеизме.

Борьбу между этими двумя течениями закончила революция 1848 года. То была последняя оживлённая полемика, которая занимала публику; тем самым она приобретает известное значение. Мы посвящаем ей поэтому следующую главу.

Московский панславизм и русский европеизм

Пора реакции против реформ Петра I настала не только для правительства, отступавшего от своего же принципа и отрекавшегося от западной цивилизации, во имя коей Пётр I попирает национальность, но и для тех людей, которых правительство оторвало от народа под предлогом цивилизации и принялось вешать, когда они стали цивилизованными.

Возврат к национальным идеям естественно приводил к вопросу, сама постановка которого уже являлась реакцией против петербургского периода. Не нужно ли искать выхода из создавшегося для нас печального положения в том, чтобы приблизиться к народу, который мы, не зная его, презираем? Не нужно ли возвратиться к общественному строю, который более соответствует славянскому характеру, и покинуть путь чужеземной насильственной цивилизации? Это вопрос важный и злободневный. Но едва только он был поставлен, как нашлась группа людей, которая тут же, решив его в положительном смысле, создала исключительную систему, превратив её не только в доктрину, но и в религию. Логика реакции так же стремительна, как логика революций.

Наибольшее заблуждение славянофилов заключается в том, что они в самом вопросе услышали ответ и спутали возможность с действительностью. Они предчувствовали, что их путь ведёт к великим истинам и должен изменить нашу точку зрения на современные события. Но вместо того, чтобы идти вперёд и работать, они ограничились этим предчувствием. Таким образом, извращая факты, они извратили своё собственное понимание. Суждение их не было уже свободным, они уже не видели трудностей, им казалось, что всё решено, со всем покончено. Их занимала не истина, а поиски возражения своим противникам.

К полемике примешались страсти».

Декабристський рух в Україні

Україна була одним з найбільших вогнищ підготовки повстання та його основного вибуху. Перші декабристські товариства виникли в Петербурзі (1816 р. «Союз спасения»). Після того, як він припинив своє існування, у Москві почав діяти «Союз благоденствия». Його найактивнішою Тульчинською управою керував легендарний Павло Іванович Пестель. Він же очолив створене одразу після розпуску «Союза благоденствия» «Южное общество». (Про це йтиметься нижче.)

Військова служба П. І. Пестеля до арешту

Полковник Пестель був хоробрим і вправним воїном, який розпочав військову службу вісімнадцятирічним юнаком. «Я вступив на службу, – свідчив Павло Іванович на суді, – в 1811 году в ноябре месяце из Пажеского корпуса в лейб-гвардии Литовский, что ныне лейб-гвардии Московский полк. По открытии кампании 1812 года находился я во фронте при полку и был с полком в сражении при селе Бородине, где под самый уже вечер 26 августа ранен был жестоко ружейною пулею в ногу с раздроблением костей и повреждением жил, за что и получил золотую шпагу с надписью за храбрость. От сей раны пролежал я до мая 1813 года и, не будучи ещё вылечен, но имея рану открытою, из коей чрез весь 1813 год косточки выходили, отправился к армии графа Витгенштейна, к коему был назначен в адъютанты. При нём находился я всю кампанию 1813 и 1814 годов и во всех был сражениях, где он сам находился. За Лейпцигское сражение получил я орден Святого Владимира четвёртой степени с бантом, а за все предшествующие дела 1813 года, в коих находился после перемирия, был произведен за отличие в поручики. За кампанию 1814 получил орден Святыя Анны 2-го класса.

По окончании войны в 1814 году был я переведен в Кавалергардский полк с оставлением в прежней должности, в коей пребывал до 1821 года, был переведен в начале 1820 года в Мариупольский гусарский полк подполковником. В 1821 году, когда открывался поход в Италию, тогда был я переведен в Смоленский драгунский полк, не оставаясь уже более адъютантом. В полку, однако же, я не был налицо, потому что сказанный поход в Италию был отменён, а я между тем употреблён был в главной квартире 2-й армии по делам о возмущении греков и по сим же делам был трикратно послан в Бессарабию, представив тогда начальству две большие записки о делах греков и турков, которые и были отосланы к министру иностранных дел»²⁴².

Пестель знаний і як автор оригінальних соціально-політичних та економічних праць²⁴³, але найбільш визначним і відомим його твором є «Русская Правда»²⁴⁴ или Заповедная государ-

²⁴² Начальник главного штаба князь П. М. Волконский (1776 – 1852)... генерал-фельдмаршал (1843). С 1801 г. занимал ответственные штабные должности... После Тильзитского мира 1807 г. командирован во Францию для ознакомления с организацией франц. генштаба и управлением армией... Поддерживал передовые взгляды на ведение войны против Наполеона. В Отечественную войну 1812 г. находился при императоре для выполнения особых поручений. В заграничном походе 1813 – 1814 гг. был начальником штаба при М. И. Кутузове, а после его смерти – при Александре I. Участвовал в работе Венского конгресса 1814 – 1815 гг. С основанием в 1815 г. Главного штаба первый его начальник... (Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1976. С. 335 – 336) писал тогда П. Д. Киселёву, что «государь остался весьма доволен ясным изложением всех подробностей этого дела»... Декабрист Н. И. Лорер сообщает, что Александр I, прочитав доклад Пестеля, сказал с гордостью: «Вот какие у меня служат в армии полковники...» К характеристике ума и одарённости Пестеля, составленной Пушкиным, можно прибавить подобные же отзывы участников Тайного общества. Н. В. Басаргин писал: «Павел Иванович Пестель был человек высокого, ясного и положительного ума. Будучи хорошо образован, он говорил убедительно, излагал свои мысли с такою логикою, такою последовательностью и таким убеждением, что трудно было устоять против его влияния...» «Я узнал его коротко и могу сказать про него, что он был один из замечательнейших людей своего времени... Пестель имел громадную память» (см. «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 168).

²⁴³ Див.: Практические начала политической автономии. Там само. С. 9 – 72.

²⁴⁴ «Русская Правда» П. И. Пестеля – большой труд социально-политического содержания, над которым он работал при-
близительно 10 – 12 лет. Пестель начал эту работу вскоре после окончания Отечественной войны 1812 – 1814 гг.: составлял

ственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая первый наказ как для народа, так и для временного народного правления».

Україна – найактивніше вогнище декабристського руху

Зовсім не випадково, що більш радикальне, ніж Північне товариство – Південне було створено й провадило свою послідовну революційну антисамодержавну діяльність в Україні. «... Приблизился январь 1823 г. – значительная дата в жизни Южного общества декабристов. В Киеве «на контрактах»²⁴⁵ должен был собраться новый – второй по счёту – съезд его руководителей, на котором решено было подвести итоги рассмотрения предложенных на первом съезде основ конституционного проекта. Истекал годичный срок, данный членам организации для обдумывания основ конституции будущей революционной России, доложенных Пестелем в 1822 г. Члены общества должны были отвергнуть или принять предложенный им проект. Годичный срок для обдумывания предоставлял широкие возможности творчества, длительность срока говорила о серьёзности подхода к вопросу.

Съезд собрался в киевской квартире Волконского²⁴⁶ (в доме матери декабриста Давыдова). Позже, после восстания декабристов, цесаревич Константин писал Николаю I, что уже давно обращал внимание императора Александра I на Киев и Одессу, которые «не хороши» и

наброски по отдельным частям будущей конституции России в самых различных областях экономической, политической, общественной и административной жизни страны. Затем отрывки стали превращаться в стройную систему. «Русская Правда» обсуждалась членами Тайного общества, Пестель принимал во внимание критические замечания, привлекал товарищей по Тайному обществу к участию в составлении проекта. То или иное участие в работе над «Русской Правдой» принимали Н. И. Тургенев, Н. С. Бобринцев-Пушкин, А. П. Юшневский, С. И. Муравьев-Апостол, Н. А. Крюков, В. Н. Лихарев, Н. Ф. Заикин. Сам Пестель заявил во время следствия, что составить «Русскую Правду» его особенно приглашали Е. И. Оболенский и М. П. Муравьев-Апостол. К 1823 г. «Русская Правда» вчерне была написана во всех её основных частях, и Пестель приступил к окончательной отделке проекта. «Название же «Русской Правды» дал я моему плану Конституции в 1824 году...» Содержание всего произведения Пестеля, как оно задумано было автором, изложено в его показании Следственной комиссии. Кроме того, сжатый конспект «Русской Правды» с некоторыми отличиями от основного текста представляет собой помещённый в данном издании очерк Пестеля «Конституция. Государственный завет». В настоящее время рукопись П. И. Пестеля хранится в ГЦИА в переплетённом «Собрании правил и законов, составленных членами тайных обществ». В этом «Собрании» труд Пестеля занимает листы 50 – 144 по штемпельной нумерации, перечисляющей страницы с оборотом одной цифрой... Рукопись Пестеля была после его ареста сшита без логической последовательности, отдельные части труда перепутаны, листы подобраны без всякого порядка. В таком виде «Русская Правда» была опубликована в 1906 г. и с тех пор не переиздавалась полностью. Подробная, обоснованная ссылками на подлинную рукопись рецензия этого издания опубликована В. И. Семевским... Только после Великой Октябрьской социалистической революции началось приведение в порядок этого замечательного труда русской политической мысли первой четверти XIX столетия. По заданию Центрального архивного управления СССР группа специалистов подготавливает труд П. И. Пестеля к печати. Работа велась начиная с 1925 г., но не могла быть завершена по различным обстоятельствам до 1941 г. и возобновлена лишь в 1948 г. – после окончания Великой Отечественной войны... В настоящем издании приведены наиболее значительные извлечения по изданию 1906 г. и названного сборника «Декабристы. Отрывки из источников», также после просмотра рукописи П. И. Пестеля с учётом критических замечаний в специальной литературе о «Русской Правде». (Избранные... произведения декабристов. Т. 2. С. 516 – 517.)

²⁴⁵ Киевские контракты – ежегодная торгово-промышленная, многолюдная ярмарка во второй половине января. Здесь членам Тайного общества удобно было устраивать свои совещания. (Там само. Т. 2. С. 522.)

²⁴⁶ Сергей Григорьевич Волконский (1788 – 1865, с. Вороньки, ныне Черниговской обл.) – декабрист, генерал-майор (1817). Военную службу начал в 1805 г. в кавалергардском полку. Участник кампании 1806 – 1807 гг. в период наполеоновских войн, войны с Турцией 1806 – 1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русских войск 1813 – 1814 гг. Участвовал более чем в 50 сражениях. Особо отличился при Пултуске (1806), Прейсиш-Эйлау (1807), Батине (1810) и под Калишем (1813). С 1820 г. член тайного общества декабристов – «Союз благоденствия», с 1821 г. – Южного общества декабристов. Вместе с В. Л. Давыдовым руководил Каменской управой Южного общества. Устанавливал связи с Северным обществом декабристов. В 1825 г. участвовал в переговорах с представителями тайного революционного польского общества о выработке планов совместных действий. После восстания декабристов был арестован и приговорён к смертной казни, заменённой каторгой. В 1827 г. к месту каторги Волконского добровольно отправилась его жена Мария Волконская, дочь героя Отечественной войны 1812 г. генерала от кавалерии Н. Н. Раевского. В 1856 г. Волконский вернулся из Сибири. До конца жизни сохранил верность революционным воззрениям. Резко критиковал реформы 1860-х гг. за их половинчатость. Одобрял взгляды А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, с которыми встречался в конце 1850 – начале 1860-х гг. за границей. (Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 336.)

являются «очагами» «всех этих происков». Вероятно, какие-то смутные сведения агентуры о киевских собраниях декабристов доходили до Константина.

На «контракты» декабристов 1823 г. съехались Пестель, Юшневский, Волконский, Давыдов, Сергей Муравьев-Апостол...

Очевидно, Пестель не имел непосредственной необходимости готовить новый специальный доклад о своей конституции ко второму съезду. Такой доклад уже был им сделан на первом съезде. Слово теперь было уже не за ним, а за другими участниками собрания, взявшими год для обдумывания его. Он председательствовал на съезде... и участвовал в обсуждении. Разъяснял оставшиеся неясными или спорные вопросы, убеждал колеблющихся, а главное – подвёл итоги годичным размышлениям участников, в чём и был основной смысл съезда. Конечно, Пестель в порядке напоминания вновь изложил свои главные положения: «Как в 1822, так и в 1823 году было рассуждаемо о республиканском Правлении, и я при этом объяснял свои мысли и свой План конституции», – показывает Пестель.

Основы конституционного проекта, предложенные Пестелем, после тщательного рассмотрения были приняты съездом. Получили в основном одобрение и «способы действий» для достижения поставленных целей. Программа и тактика общества, таким образом, были приведены в ясность, «сокровенная цель» определилась. По ряду вопросов имели место жаркие прения, другие сразу оказались ясны и даже не потребовали обсуждения. Некоторые спорные вопросы были выделены для последующего рассмотрения, но они не колебали основных принятых принципов. Сергей Муравьев-Апостол показывает: «Пестель снова объяснял “Русскую Правду”, которая была принята всеми членами с некоторыми возражениями». В другом месте он свидетельствует ещё более отчётливо и без оговорок, что на киевских контрактах 1823 г. «единодушно приняты были всеми членами. “Русская Правда” и образ введения оной в Россию». Значит, несмотря на упомянутые возражения, очевидно, снятые голосованием, “Русская Правда” была принята съездом»²⁴⁷.

Головні, за Пестелем, обов'язки держави щодо громадян

Кожна історична епоха народжує генія, який, випереджаючи свій час, не мириться з кричущими неподобствами життя, та робить багато – коли не все, для перебудови сучасного їм суспільства.

Чітко та ясно і разом з тим – відповідно до тодішнього світогляду передових членів суспільства – викладав П. І. Пестель основні підходи до своїх планів перебудови державного устрою царської Росії: «Обязанности в государстве истекают из цели государства. Цель же государственного устройства должна быть – возможное благоденствие всех и каждого. А посему всё, ведущее к благоденствию, есть обязанность. Но поелику понятия о благоденствии бывают весьма различны и разнообразны, то и нужно сему положить некоторые основные или коренные правила. Обязанности, на человека от Бога посредством веры наложенные, суть первейшие и непрременнейшие. Они связывают духовный мир с естественным, жизнь брентную с жизнью вечною, и потому все постановления государственные должны быть в связи и согласии с обязанностями человека в отношении к вере и всевышнему созидателю миров. Сей первый род обязанностей касается мира духовного. Они нам известны из Священного писания.

Второй род обязанностей касается мира естественного. Они нам известны из законов природы и естественных. Бог – творец вселенной. Есть и творец законов природы, нужд естественных. Сии законы глубоко запечатлены в сердцах наших. Каждый человек им подвластен, никто не в силах их низвергнуть, и потому постановления государственные должны быть в таком же согласии с неизменными законами природы, как и со святыми законами веры.

²⁴⁷ М. В. Нечкина. Движение декабристов. Том I. М., 1955. С. 396 – 397.

Громадянське суспільство має піклуватися про всіх людей і разом з тим – про кожну людину

Наконец третий род обязанностей порождается составлением гражданских обществ или государств. Первое правило²⁴⁸ в сём деле состоит в том, что всякое стремление в государстве к правилодоставлению оному благоденствия должно быть в соответствии с законами духовными и законами естественными.

Второе правило: что все государственные постановления должны стремиться единственно к благоденствию гражданского общества, причём всякое действие, сему благоденствию противное или ему вредящее, признаваемо быть должно преступлением.

Третье правило, что благоденствие общественное должно считаться важнее благоденствия частного, и ежели оные находятся в противуборстве, то первое должно получить перевес.

Четвёртое правило, что благоденствием общественным признаваемо должно быть благоденствие совокупности народа, из чего следует, что истинная цель государственного устройства должна непременно быть – возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве, почему и должны всегда выгоды части или одного нераздельного уступать выгодам целого, признавая целым совокупность или массу народа.

Пятое, наконец, правило состоит в том, что частный человек, делая усилия к доставлению себе благоденствия, не должен выступать из круга своего действия и входить в круг действия другого, т. е. что благоденствие одного человека не должно наносить вреда, а тем ещё менее, гибели другому.

Підсумок суджень П. І. Пестеля про «государственное благоденствие»

Коль скоро все деяния как правительства, так и частных людей на сих правилах основаны будут, то государство несомненно, пользоваться будет возможным благоденствием. Все же законы и постановления государственные непременно с сими правилами в полной мере совершенно согласоваться...

Выше пояснено, что государство состоит из правительства и народа. Народ есть совокупность всех тех людей, которые, принадлежа к одному и тому же государству, составляют гражданское общество, имеющее целью своего существования возможное благосостояние всех и каждого. Непреложный закон гражданских обществ заключается в том, что каждое государство состоит из народа и правительства, следовательно, народ не есть правительство, а каждое из оных имеет свои особенности и права; однако же правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное, между тем наш народ существует для собственного своего блага и для выполнения воли всевышнего, призвавшего людей на сей земле прославлять его имя, быть добродетельными и счастливыми. Сей закон Божий поставлен для всех людей в равной мере, и, следовательно, все имеют право на его исполнение. А посему народ российский не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства»²⁴⁹

²⁴⁸ Це і наступні чотири виділення курсивом – нашi. – Авт.

²⁴⁹ Избранные... произведения декабристов. Т. 2. С. 522. Курсив наш. – Авт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.